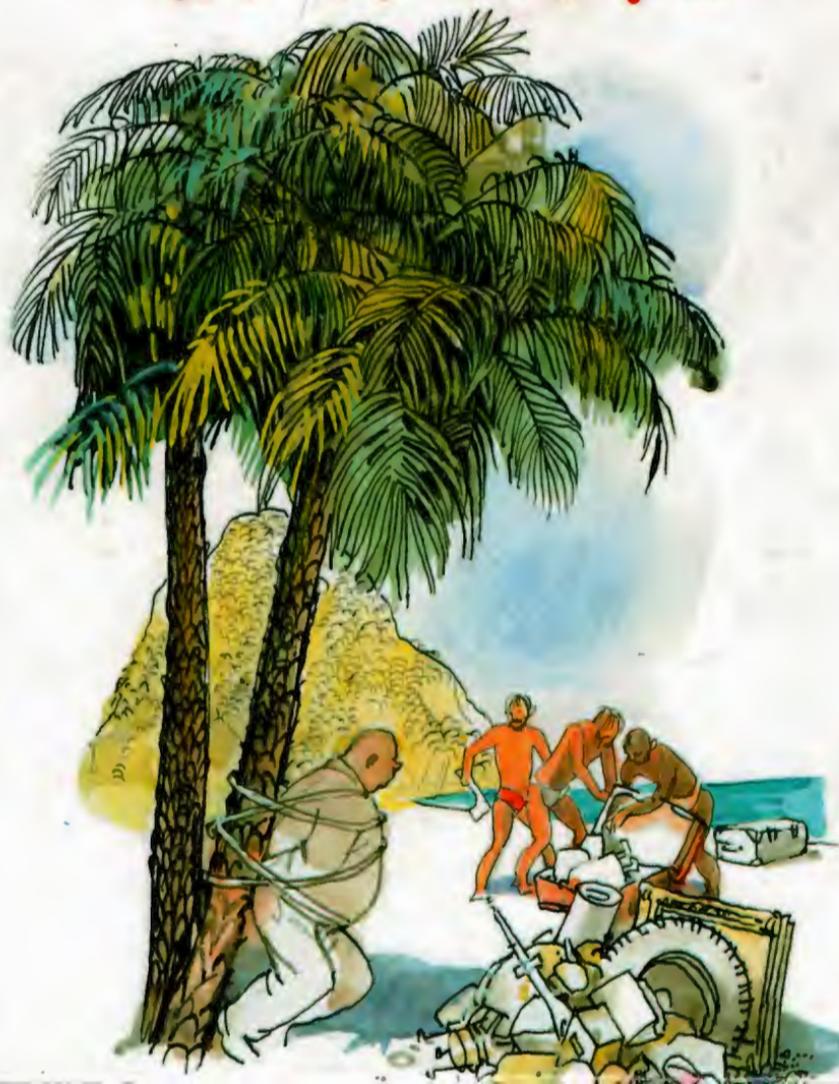


А 42

ВАСИЛИЙ АКСЁНОВ

# Сундук, в котором что-то стучит



84(2Рос=Рус)  
А 42  
**ВАСИЛИЙ АКСЁНОВ**

# **Сундучок, в котором что-то стучит**

*Приключенческий роман*



13 24 94/1  
АСТ  
АСТРЕЛЬ  
Москва

Муниципальное объединение  
Библиотек  
620077 г. Екатеринбург  
ул. Антона Валека, 12

УДК 821.161.1-3-053.2

ББК 84 (2Рос-Рус)6-44

А42

Художник  
Г. Мазурин

Аксенов, В. П.

**А42** Сундучок, в котором что-то стучит : приключенческий роман / Василий Аксенов; рис. Г. Мазурин. — М.: Астрель: АСТ, 2007. — 284,[4] с.: ил. — (Любимое чтение).

ISBN 978-5-17-042779-6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-17258-8 (ООО «Издательство Астрель»)

Продолжение истории об удивительных приключениях ленинградского подростка Геннадия Стратофонтова, который хорошо учился в школе и не растерялся в трудных обстоятельствах, а сумел раскрыть тайну старинного сундучка.

УДК 821.161.1-3-053.2

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 29.03.2007.

Формат 84×108<sup>1/32</sup>. Гарнитура Школьная. Печать высокая с ФПФ.

Усл. печ. л. 15,1. Тираж 4000 экз. Заказ 1389.

ISBN 978-5-17-042779-6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-17258-8 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-985-16-1909-8 (ООО «Харвест»)

© Аксенов В. П., 2007

© Мазурин Г. А. Иллюстрации, 2007

© ООО «Издательство Астрель», 2007

## ПРОЛОГ

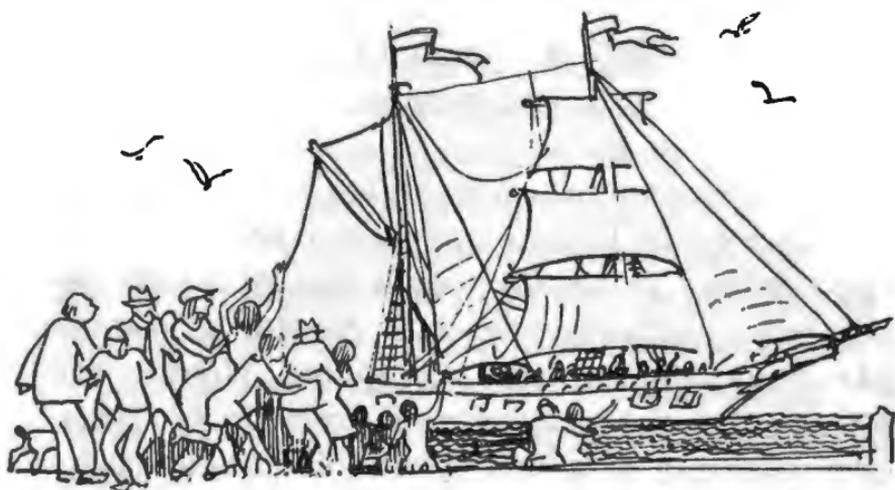
Даже в час «пик» на Невском проспекте в самой яркой, самой живописной толпе вы, конечно, заметите моего героя. Казалось бы, вполне обычный мальчик, в скромном джинсовом костюме, рослый, крепкий, румяный мальчик, каких сейчас тысячи; подросток на грани юношества, скромный и спокойный мальчик, но чем-то он, безусловно, остановит ваш взгляд, и вы даже несколько секунд будете смотреть ему вслед.

Походкой ли, глазами ли, взметнувшейся ли под порывом неевского ветра шеве-

люрой, какой-либо мимолетностью, но мальчик этот напомнит вам что-то таинственное и сокровенное из вашей собственной жизни, что-то, чего вы сами, возможно, никогда и не пережили, но о чем, может быть, вы читали, или мечтали, или то, что вы видели во сне, — словом, вы сразу поймете, что мимо вас прошел герой приключенческой книги.

Полное имя этого мальчика — Геннадий Эдуардович Стратофонов.





## ГЛАВА I,

*в которой зарождается новая повесть  
со старыми героями*

Была белая ночь жаркого зрелого июня, такая традиционно прекрасная, такая белая, пустынная, такая... ах, такая... когда я, автор этой книги, приехал в Ленинград на автомобиле. Усталый после семисоткилометровой дороги, я медленно катил по улицам любимого города, где когда-то с жаром проводил свою юность. Почти каждый мост, почти каждый перекресток здесь напоминал мне что-нибудь: иногда

хорошее, иногда не очень, иногда какое-то чрезвычайно важное событие, которое теперь не стоило ни гроша, иногда какую-нибудь ерунду, которая теперь, спустя столько лет, очень волновала.

Приближалась полночь. Улицы были почти пусты. Редко проезжал освещенный троллейбус с двумя-тремя читателями вечерних газет, иногда такси, иногда машины с европейскими номерами. Почти все светофоры были уже переведены на желтое мигание, и я без остановок докатил до Центрального телеграфа, что на улице Герцена рядом с аркой Главного штаба. Здесь мне надо было остановиться и позвонить в Москву близким людям, сообщить о благополучном прибытии.

Какое, право, замечательное достояние цивилизации — междугородний кабельный телефон! Да, безусловно, это замечательное достижение, которое приносит людям только пользу, соединяет души через огромные пространства и не загрязняет окружающую среду.

Опускаешь кучку монет в узкую щель, отщелкиваешь одним пальцем единичку, потом набираешь номер (другого города!) — щелк-щелк! — и вот уже близкие люди слышат твой голос через семьсот километ-

ров, и слышимость по ночам великолепная.

— Ну как там ночь? — спросили близкие люди. — Действительно, белая?

— Белая, — сказал я. — Фантастическая пустынность светлых улиц.

— Я тебе завидую, — сказали близкие люди. — Какой ты всегда хитрый! Вечно выбираешь себе что-нибудь получше.

— Завидуй, завидуй, — подразнил я близких людей. — Поклацай зубами от зависти.

Близкие люди начали клацать зубами и клацали долго, самозабвенно и совсем мне уже не отвечали. К счастью, монеты кончились и автомат погас.

Вот еще одно из замечательнейших качеств современного междугородного телефона: одна пятнадцатикопеечная монета включает его не более чем на тридцать секунд. Особенно-то при таких условиях зубами не поклацаешь.

Я прошел по гулкому кафелю Центрального телеграфа, бормоча себе под нос одну из песенок Гершвина. Почему-то всегда после таких разговоров хочется погудеть себе под нос что-нибудь из Гершвина.

Я вышел на ночную улицу и не узнал ее. Пустынная еще четверть часа назад,

она была сейчас забита молодежью. Вы знаете, конечно, что такое «катафоты», эти краски, отражающие свет? В прозрачных сумерках, словно катафоты, светились ярчайшие и широчайшие брюки современной молодежи — лимонные, голубые, пунцовые... Установившаяся в последние годы прелестная свобода в одежде придает всей жизни какой-то оттенок карнавальности: здесь же передо мной был не оттенок, а самый настоящий карнавал, только без масок. Я не понимал, откуда все это взялось, в чем смысл происходящего, и все казалось мне таинственным: взгляды, улыбки, обрывки фраз, обрывки музыки из бесчисленных транзисторов, гитарные ритмы... Все это напоминало какой-то зурбаганский карнавал, да и маски, пожалуй, я находил на всех лицах, окружавших меня, маски веселой таинственности.

Пробираясь к машине, я увидел, что и Невский заполнен молодежью, бегущей толпой возбужденной и красивой молодежи. По проезжей части Невского медленно текла бесконечная лента автомобилей, и их габаритные огни, светящиеся в светлоте белой ночи, тоже казались таинственными. Таинственные карнавальные огни, скользящие в толпе. Все двигалось к Неве.

На Исаакиевской площади толпа стала еще гуще. Я медленно полз за «Волгой М-24», а за мной тащился, раскрыв недоумевающие хрустальные глаза, «Мерседес-350». Честно говоря, я совсем не отдавал себе отчета, куда я еду, просто подчинялся общему движению. Стопа моей правой ноги скрючилась и руки одеревенели от долгой езды, но я как будто бы даже забыл о ночлеге, о пустой квартире ленинградского друга, которая меня дожидалась.

В небо поднялись и повисли несколько ракет. Чем ближе мы продвигались к реке, тем отчетливей пахло горячей смолой. Иной раз даже казалось, что слышишь треск многочисленных факелов. Так трещали они, должно быть, и на форуме в Древнем Риме. На куполе Исаакия, словно крыло ангела, лежала серебряная тень неба.

— Проезд на площадь Декабристов закрыт! — гулко говорил сквозь александровскую листву чей-то усиленный голос. — Проезд закрыт! Поворот налево! Всем поворот налево!

Вчера, вчера  
Моя тревога улетела  
вдалы!

Вчера, вчера  
Любовь ушла, и мне  
ее не жаль!

Песенка неслась из кармана какого-то субъекта, который в этой толпе умудрялся прогуливать своего пуделя. Субъект и пудель оба были замшелыми, какими-то потертыми, но очень гордыми. Они словно бы внимания не обращали на происходящее вокруг.

Субъекту было основательно за пятьдесят, и он курил длинные папиросы, каких сейчас уже никто не курит. Манера, с которой он держал в пальцах свою папиросу, вызывала уважение. Слегка желтоватые белки глаз, слегка синеватые уголки губ, коричневатые мочки ушей говорили о перенесенных болезнях. Твердый воротничок рубашки свидетельствовал о несомненной опрятности с той же уверенностью, с какой замшелый пиджачок свидетельствовал о скромных средствах. Независимый маленький человек с брюзгливым складом лица прогуливал своего пуделя по исторической площади, где когда-то в скорбном противоборстве с империей стояли ряды декабристов, а ныне шумел таинственный молодежный карнавал. Должно быть, он ежедневно

совершал эту процедуру и не собирался считаться ни с историей, ни с сегодняшней ночью.

Пудель всем своим видом показывал, что разделяет мысли и настроение своего хозяина. Есть общепринятое мнение, что с годами владелец собаки становится похож на своего подопечного. Неверно. Собака, как существо младшего ранга, подлаживается к своему хозяину и с годами перенимает его мысли и вкусы и даже выражение лица.

Наверное, я не обратил бы внимания на этого субъекта, если б не контраст его внешнего облика и современного слюурочка, вылетающего из его кармана. Транзистор, лежащий в кармане, казалось, жил своей отдельной частной жизнью, независимой от кармана, от пиджака, а тем более от человека в пиджаке.

Впрочем, внимание мое быстро рассеялось. Музыка летела со всех сторон. Вот прошел рослый волосатый детина в майке с собственным портретом на груди. Из живота у него летела песенка:

Ты говоришь: «Пока!»

Я говорю: «Привет!»

Ты говоришь: «Пока!»

Я говорю: «Привет!»

Этот был в полной гармонии со своим транзистором.

Вот стайкой — ах, именно стайкой! — держась за руки, традиционной стайкой в белых платяцах прошли девочки-выпускницы.

«Мы наденем праздничные платяца...» — подпевали они своим транзисторам.

Прошел господин иностранец с замшевым мешком под мышкой. Мешок голосил:

Иф ю лайк Юколели леди,  
Юколели леди лайкс ю...

Под копытами Медного всадника, в непосредственном соседстве с посрамленной змеей, стоял на дощатом помосте квартет различных молодых людей среднего возраста.

Там горы синие!  
Там люди сильные!  
Ливни обильные!  
Добрые пеликаны!  
Гордые великаны!  
Там! Там! —

пел квартет.

При звуке «там» четыре руки показывали в разные стороны света, а четыре другие руки опускались вниз и делали движение, похожее на гребок пловца. Поневоле

у всех слушателей и зрителей повышалось настроение.

Медный всадник и помост с квартетом были освещены ярчайшим кинематографическим светом, а возле скверика стояли огромные, двух- и трехэтажные, фургоны телевидения. Теперь я понял, откуда взялся этот запах, похожий на запах древнеримских факелов. Так пахнут «диги» — киношные осветительные приборы. Они во множестве были расставлены по историческому плацу.

Впрочем, и факелы пылали, но только на другом берегу Невы. Огромные желтые языки полыхали над Ростральными колоннами, на Стрелке Васильевского острова, и Петропавловская крепость вся была окаймлена живым огнем.

«Что же все-таки происходит глухой ночью в городе моей молодости?» — задал я себе вопрос и получил наконец ответ.

За Дворцовым мостом посредине Невы появился корабль с алыми парусами.

— Алые паруса!

«Это гриновский праздник ленинградской молодежи, ночь после последнего экзамена, — вспомнил я. — Это, стало быть, тот самый знаменитый праздник, который стал уже по-хорошему традиционным в

городе на короткой, но полноводной Неве. Вот куда я попал! Вот удача!»

И не успел я произнести в уме слово «удача», как тут же увидел своего старого друга Гену Стратофонтова. Не знаю, можно ли назвать старым другом мальчика тринадцати лет, но тем не менее это был он, тот самый пионер, «который хорошо учился в школе и не растерялся в трудных обстоятельствах»; тот самый друг всех людей и животных доброй воли и непреклонный противник черных сил мировой мафии; тот, чьи мужество, смекалка и благородство пришли на помощь простодушным островитянам-эмпирейцам в самый ответственный момент их истории; мальчик, владеющий четырьмя языками, включая свой собственный, а также и дельфиний ультразвуковой язык, владеющий приемами каратэ и теннисной ракеткой с одинаковой ловкостью, короче говоря — это был он, герой повести «Мой дедушка — памятник»!

Читатель-друг, хотите знать, что я почувствовал при виде Геннадия? Не скрою от вас, я почувствовал непередаваемое волнение. Должно быть, я не выдам профессионального секрета, если скажу, что любой из моих коллег-писателей при встрече со своими прежними героями, с которыми,

казалось бы, распростился навсегда, испытывает непередаваемое волнение.

Именно волнение помешало мне немедленно подойти к Геннадию, немедленно пожать ему руку и вступить в разговор. Борясь с волнением, я стоял на ступенях Сената и смотрел на Гену. Может быть, именно благодаря моему волнению Гена повел себя дальше столь загадочно. Он явно был уверен, что за ним никто не наблюдает, и меньше всего он думал, конечно, в этот момент, что за ним с непередаваемым волнением наблюдает автор повести. Таким образом, мое волнение, возможно, и стало причиной появления этой новой книги о пионере Стратофонтове.

В поведении Гены среди ликующей толпы ленинградской молодежи было много странного. Прежде всего было странно, что он находился здесь, в толпе, после полуночи. Напомним читателю, что наш герой к молодежи пока что не принадлежал. Он был пока всего лишь ребенком, и ему полагалось в этот час мирно спать в лоне своей семьи, несмотря на праздник «Алые паруса». Современное явление акселерация многих сбивает с толку, дети растут не по дням, а по часам. Иной раз кажется, что впереди тебя идет великовозрастный дети-

на, но, обгоняя, видишь его порослячьи розовые щечки и курносый нос карапуза. Конечно, Гена в свои неполные тринадцать ростом не уступал среднему юноше пятидесятих годов, но он был здравомыслящим мальчиком и никогда этим не кичился. Он всегда вел себя в соответствии со своим возрастом. За исключением н е к о т о р ы х случаев... Вот именно, за исключением некоторых случаев, которые и становятся книгой. Да-да, он вел себя неожиданно именно тогда, когда его подхватывал гремящий беззвучным громом вихрь Приключения. Приключение...

Второй странностью было то, что Гена, казалось, совсем не обращал внимания на кипящий вокруг праздник. Казалось, он пришел сюда вовсе не ради этого праздника. Казалось, его даже немного раздражает бурление, кишение, пение и говорение вокруг, как раздражало оно того субъекта с пуделем, того потертого мизантропа.

Гена даже не смотрел в сторону Невы, куда были устремлены все взгляды, он не обращал ни малейшего внимания ни на какие символы романтики, даже на самые алые паруса, он наблюдал, именно наблюдал, вот именно — он сосредоточенно наблюдал за небом.

Взгляд мальчика был устремлен за Неву, к Петропавловскому шпилью. Он словно бы ждал чего-то и был как бы растерян. Да-да, он как бы нервничал и временами оглядывался по сторонам в замешательстве.

Вдруг восточнее Петропавловского шпиля появилась какая-то точка. Ее никто на площади не заметил, кроме Гены и меня, ибо я в непередаваемом волнении следил за взглядом мальчика. Точка приближалась.

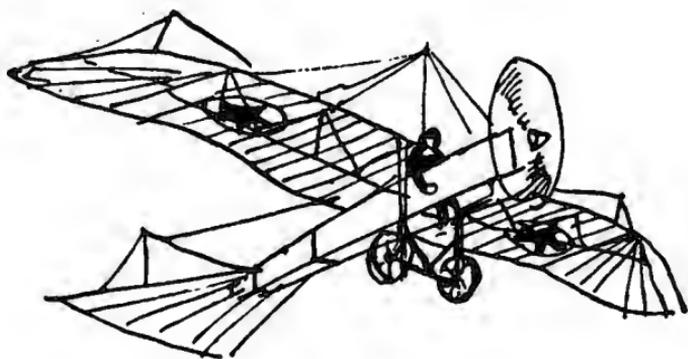
«Вертолет? — подумал я. — Должно быть, это летит вертолет, который будет разбрасывать романтические листовки или снимать нас всех со своего вертолечьего полета на цветную пленку.

Это был не вертолет. Это был моноплан системы «Этрих» выпуска 1913 года, похожий, как тогда писали в газетах, на «большую хищную птицу». Это было что-то немыслимое!

Летательный аппарат на парусиновых крыльях перелетал через Неву, и теперь явственно были видны две человеческие ноги, свисающие с пилотского сиденья.

Площадь наконец заметила аппарат и взорвалась восторгом.

— Во дает! — таково было единодушное мнение.



Увлеченный приближением музейной диковины, я на несколько минут упустил из виду своего героя, а когда снова глянул на него, то не нашел его на прежнем месте.

Гена был на другом месте. Он стоял возле одного из «дигов» и крепкой, решительной рукой направлял фонарь в небо. Губы его были плотно сжаты, а челюсть резко обозначена. Такое лицо было у нашего героя в предыдущей книге, когда он переплывал с Карбункла в Оук-порт или дрался с «Анакондой» на Хиллингтон-роуд в Англии. Он направил луч съемочного фонаря прямо на подлетающий аэроплан, а затем сорвал со своих плеч куртку, накинул ее на «диг» и несколько раз, пока «Этрих» пролетал над площадью, приоткрыл огненное око.

Геннадий явно сигнализировал — сигна-ли-зи-ровал! — да-да, несомненно, он подавал какой-то сигнал этому странно и почему-то очень знакомо жужжащему с высоты призраку начала нашего века.

Возможно ли? Какая связь существует между современным пионером и допотопной летательной конструкцией? Все большее волнение охватывало меня. Я чувствовал, что снова приближается время чудес.

Я готов был поклясться, что пилот при-

нял сигнал Геннадия и понял его. Иначе почему же он так лихо качнул своими нелепыми крыльями и почему же три раза мелькнула в высоте смешная клетчатая кепка с пуговкой?

Нет, читатель, меня не схватишь за руку! Аппарат летел так медленно и так низко, что я успел разглядеть не только кепку с пуговкой, но и подметки очень старых, но очень крепких ботинок с медными подковками, и желтые потрескавшиеся краги, и сивый ус пилота, который трепетал на ветру.

Конечно, я понимал, что полет над ночным праздником старинного самолета — ловкий фокус, милый и умелый камуфляж, и под перьями «Этриха» скрывается вполне жизнеспособный какой-нибудь «ЯК» или «МИГ», но фокус был сделан здорово: пропеллер вращался столь ненадежно, фюзеляж был столь неуклюж и все зрелище вызывало впечатление такого страшного риска, что невольно вспоминались первые летчики, все эти Райты, Блерио, Ефимовы, Уточкины, Четверкины, и хотелось снять шляпу перед памятью этих бесстрашных.

Шляп, однако, на площади в этот час не было, а были только задранные вверх лох-

матые головы современной молодежи. На их глазах совершалось чудо — утверждался новый символ всемогущей Романтики; старинный самолет присоединялся к нехоженным тропкам, костру и бригантине. Рядом со мной разговаривали два парня.

**П е р в ы й.** Во дает!

**В т о р о й.** Да нет, такого быть не может! Такая рухлядь летать не может!

**П е р в ы й.** В кино все возможно.

**В т о р о й.** В кино-то, конечно: монтаж, комбинированные съемки... но в жизни такое невозможно.

**П е р в ы й.** Ясно, в жизни на такой вешалке не полетишь, а в кино ничего хитрого.

**В т о р о й.** Да ведь вот же та вешалка! Летит над нами!

**П е р в ы й.** Чего же тут хитрого?

**В т о р о й.** Позволь, старик, но ведь мы же с тобой сейчас не в кино?

**П е р в ы й.** Ясно, что не в кино. Мы сейчас с тобой, парень, на телевидении. Сейчас нас с тобой транслируют по всей ящичковой системе!

**В т о р о й.** Значит, это он по телевидению летит?

Парни посмотрели друг на друга, и оба покрутили пальцами у виска.

Отвлеченный аэропланом и любопытным разговором, я на несколько минут забыл про Гену. Когда я спохватился, его возле «дига» не было. Там был теперь осветитель, который свирепо грозил в толпу кулаком, а мальчик исчез. Был ли мальчик-то?

В отчаянии я сбежал по ступенькам в толпу. Неужели я потерял его? Неужели ничего таинственного не произойдет? Неужели повесть не состоится? Вокруг танцевали шейк, лег, кварк, вальс, молдаванеску, русского, пели хором и соло, играли в неизменную «муху», обменивались поцелуями.

Про самолет, этот фокус телевидения, все уже забыли: чего, мол, только на экране не увидишь! А он тем временем удалялся, набирая высоту. Он облетел вокруг купола Исаакия, и тень его медленно прошла по тусклой меди. И столько грусти было в этом скольжении, что мне на миг показалось, что время сдвинулось и что телевидения в мире еще нет.

Я тихо ушел с площади в темную Галерную улицу. Мне захотелось побыть одному и в одиночестве пережить свою неудачу.

Однако уйти от праздника в эту ночь было невозможно. В Галерной шла массо-

вая, но довольно странная игра. Молодые люди и девушки стояли парами в затылок друг другу, подняв вверх руки и образовав ими некое подобие коридора. По этому коридору с начала в конец бежала какая-нибудь одинокая непарная личность, и, пока она бежала, она имела право взять за руку любую другую личность, образовать с ней пару и встать в конец, а ту личность, что осталась, обречь на новый выбор. Я много видел молодежных игр и не удивился бы даже этой, если бы не заметил вдруг среди играющих субъекта с пуделем.

Субъект (будем называть его так, пока не узнаем его имени) нашел себе для игры весьма удивительную пару — дворничиху. Это была мрачноватая костистая особа в массивных очках, которые одновременно являлись слуховым аппаратом. В правой руке у нее были метла и совок. Странная пара (вернее, тройка, если не забывать о пуделе) стояла молча, подняв над головами сцепленные руки, он правую, она левую. Они не разговаривали друг с другом и не улыбались, они как бы показывались кому-то. У меня возникло отчетливое ощущение, что они хотят, чтобы их кто-то увидел со стороны.

Молодежь их не выбирала. Казалось

бы, ради шутки, доброго юмора молодежь должна бы выбрать себе в пару пожилого гордеца, или не менее пожилую колдунью-дворничиху, или, на худой конец, клочковатого, со следами бывшего шика, пуделя. Однако молодежь относилась к своей игре очень серьезно. Здесь преобладали курсанты морских училищ и выпускницы в белых платьицах. Должно быть, эта игра служила поводом для выяснения серьезнейших отношений.

Вдруг неожиданно вся колонна ритмично захлопала в ладоши и пропела:

Ручеек! Ручеек!  
Приглашаем на чаек!

Я вздохнул с облегчением. «Ручеек» — вот как называется эта игра. Славно!

Субъект немного замешкался с хлопками, и дворничиха недовольно на него посмотрела. Потом они снова застыли. По мере игры они оказывались то во главе «ручейка», то в хвосте, то в середине, и я подумал, что для этой игры совершенно необходима пара, которую никто не выбирает, эдакий центр игры.

Что мне оставалось делать, как не предаваться подобного рода вялым размыш-

лениям? Геннадий исчез, самолет улетел. Повесть, как видно, не состоится.

И вдруг я увидел, что дворничиха заволновалась. Она стала украдкой бросать взгляды то на один тротуар, то на другой. По обеим сторонам Галерной медленно текла праздничная толпа, и на одной из сторон внутри толпы тек пресолиднейший господин с мощным мясистым загривком, с бобриком седых волос на голове старого боксера, с массивным животом, обтянутым пунцовым жилетом. В одном из двух ушей этого невероятно знакомого мне господина мерцал драгоценный камень. Я давно уже не встречал буйвола мясной индустрии Адольфуса Селестины Сиракузерса и лишь поэтому не мог с уверенностью сказать, что это именно он.

Сиракузерс Под Вопросом (будем пока называть его так) спокойно тек в толпе, пока взгляд его не остановился на «ручейке». Субъект и дворничиха как раз находились впереди, и Сиракузерс Под Вопросом заметил их. Он остановился, и на лице его отразилось мучительное припоминание. Видимо, для того, чтобы ускорить этот процесс, С-П-В извлек из жилетного кармана ампулу и выкатил себе на ладонь огромный оранжевый витамин. Пока витамин совер-

шал свое благотворное дело в организме С-П-В, дворничиха делала ему призывные знаки и опасно озиралась на другую сторону улицы, где тоже текла толпа.

Из этой другой толпы вдруг выскочил Гена Стратофонов. Я и опомниться не успел, как он пронзил насквозь весь «ручечек» и выбрал себе в пару никого другого, как субъекта с пуделем. На лице субъекта отразился неподдельный ужас, когда он обнаружил свою ладонь в крепкой руке пионера. Удивлению моему не было конца: Гена увлек субъекта в глубь «ручейка» и утвердился с ним в хвосте игры.

Оставшаяся в одиночестве дворничиха не пожелала выбрать себе в пару морского курсанта. Она сердито что-то буркнула под нос и взялась за метлу. Что касается Сиракузерса Под Вопросом, то он, так и не вспомнив то, что хотел, а вспомнив явно не то, что хотел, весело хмыкнул, хлопнул себя по загривку и спокойно потек в толпе под арку на ликующую площадь.

Крайне удивленный всеми этими событиями, я не бросился к своему герою, а выждал. Не зря. Я увидел, что мальчик задал субъекту какой-то нетерпеливый требовательный вопрос, а тот в ответ только задрал нос, хотя и был явно смущен. Гена

повторил свой вопрос и сердито топнул ногой, и тогда в эту ногу с неприятным коварством впился пудель.

Вновь я поразился выдержке Геннадия. На лице его не дрогнул ни один мускул, он даже не шелохнулся, не отшвырнул пса. Видимо, он не хотел привлекать к себе внимания и потому предоставил собаке свободно грызть свою ногу.

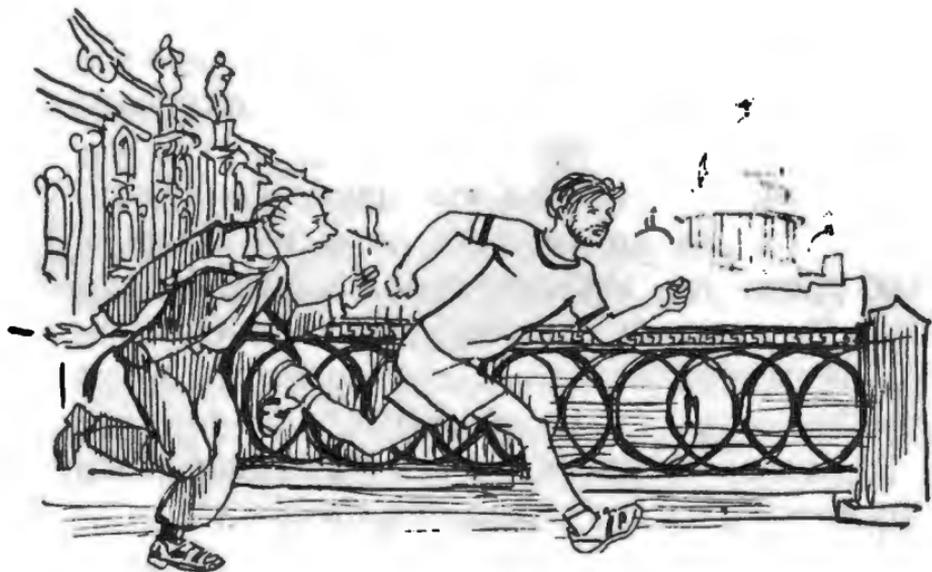
Я этого стерпеть не мог. Я шагнул было вперед, но тут... Видимо, не один я внимательно наблюдал за этой сценой. С карниза одного из домов прямо на спину пуделю упал какой-то серый, сверкающий двумя глазами и шипящий комок. Пес в ужасе вырвал поводок и устремился под арку, унося на своей спине нечто серое и клубящееся.

Крик неподдельного отчаяния, дорогой читатель, вырвался из уст нашего субъекта. Он бросился за пуделем, громко восклицая:

— Онегро! Онегро! Подожди! Умоляю!

Не исключена возможность, что более близкого существа на свете, чем Онегро, у субъекта не было.

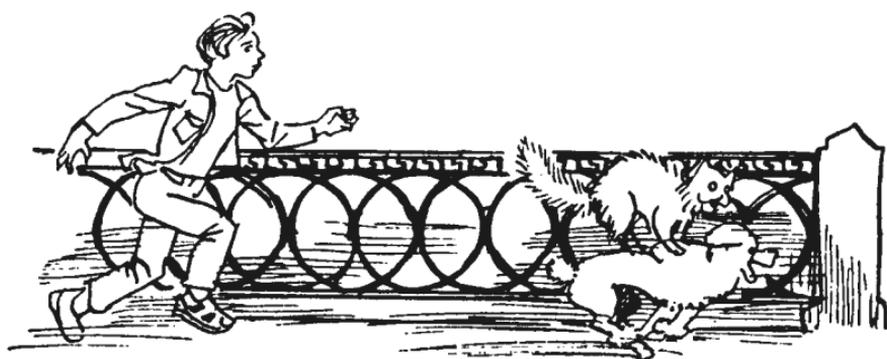
Гамма чувств, дорогой читатель, отразилась на лице моего героя, и среди этих чувств не на последнем месте была жалость,



а жалость, как известно, украшает молодое лицо... С этой гаммой на лице Геннадий бросился по пятам за субъектом. Видимо, Цель — цель с большой буквы, дорогой читатель, за которой у порядочных людей всегда стоит чувство долга — была выше всей гаммы бысролетных, увы, чувств.

Должно быть, не нужно даже и объяснять, почему вслед за Геной пустился я. Автор бежит за своим героем — в этой картине нет ничего странного.

Пронесясь под аркой, мы — пес с котом на спине, субъект, лишившийся пса, Гена со своей гаммой чувств и я, преисполненный надежд на будущую повесть, — вырвались на историческую площадь, закулили в толпе, обогнули серую глыбу гранита, пронеслись



под дощатым помостом, на котором выбивали дробь сапоги романтиков (октет «Ивушка зеленая» вкупе с секстетом «Добрыня»), пробежали мимо собора на Исаакиевскую площадь, и далее, все ускоряясь, все подсвистывая, помчались по Мойке, и далее по Невскому, по Садовой, по Марсову полю, по Кировскому мосту, по Кронверкской на Стрелку и далее по набережной Васильевского острова и через мост Лейтенанта Шмидта на площадь Труда и по бульвару Профсоюзов мимо Манежа вернулись на Исаакиевскую, чтобы снова улететь на Мойку. Бег был крайне тяжел, но интересен. Картины города, мелькающие мимо на такой страшной скорости, чудесным образом преображались, а молодежные толпы, не за-

мечавшие нас, сливались в одну фантазмагорическую ленту. Временами мне казалось, что следом за нами мчится на метле дворничиха в слуховых очках, временами я видел спешащего сбоку Сиракузерса Под Вопросом, который на бегу глотал особые голубые пилюли для скорости. Однако ни метла, ни пилюли не помогали, и мы — пес с котом на спине, субъект, лишившийся пса, Гена со своей гаммой чувств, и я, преисполненный надежд, — неслись без всяких спутников.

Вдруг все кончилось. Я увидел себя в белых сумерках на берегу безлюдного канала, среди молчаливых домов. Я сидел на ступеньках узенького пешеходного мостика, который держали в зубах четыре гигантских мраморных льва с золотыми крыльями — два льва на одной стороне канала, два на другой.

Мостик явно не соответствовал львиному величию, и они держали его в зубах с презрительным видом: ведь они с успехом могли бы держать в зубах и Дворцовый, и Каменный, и Бруклинский, черт возьми, и Тауэр Бридж в туманном Лондоне. Что делать, показывали своим видом крылатые истуканы, такова наша странная судьба. Нам приходится держать в зубах этот

жалкий Львиный мостик над каналом Грибоедова, и мы, сохраняя верность своему долгу, держим его, а ведь можем в любую минуту прыгнуть и улететь вместе с этим мостом и с мальчишкой, который сейчас сидит на его горбу.

— Здравствуйте, Василий Павлович, — тихо сказал Гена. — Я давно вас заметил в праздничной толпе на площади Декабристов, но мне не хотелось запутывать вас в эту нелепую историю. Боюсь, однако, что...

Он внезапно умолк.

Я огляделся. Среди полной пустынности на фоне чуть начинающего голубеть неба виднелся кот Пуша Шуткин. Он молча сделал мне приветственный жест с гребня крыши.

Я еще раз огляделся. Ко мне, уютно журча и светя подфарниками, словно разумное существо, ехал мой «Жигуленок». Как он нашел дорогу от набережной сюда в незнакомом городе? Ей-ей, недооцениваем мы эти современные автомобили.

Я огляделся в третий раз и увидел, что со стороны Невского проспекта мимо колонн Казанского собора едет к нам по асфальту тот самый старинный «Этрих», что еще недавно пролетел над «Алыми парусами». Это было уже слишком! Я потрянул

головой, взгляделся и увидел, не без радости, что «Этрих» все-таки едет не сам по себе. Его тянул за бечевку стройный старик с длинными сивыми усами, в клетчатой кепке с пуговкой, в кожаной куртке и желтых крагах.

— Познакомьтесь, Василий Павлович, — сказал Гена. — Это мой друг, авиатор Юрий Игнатьевич Четверкин.

Старик коротким энергичным кивком приветствовал меня. Так приветствовали друг друга спортсмены в начале нашего века.

— Очень рад, — сказал я, вставая и волнуясь. — В свою очередь, Юрий Игнатьевич, разрешите мне представить вам моего друга — «ВАЗ-2102».

Автомобиль любезно помигал сначала левым, потом правым сигналом поворота.

— Ваш друг, любезнейший Василий Павлович, родственник моего друга моноплана системы — «Этрих», — не без лукавства сказал старый авиатор.

— Позвольте! — Я едва не произнес «Юра», так молодо поблескивали глаза старика. — Позвольте, Юрий Игнатьевич, что общего между этой почтенной птицей и современной малолитражкой?

— Поясню, — охотно и любезно сказал

Четверкин, приблизился ко мне и даже слегка притронулся к «молнии» моей куртки своим сильным, желтоватым от табака и солидола пальцем. — Как вы, должно быть, понимаете, Василий Павлович, первоначальный двигатель моего друга, девятицилиндровый тридцатисильный «анзани» ротативного типа, давно уже, увы, вышел в тираж. В последующие десятилетия я снабжал своего друга различными двигателями внутреннего сгорания, а сейчас, в результате долгих изысканий, мне удалось приспособить мотор «Жигули», изделие наших волжских умельцев. Таким образом...

«Вот почему жужжание аэро с небес подлунных показалось мне таким знакомым», — подумал я и воскликнул:

— Я очень рад! Я очень рад, очень рад всем этим обстоятельствам. Я рад вам. Гена, рад вам, Юрий Игнатьевич, рад вам, герр «Этрих», рад, что мы в родстве, и от души рад вам, Пуша Шуткин, хотя вы и не спускаетесь с крыши.

Кот сделал передними лапами жест, который можно было бы прочесть так: «Рад, мол, да не могу».

Читатель, любезный друг, простите мне излишнюю эмоциональность рассказа. По-

ставьте себя на мое место в прозрачные сумерки белой ночи, не затрудняющие, но лишь обостряющие зрение. Вы стоите на удивительном Львином мостике в окружении своих героев. Судьба свела вместе героев двух ваших разных повестей и привела их к началу третьей. В том, что повесть состоится, я уже почти не сомневался.

— Простите, Юрий Игнатьевич, — борясь с волнением, осторожно обратился я к старому авиатору. Осторожности, читатель, научила меня моя профессия. — Не являетесь ли вы родственником знаменитого в «Серебряном веке» пилота Юрия Четверкина, имя которого связано с подвигами легендарного Ивана Пирамиды?

— Как! — вскричал авиатор. — Вы знакомы с этой историей?!

— Более того, я... эм... написал об этом повесть, — смущенно пробормотал я. — А вы не читали?

Теперь настала очередь смутиться Юрию Игнатьевичу.

— Увы, все свободное время Юрия Игнатьевича поглощает техническая литература, — пришел ему на выручку Гена.

— Не до повестей, право! — Пилот смущенно продувал носом левый ус.

— Однако «Этрих»! — воскликнул я. — Помнится, вы не летали на этой системе.

— Фон Лерхе, добрый мой приятель, подарил мне этот аппарат к... — Юрий Игнатьевич улыбнулся смущенной и милой улыбкой и развел руками. — К двадцатилетию, господа. Это было в пятнадцатом!

В течение всего нашего разговора «Жигули» и «Этрих» стояли нос к носу и как будто о чем-то беседовали. Малолитражка стрекотала на холостом ходу, а моноплан тихо пошевеливал лопастями своего пропеллера, похожими на весла индейских каноэ. Должно быть, у них нашлась общая тема для разговора. Может быть, свечи, может быть, масло, может быть, то-сол...

— Итак, я рад, друзья! — вновь не сдержал я своих эмоций, но тут же вспомнил некую странность и повернулся к Гене. — Однако, Гена, вы, кажется, сказали в начале нашей встречи некую странную фразу. Почему вы не хотели вовлекать меня, вашего старого — надеюсь, я не преувеличиваю — друга, в какую-то историю, которую вы назвали нелепой? Поверьте, дружище, мне интересно все, что связано с вами, а истории, которые вначале нам кажутся не-

лепыми, очень часто впоследствии принимают форму магического кристалла.

— Да, я знаю, — вздохнул пионер. — Что ж... — Он посмотрел вверх, на крышу, и тихо спросил своего верного кота: — Ну как? Варит?

Шуткин вспрыгнул на трубу, заглянул в нее, сморщился и утвердительно чихнул.

— Опять варит, — огорченно сказал Гена. — Что за странная, в самом деле, несовременная персона! Может быть, вы заметили, Василий Павлович, на площади человека с пуделем на поводке?

— Еще бы не заметить!

— В таком случае давайте поднимемся в бельэтаж этого серого невыразительного дома, — предложил Гена.

Оставив наши механизмы на улице, мы втроем поднялись по темной лестнице на площадку, где было несколько старинных высоких дверей с медными ручками и разнообразными звонками. Пожалуй, на этих дверях можно было бы проследить всю эволюцию полезного предмета цивилизации, называемого дверной звонок, начиная от простой веревочки и кончая элегантной, почти рояльной клавишей. Сбоку от этой последней клавиши я увидел медную табличку с гравировкой:

**П. Ф. КУКК-УШКИН.  
ИНВЕНТОР**

— Что значит «инвентор»? — спросил я.

— Никто не знает, — сказал Юрий Игнатьевич. — Даже в домоуправлении не знают.

— Предполагаю, что это от английского invent, что значит «изобретать». То есть изобретатель, — тихо произнес Гена, и я лишний раз молча удивился аналитическим способностям моего юного друга.

Слабая струйка зеленого дыма вытекала из замочной скважины. Мелкий стеклянный перезвон доносился из глубины. Гена нажал клавишу звонка.

— Кто там? — немедленно отозвался прямо из-за двери неприятный голос, по которому я тут же узнал субъекта с пуделем, хотя никогда ранее не слышал голоса этого человека, за исключением вопля «Онегро! Онегро!», когда он кричал явно не своим голосом. Однако именно такой, и никакой другой, должен был быть у него голос.

— Именем всего, что дорого человеку, именем высоких гуманных принципов нашей цивилизации — откройте! — грозно сказал Геннадий, и голос его дрогнул. —

Откройте, пожалуйста, Питирим Филимонович.

— Не могу и не хочу! — был ответ.

Голос был не просто неприятным, он старался быть еще и еще неприятнее. В конце концов он завизжал, как электропила.

— Какого черта, Питирим! — рявкнул весьма натурально старый авиатор. — Мы с вами не первый день знаем друг друга. Вы убедились сегодня, что я еще летаю, и давайте-ка открывайте без проволочек!

— Не могу и не хочу! — проскрипела электропила уже на малых оборотах. — Я в процессе.

Вслед за этим из-за двери послышался чудовищный свист флейт, целого десятка флейт, напоминающих недоброй памяти муштру императора Павла, а из всех щелей старой двери повалили клубы разноцветного дыма, обрекшего нас на чихание.

Я был возмущен самым решительным образом.

— Однако каков этот Кукушкин!

— Как вы сказали, Василий Павлович? — вскричал вдруг Гена, и круглые от возмущения его глаза стали на миг квадратными от изумления. — Вы назвали его Кукуш-киным?

— Конечно, — ответил я. — Как же иначе? На мой взгляд, фамилия Кукк-Ушкин почти ничем не отличается от фамилии Кукушкин.

— Эврика! — Г. Э. Стратофонтон запрыгал с непосредственностью первоклассника. — Кукушкин! Фогель! Фогель-Кукушкин! Это он! Это несомненно, конечно, безусловно, непременно, это он!





## ГЛАВА II,

*в которой Гена рассказывает  
о начале всей истории  
и через которую наискосок пробегают  
ирландский сеттер Флайинг Ноуз*

— Знаете, В. П., с тем эмпирейским делом мне очень повезло, я уложился в летние каникулы. Боюсь, что сейчас у меня будет больше сложностей со школьной программой. Так мне подсказывает интуиция, а я склонен ей верить, хотя и презираю подсказки. А ведь началось все так просто, так традиционно, почти как у Жю-

ля Верна. Собственно говоря, так и началось — с бутылки. Вначале, В. П., появилась бутылка с размытой запиской, как в моей ясельной книге «Дети капитана Гранта». Только это была радиобутылка...

И далее Гена рассказал мне завязку нашего нового огромного приключения, завязку тайны, могучей, как баобаб, уходящей своими корнями в историю и географию нашей планеты.

Еще из предыдущей повести мы знаем, что с ранних, чуть ли не ясельных лет, Генаша был заядлым радиолобителем-коротковолновиком. Страсть к путешествиям по эфиру сохранилась и у тринадцатилетнего мальчика. В кругу его корреспондентов были: научный сотрудник из заповедника в Танзании, монгольский овцевод, скрипач из Эдинбурга, гавайский педагог, мальчик-почтальон с Фолклендских островов, метеоролог с Памира, боксер из Буэнос-Айреса и многие другие.

В тот вечер в квартире Стратофоновых на улице Рубинштейна все было как обычно. Тикали часы, полыхал эстрадой телевизор, тлел камин, пощелкивало паровое отопление, жужжали полотер, пылесос, кофемолка, плотоядно урчала стиральная машина, но... но дух приключений уже бро-

дил шалой волной по квартире, и все это чувствовали и волновались. Папа Эдуард, не отдавая себе отчета, точил ледоруб и смазывал трикони, мама Элла, не отдавая себе отчета, проверяла кислородную маску для высотных затяжных прыжков, бабушка Мария Спиридоновна, не отдавая себе отчета, месила тяжелыми руками творожную массу и глухо напевала: «На земле не успеешь жениться, а на небе жены не найдешь...»

Один лишь Гена, отдавая себе полный отчет в происходящем, строго сидел у приемника с наушниками на ушах и рукой на ключе. Он чувствовал, он почти точно знал, что сегодня что-то произойдет, ибо интуиция никогда или почти никогда не обманывала тренированного пионера.

И впрямь... Ближе к полуночи из бесконечных эфирных струй выплыл странный-престранный сигнал, адресованный вроде бы ему, Геннадию Стратофонтову, но похожий в то же время на размытую морем записку. Но самое главное — там был сигнал SOS!

В полночь собрались все под медной лампой. Завернул на огонек и друг дома, капитан дальнего плавания Николай Рикшетников. Последние несколько месяцев капитан провел на суше, работая над кан-

дидатской диссертацией «Некоторые особенности кораблевождения в условиях длительных научно-исследовательских экспедиций на судах типа «Алеша Попович». Работа шла споро, и диссертация, как уверяли знатоки, получалась блестящая, но в свободное время капитан не находил себе места. «Попович» под командой приятеля Рикошетникова, опытного штурмана Олега Олеговича Копецкого, блуждал эти месяцы среди полинезийских архипелагов, и капитан пребывал в состоянии постоянной тревоги за судьбу своего детища и обрывал телефоны в диспетчерской экспедиционного флота. Дело не в том, что Рикошетников не доверял штурманским способностям, умственным данным и волевым качествам Копецкого. Дело в том, что Николая Николаевича тревожила двойная сущность Олега Олеговича, двойственный характер его персоны. Дело именно в том, что Копецкий был не только старым опытным штурманом, но и молодым поэтом. Вот уже лет двадцать он был известным молодым поэтом, первой сорокалетней жемчужиной «Клуба поэтов Петроградской стороны». Рикошетникова прямо оторопь брала, когда он читал в какой-нибудь вечерней газете что-нибудь вроде:

...Я вижу блеск браслетов Персефоны,  
К стопам титанов приносящей пряжу... —

и в скобочках под стихотворением — «Тихий океан. По радиотелефону».

«Боги, и ты, Персефона, — молча молился Рикошетников в курительной комнате Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, — пусть покинет Олега Олеговича вдохновение, пусть посетит его благотворное поэтическое молчание на время рейса, пусть не посадит он на камни любимого «Поповича». На Олимпе остались глухи к первой просьбе капитана, но прислушались ко второй. Копецкий бомбил стихами газеты — по радио, через спутники, но «Поповича» на камни не сажал. Умело управлял кораблем, даже не зная «Некоторых особенностей кораблевождения...», то есть диссертации Рикошетникова.

Итак, капитан Рикошетников забрел на огонек к Стратофоновым и тоже оказался у истоков тайны.

На круглом столе под медной люстрой, переделанной из корабельного кормового фонаря прошлого века, лежал лист ватмана, на который Гена нанес фломастером слова и осколки слов в том порядке, в ка-

ком выловил их из эфира его радиоприемник. Лист выглядел так:

Стра 19 ундучок ором что-то учит афия  
отн ринин канал память не изменяет бург  
ыре ьва олоты рылья фогель повторяю фо-  
гель бесконечно спасите кунст

При виде такого послания читателю, конечно, будет нетрудно вообразить себя в кают-компании славной яхты «Дункан», в обществе незабываемых лорда Гленарвана, майора Мак-Набса и капитана Джона Манглса.

— Сегодня было очень много грозových помех, — сказал Гена, — и сигнал очень слабый... очень далекий сигнал. Даю голову на отсечение, но эта станция впервые появилась на частотах коротковолновиков.

— То есть как это «голову на отсечение»? — забеспокоилась бабушка Мария Спиридоновна.

— Ах, мама! — досадливо воскликнула мама Элла. — Это фигуральное выражение. Говоря «голову на отсечение», никто не думает об отсечении головы.

— Все-таки слишком сильное выражение, — вздохнула бабушка и погладила Гену по голове.

— Какие будут предложения, Генаша? — нетерпеливо спросил папа Эдуард. — Ждать невыносимо. Надо действовать. Но как? В каком направлении?

— Я предлагаю каждому из присутствующих дополнить, дописать эту загадочную радиограмму, — предложил Рикошетников. — Потом мы сложим плоды нашего воображения и попытаемся в них разобраться. Очень часто истина скрывается в самых нелепых наших домыслах. Начните вы, дружище Эдуард.

— Охотно! — воскликнул папа Эдуард, скромный почтовый работник и знаменитый альпинист. — Я бы представил себе текст радиограммы так: «Стратофонтовым. На высоте 6719 метров в северо-западном районе горной системы Гиндукуш, на восточном склоне пика Аббас, где в прошлом году потерпела неудачу экспедиция Хиллари, в пещере над отрицательным уклоном в 19° скрыт сундучок, в котором что-то стучит...»

— Далеко вы ушли, дружище Эдуард, — улыбнулся капитан Рикошетников и повернулся к маме Элле: — А вы попробуйте, дружище Элла!

— У меня будет короче, чем у Эдьки, — энергично сказала мама Элла, скромный



библиотекарь и чемпион мира по затяжным прыжкам, и придвинула к себе ватман. — Стратофонтовым. Необходимы самолеты и парашютисты для высадки на скалистом острове Лилуока 19° широты и 19° долготы, где находится сундучок, в котором что-то стучит...»

— По-моему, это ближе к истине, — торопливо вставила бабушка. — Самолеты — это ближе к истине...

— А вы как бы начали, дружище Николай? — обратился Гена к своему старому другу.

Рикошетников с улыбкой произнес, глядя на ватман:

— Я бы начал так: «Стратофонтовым для Рикошетникова. С борта экспедиционного судна «Алеша Попович». Срочно вылетай на Таити и не забудь с собой сундучок, в котором что-то стучит. Тот самый сундучок, в котором коньячок...»

— Боюсь, что все это не очень серьезно, друзья, — сказал Гена своим родителям и своему капитану. — Вы выдаете желаемое за действительность, а на деле мы не продвинулись вперед ни на дюйм...

— Ошибаетесь, дружище Геннадий, — сказал Рикошетников, — неужели вы не заметили, что у всех нас троих «ундучок-

ором-то-то-учит» непроизвольно превратилось в «сундучок, в котором что-то стучит»?

— Потрясающе!!! — воскликнула пораженная компания. — А вдруг здесь и скрыт ключ к тайне?

— Хи-хи, — послышалось из затемненного угла гостиной, из глубокого кожаного кресла. — А вдруг это «бурундучок под забором что-то бурчит»?

— Дашка! Как ты сюда попала? — вскричал Геннадий.

В глубоком кожаном кресле, позевывая дивным ртом, сидела не кто иная, как Даша Вертопрахова. Впрочем, это могла также быть не кто иная, как Наташа Вертопрахова, близнец Даши.

— Я Наташа, — сказала близнец. — Дашка послала меня к тебе списать задачи по геометрии, а я как села в это кресло, так и заснула. Тренировки, друзья мои, выматывают все силы. Тебе не нужно этого объяснять, Геннадий.

Следует сказать, что взаимовлияние близнецов еще не до конца оценено современной наукой. Вот сестры Даша и Наташа, едва познакомившись друг с другом на Эмпирейских островах, тут же передали друг другу, с одной стороны, любовь к художественной гимнастике, с другой —

презрение к лжеаристократии. Даша, бывшая Доллис, кроме того, тут же усвоила от Наташи манеру слегка подтрунивать над Геннадием Стратофоновым.

— Держу пари, что ты, Наташка, опять взобралась к нам в гостиную по стене и через окно, — нахмурился Гена.

— Странно, что ты, дружище сынок, до сих пор не освоил этого пути, — укоризненно сказал папа Эдуард. — Отстаешь от своих сверстников.

Удивительной силы реакция была ответом на добродушный отцовский упрек. Мальчик вскочил со своего места, пылая лицом, как красный светофор.

— Дружище отец! — воскликнул он с дрожью почти юношеского негодования в голосе, схватил со стола ватман, одним прыжком взлетел на подоконник и исчез в окне.

Когда родственники подбежали к окну, Гена уже заворачивал за угол, независимо помахивая рулоном.

— Вполне профессиональный прыжок, — одобрила мама Элла.

— Почему он так вскипел, дружище жена? — любопытствовал папа Эдуард.

— Другого я и не ожидала, — строго глядя в сторону, сказала Мария Спиридо-

новна. — Достойный ответ на неосторожную шутку.

— Ничего удивительного, — мягко улыбнулся капитан Рикошетников. — Учтите особенности сегодняшнего вечера, вернее, ночи: освещение, контакты с тайной, шутка дружищи Эдуарда, присутствие Вертопраховой...

— Переходный возраст, — резюмировала Наташа, и на этом спор закончился.

...В глубоком раздумье вот уже битый час бродил Стратофонтов Геннадий по улицам пустынным острова Крестовский. Разумеется, он не заставил своих родителей волноваться, а из первого же телефона-автомата позвонил домой и предупредил домашних, что нескоро вернется. У домашних, надо сказать, хватило такта не задавать лишних вопросов. Особенностью маленькой, но дружной семьи было сильно развитое чувство такта, которое украсило бы любой коллектив.

Геннадий, честно говоря, и сам не понимал причин столь яркой эмоциональной вспышки и последующего прыжка из окна бельэтажа на панель. Ведь ясно же и слепому, и глухому, и глупому, что вовсе не стремление продемонстрировать Наташке Вертопраховой свою профессиональную

парашютную подготовку толкнуло мальчика на подоконник. Ясно, что и не обида на доброго друга папу и его милый юмор толкнула Гену на подоконник.

«Должно быть, это шуточки переходного возраста», — с тревогой подумал было пионер, но тут же отбросил эту банальную мысль. Другое занимало его ум в часы блуждания по острову Крестовский. Лист ватмана, скатанный в тонкий рулон, который держал он в своей руке. Тайна, приплывшая на берега Невы из просторов Мирового океана. Обрывки тайны, как единичные галеоны Великой Армады, которую разметал спасительный для Британии ураган. Единичные галеоны «ундучок», «ором», «афия», «ринин», скрипя разболтанными реями, мохнатясь обрывками парусов, вползали в крохотную бухточку гребного клуба «Динамо». Впрочем, даже не сама тайна, не тайна как самоцель, волновала ленинградского пионера. Отчетливый призыв «Спасите!» — вот что волновало его. Стремление немедленно идти на помощь любому, кто в его помощи нуждается, было развито у мальчика до высшей степени. Помочь! Спасти! Немедленно! Вперед! Без страха! Без упрека!

Кто же сквозь тысячи километров, над

материками и облачными полями, послал ему сюда, в Ленинград, призыв о помощи? Кто и почему именно ему? Друзья-патриоты с Больших Эмпиреев? Однако, по недавним сообщениям газет, обстановка на архипелаге сейчас вполне спокойная, и независимость малой нации развивается на достойных демократических началах. К тому же эмпирейцы сейчас стали не так уж наивны: они не могут предполагать, что ленинградский школьник в горячие весенние денечки может бросить все свои дела и примчаться в Южное полушарие. Ведь теперь, после победы над черными силами мафии, они имеют некоторое понятие о географии нашей планеты. И, кроме всего прочего, им нет никакой нужды посылать в эфир смутные сигналы: они замечательно научились пользоваться международным телефоном.

— Мафия. География. Мафия. География... — бормотал Гена, приближаясь к воротам Приморского Парка Победы и глядя на пышные кусты сирени, тревожно кипящие под порывами балтийского ветра.

Что привело его сюда, на морскую окраину города? Он сам себе не отдавал в этом отчета, но его просто потянуло побли-

же к морю. Должно быть, наследственные гены Стратофонтовых всегда тянули Гену Стратофонтова поближе к морю в периоды раздумий и тревог.

— Мафия и География, — вдруг громко произнес он и остановился в задумчивости. — Афия! — вскричал он. — Ведь это слово есть в радиограмме! Галеон «Афия»! Быть может, в радиограмме есть призыв к спасению от происков мафии? Эврика! Эврика!

— Простите, вы что-то нашли? — спросил неподалеку вежливый немолодой голос.

Геннадий обернулся и увидел юношу в кожаной курточке и в странных брюках с подобием крыльев на бедрах. Сначала он удивился, почему у этого юноши такие странные брюки и почему такой немолодой голос, а потом, приглядевшись, увидел, что это вовсе и не юноша, а старик. Да, это именно старик обратился к нему в легком сумраке белой ночи, но у этого старика была юношеская фигура и поблескивающие юношеским любопытством глаза. Это был поистине старик-юноша: вот к какому выводу пришел Геннадий.

— Здравствуйте, — вежливо поклонился Геннадий. — Кажется, вас удивил мой возглас «эврика»?

— Признаться, удивил, — улыбнулся юноша-старик или, вернее, старик-юноша.

Он стоял возле низкого сарайчика, сбитого из листов жести, похожего на импровизированные гаражи, которые мы часто можем видеть на окраинах жилых кварталов, но несравненно более широкого, чем это требовалось для обыкновенного автомобиля. В руках у старика был ключ, похожий на большой древний ключ от города Костромы, который когда-то Геннадий видел по телевидению. Геннадий приблизился. Что-то в лице старика, в выражении его глаз располагало к откровенности, и мальчик тихо сказал:

— Видите ли, мне показалось, что я нащупал ключ к тайне.

— Ах, вот как! — воскликнул старик. — В таком случае мне остается вас только поздравить!

Они, улыбаясь, смотрели друг на друга и чувствовали нарастающую симпатию друг к другу. Так бывает: люди, родственные по духу угадывают друг друга, и только смущение мешает им сразу же сблизиться. Гене очень хотелось рассказать старику свою тайну, но он смущался. Старик хотел бы чрезвычайно эту тайну узнать, принять в ней участие, вникнуть, по-

мочь, но и он смущался. Все же он решился пошутить для разведки.

— У вас ключ от тайны, а у меня всего лишь от этого ангара. — И он показал Геннадии средневековый ключ и кивнул на сооружение из жести.

— От ангара? — удивился Гена.

— Так точно, — подтвердил старик. — Перед вами самолетный ангар. Хотите взглянуть?

Он вставил ключ прямо в замок и повернул. Послышались первые такты старинной песни «Взвейтесь соколы орлами», и дверь открылась. Старик включил свет, и Гена увидел в ангаре аэроплан. Именно аэроплан, а не самолет и даже не аэроплан, а летательный аппарат, как говорили в России на заре авиации. Аппарат этот уже описан в нашей повести, и повторяться сейчас не резон. Скажем лишь, что старик-юноша радостно улыбнулся при виде того, как глаза таинственного мальчика (а Гена представлялся ему именно таинственным мальчиком) загорелись великим и могучим чувством — любопытством, тем чувством, которое, возможно, направляло всю жизнь этого старика. Может быть, вид Гены Стратофонтова напомнил старику его собственное отрочество.

— Как?! — вскричал мальчик, бросился было к аэроплану, но тут вмешались воспитание и врожденное чувство такта. Он сдержал свой порыв и представился: — Простите, мы не знакомы. Мое имя Стратофонов Геннадий.

— Как?! — вскричал при этом имени старик. — Уж не брат ли вы Митеньки Стратофопова, с которым мы в Ораниенбауме в пятнадцатом году отработывали буксировку планера?

— Я его внучатый племянник, — сказал Гена.

— Каков сюрприз! Подумать только! — Старик разразился было целым зарядом восклицательных знаков, но врожденное и приобретенное джентльменство взяло верх, и он представился Геннадию, старомодно щелкнув каблуками и склонив голову энергичным кивком: — Четверкин Юрий Игнатьевич!

— Нет! — вскричал Гена. — Подумать только! Я полагал, что Юрий Четверкин — это достояние истории!

— Да, я достояние истории авиации, — просто сказал старик, — но это не мешает мне наслаждаться жизнью.

...Мимо ангара этой ночью пробежал друг Пуши Шуткина темно-рыжий сеттер

Флайинг Ноуз. Он слышал и видел, как из ангара, словно брызги бенгальского огня, летят междометия, восклицательные знаки и словечки «каково», «здорово», «потрясающе», «фантастика» и так далее. «Наверное, встретились старые друзья», — подумал Ноуз и от удовольствия покрутил носом. Этому доброму псу доставляли искреннее удовольствие радостные события в жизни старших товарищей по жизни.

...На следующий день, уже в более разумное время, а именно после обеда, Гена навестил дом Четверкина, что расположен был неподалеку от ангара, на том же Крестовском острове. Среди кварталов современных домов вдруг открывалось некое подобие дачного оазиса, клочок земли, как бы не тронутый нашим временем. Во-первых, там стоял раскидистый и независимый каштан, который как раз к приходу Гены украсил свои ветви белыми свечками. Во-вторых, следовало буйство сирени и черемухи, где кишмя кишели трясогузки, обычно предпочитающие держаться подалеже от больших городов. В-третьих, а именно за кустами сирени, похожими на предмостные укрепления замка, следовал «мост», а именно аллея, выложенная цветной плиткой и окаймленная кустами мож-

жевельника, похожего на маленькие кипарисы.

Аллея упиралась в крыльцо дома. Крыльцо было белого камня, — уж не мрамора ли? — с витыми чугунными перилами и козырьком, который поддерживали два видавших виды купидона. Четыре окна, правда с фанерными заплатами, украшали фасад. Хозяин встретил гостя на крыльце.

— Этот дом закреплен за мной постановлением Петроградского Совета в 1918 году, — пояснил он и пропустил мальчика вперед.

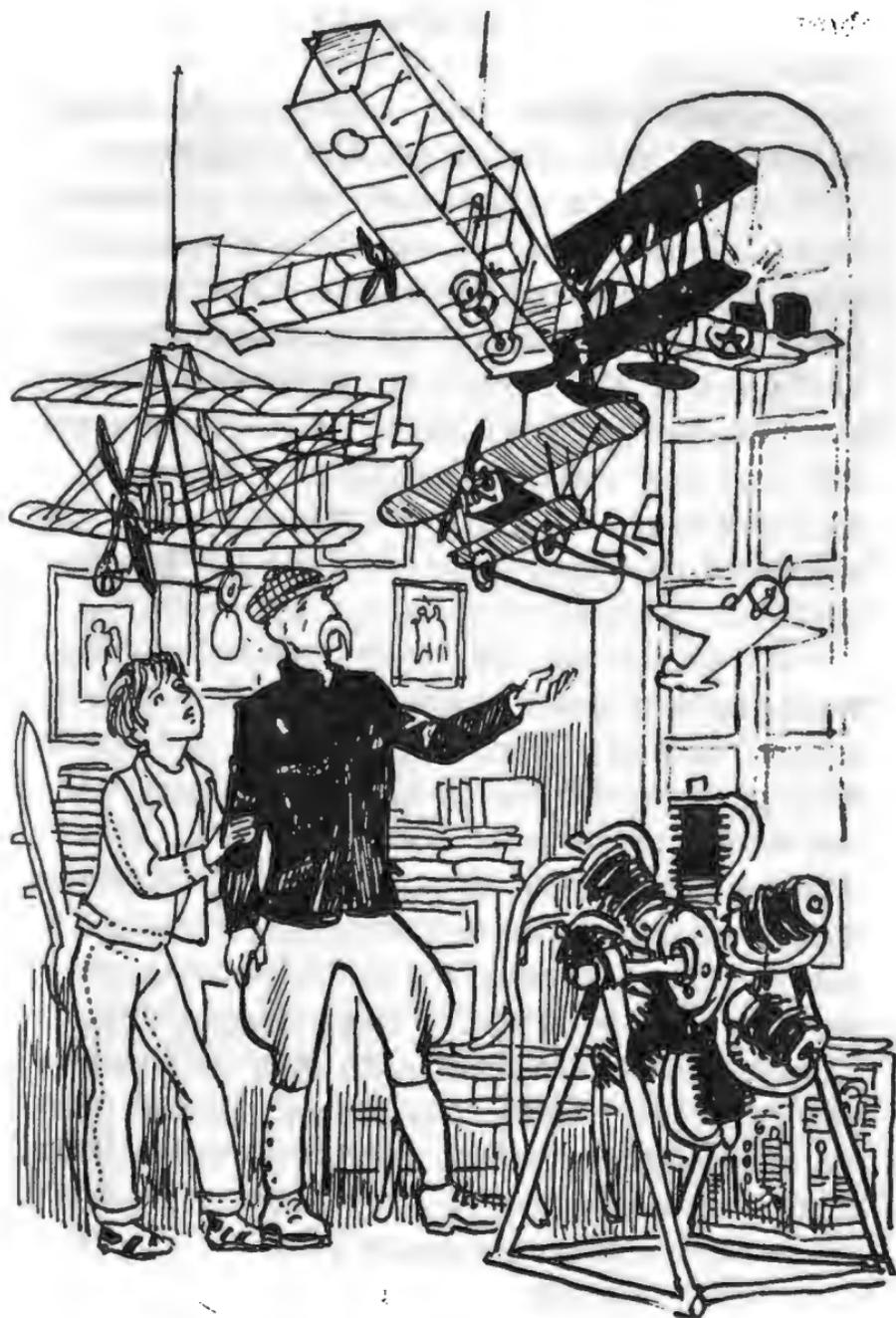
Два тигра, изготовившихся к прыжку, бронзовая статуя Дон-Кихота, фарфоровый китайский мандарин, кондор, несущий в когтях модель биплана, и прочие любопытные вещи встретили Гену еще в прихожей.

— Я чудак, — сказал Юрий Игнатьевич с улыбкой, подкупающей своей простотой. — Вначале я был романтик, потом д'Артаньян и немного авантюрист, потом я стал летчиком, а потом уже летчиком-солдатом, а потом... потом я стал чудаком. Да, Геннадий, ваш покорный слуга — настоящий чудак, но я ничуть этого не стыжусь. Я горжусь тем, что доживаю свои дни в образе старо-

го чудака, а впрочем, я вовсе и не доживаю свои дни, я просто себе чудачу свои дни, как и раньше чудачил и считаю, монсеньор, что на чудачестве свет стоит. Извините.

Слегка взволнованный этой тирадой, старик взял Гену под руку и ввел в комнату, весьма обширную комнату, скорее даже зал. Здесь под лепным потолком висели модели самолетов, а на стенах красовались старинные деревянные пропеллеры. Здесь по углам, словно ценнейшие скульптуры, стояли детали авиационных моторов разных времен, и здесь было множество фотографий.

Гена увидел на пилотском сиденье «фармана» юношу Четверкина со счастливым лицом. Затем он увидел мужчину Четверкина в форме офицера старой армии на прогулочном балкончике первого в мире многомоторного бомбардировщика «Русский витязь». Затем он увидел Четверкина с красной звездой на фуражке и с двумя маузерами на боках. Потом он увидел Четверкина сначала с кубиками, потом с ромбиками и далее со шпалами в петлицах и, наконец, пожилого уже Четверкина в простом черном свитере. «Анадырь — мыс Дежнева — остров Врангеля» было написано чем-то красным по синему



фону и мелко добавлено: «Юрка, не забывай!»

— Этапы большого пути, — смущенно покашлял за спиной хозяин квартиры.

Повсюду на снимках были самолеты. Сначала древние, потом пожилые, потом уже и почти современные. Самолеты на снимках все модели, а человек старел.

Рядом с Четверкиным мальчик увидел на фотоснимках множество знакомых ему по истории авиации людей — здесь были и Уточкин, и Ефимов, и Васильев, и Сикорский, и Туполев, и Чкалов, и Водопьянов...

«Пожалуй, не хватит и недели, чтобы осмотреть все сокровища этого дома», — подумал Гена и остановил свой взгляд на портрете среднего формата, на котором в черном цилиндре и крылатке, с маской-бабочкой на глазах, был изображен молодой красавец с волевым лицом, пышными усами и чуть подернутыми серебром, словно мех черно-бурой лисицы, бакенбардами. Портрет был вырезан из какого-то старого журнала и застеклен. Внизу сохранились слова «знаменитый и вечно интригующий публику».

— Кто это? — спросил Гена.

— Эх, — с досадой вздохнул старый пи-

лот. — Это как раз личность, не достойная внимания. Некий Иван Пирамида, пилот-лихач и светский пшют десятых годов. Надо убрать эту фотографию в чулан. — Он сделал было к портрету резкое движение, но в нерешительности остановился на полпути. — Довольно! После! Сейчас! Да нет, потом, — пробормотал он и наконец, так и не притронувшись к портрету, повернулся к гостю. — Как нелегко, мой друг, даже в семьдесят восемь лет предать забвению ошибки юности мятежной.

Он отвернулся, сделал несколько нервных шагов по потрескивающему паркету, снял со стены огромную трубку, на чубуке которой была изображена старая Голландия, и затянулся. Трубка тут же задымила, как будто в ней тлел вечный уголек из доколумбовой Америки. Как следует откашлявшись, Четверкин вынырнул из дыма уже другим, молодым и лукавым, со своими детскими глазами-любопытами.

— Вы знаете, дружище Гена... — Старик сразу и охотно перенял манеру обращения, принятую в стратофонтовском семействе. — Вы знаете, дружище мой мальчик, я весь остаток ночи просидел над вашей радиограммой и пришел к некоторым, да-да, выводам!

— Неужели, дружище Юрий Игнатьевич?!

С первых же минут знакомства с Четверкиным Гена почувствовал, что в его лице обрел верного соратника и что старый пилот возьмется за разгадку тайны с не меньшим энтузиазмом, чем он сам. Как видим, он не ошибся.

Юрий Игнатьевич раскатал на шатком изящном столике в стиле «сизециен» лист ватмана и укрепил его по углам четырьмя тяжелыми предметами: поршнем мотора «Сопвич», статуэткой лукавого лесного божества Пана, револьвером «Смит-вессон» выпуска 1909 года и старинной кожаной калошей с хромированными застежками, то есть тем, что оказалось в эту минуту у него случайно под рукой.

— Во-первых, мне кажется, я почти убежден, что радиограмму послал чужак, — начал Юрий Игнатьевич. — Есть некоторые, почти неуловимые флюиды, дружище Гена, по которым все принадлежащие к племени чужаков узнают друг друга. Во-вторых, это безусловно человек старой формации. Об этом свидетельствует уцелевшее в тексте придаточное предложение, «если память не изменяет». Так выразиться, согласитесь, мог только пожилой

человек старой формации. Человек новой формации сказал бы вместо этого что-нибудь вроде «почти уверен» или «уверен на девяносто процентов». И в-третьих, дорогой дружище Геннадий, я почти убежден, что истоки тайны не удалены от нас за тридевять земель, а находятся совсем поблизости, в центре нашего любимого города... или нашего любимого «бурга», что по-немецки и означает «город». «Бург» — вы видите это слово на вашем ватмане. Может быть, это кончик Петербурга, дружище пионер? Стоп, стоп, предвижу ваши возражения. Существуют Эдинбург, Иоганнесбург, Питсбург и еще добрая тысяча бургов. Да, это так, но вряд ли в каком-нибудь из этой тысячи городов есть Екатерининский канал. Терпение, дружище юный моряк. Вы хотите сказать: при чем здесь Екатерининский канал и что такое Екатерининский канал? «Ринин», Гена, именно этот загадочный, как птица алконост, «ринин», соседствующий со словом «канал», и образует ЕкатеРИНИНский канал, который ныне именуется совершенно справедливо каналом Грибоедова.

Вижу, дружище Стратофонтов, отлично вижу искры, летящие из ваших глаз, но вы же сами предложили мне отпустить все

тормоза и предоставить волю своему воображению. Ведь я допускаю существование «сундучка» в противовес «бурундучку» и «мафии», независимой от «географии». Позвольте же мне теперь предложить вам небольшую экскурсию на канал памяти замечательного русского сатирика, одного из тех людей, которые пробили брешь в культурной изоляции отсталой царской России. Кам он, олдфеллоу!

Через несколько минут Четверкин и Стратофонов уже катили на скрипучем, но вполне надежном велосипеде-тандеме по улицам Крестовского острова. Старый пилот сидел впереди и управлял рулем, похожим на рога высокогорного животного-



го яка. Справедливости ради следует сказать, что за всю долгую жизнь у старика не было лучшего партнера по тандему, чем сегодняшней. Юрий Игнатьевич не уставал удивляться силе ножных мышц этого еще не совсем созревшего организма. Тандем летел вдоль обочины тротуара, оставляя за собой не только велосипеды, но и многие моторизованные средства транспорта, включая быстроходные «Запорожцы». Иногда к усилиям четырех ног присоединялся и маленький моторчик от пылесоса «Вихрь», который Четверкин приспособил к тандему еще лет десять назад. Возле светофоров седоки спешили и продолжали свой разговор.

— Однако, почему среди русского текста мелькают немецкие слова? — недоумевал Гена.

— На заре моей туманной юности в Петербурге жило очень много немцев, — говорил Юрий Игнатьевич. — Вообразите, дружище Гена, судьба забросила одного из таких петербургских немцев куда-нибудь в Полинезию. Вы сами путешествовали и знаете, какие штучки иной раз выкидывает судьба. Вообразите, старый чудак несколько десятилетий жил среди полинезийцев, и вот на закате жизни ему

пришла нужда послать в город своей юности призыв о помощи. Естественно, что за эти долгие годы кое-что перемешалось в его голове, перемешались немецкие и русские слова и... воображаете?

— Конечно, воображаю, — чуть-чуть постукивая зубами от воображения, говорил Гена. — Но почему же, почему этот несчастный старый человек обратился именно ко мне? Откуда он узнал мои позывные?

— А вы вообразите...

Красный свет переключался на желтый, и Четверкин не заканчивал фразы.

— Приемистый старикан, — улыбались инспекторы ОРУДа, глядя, как устремляется вперед самокатный экипаж.

Через двадцать четыре минуты они подъехали к Казанскому собору и встали в узкой полосе тени, отбрасываемой памятником фельдмаршалу Барклаю де Толли.

— Дружище Геннадий, вы не обидитесь, если я завяжу вам глаза вот этим чистым носовым платком? — спросил Четверкин.

— Пожалуйста, пожалуйста, дружище Юрий Игнатьевич, — сказал Гена, подставляя свои закрытые глаза под носовой платок с вензелями Санкт-Петербургского яхт-клуба.

Он произнес это небрежно, легко: «Вам

нужны, мол, мои глаза? Пожалуйста!» — но на самом-то деле сердце пионера стучало, как африканский тамтам в период разлива Замбези. Что будет? Какой сюрприз приготовил Четверкин? В том, что авиатор слегка лукавит, не было никакого сомнения.

Когда Гена открыл глаза, а это произошло спустя не более трех минут после закрытия оных, перед ним горели на солнце золотые крылья четырех мраморных львов!

— Ыре ьва олоты рылья! — вскричал потрясенный догадкой мальчик.

— Четыре льва с золотыми крыльями! — торжествующе сказал старик. — Вы на набережной Екатерининского канала, дружище Геннадий!

— Но как же вы пришли к такому блестящему умозаключению, Юрий Игнатьевич? — справившись с первым волнением, спросил Гена.

— Сначала было непросто, — скромно ответил Четверкин. — Полночи мысль плутала по лабиринтам чистого разума, дружище юный друг, но потом я вспомнил один дом, где когда-то, лет тридцать пять или сорок назад, я видел сундучок, в котором что-то стучит.

— Где же этот дом, Юрий Игнатьевич? —

осторожно, как бы боясь спугнуть своим дыханием ультрамариновую бабочку тайны, спросил Гена.

— Вот он, — просто сказал авиатор и махнул своей дряхлой перчаткой «шевро» в сторону серого невыразительного дома, который стоял от Львиного мостика в десяти шагах.





### ГЛАВА III,

*в которой автор пытается прервать повествование, но ему советуют запастись терпением и в которой звенит радиальная пружина «зан-тар»*

— Простите, дружище Гена, — вмешался тут я, воспользовавшись весьма выразительной паузой в рассказе. — В момент нашей встречи, обращаясь ко мне, вы обронили многозначительную фразу: «Боюсь, однако, что...». Какое значение вы вкладывали в эти слова?

— Дружище Василий Павлович, — ска-

зал Гена, — не в моих привычках одергивать взрослых солидных людей, но позвольте мне попросить вас запастись немного терпением.

Я запасаюсь терпением и умоляю вас, любезный читатель, последовать моему примеру.

Однажды, на заре тридцатых годов, авиатор Четверкин вернулся в Ленинград из экспериментальных полетов над пустыней Гоби и вознамерился... Сейчас уже трудно установить, что же вознамерился сделать Юрий Игнатьевич на заре тридцатых. То ли он хотел сконструировать мускулолет, то ли портативный быстронадувающийся дирижабль для средних и мелких учреждений, то ли это было время реактивной на торфяном топливе гидроаэротележки?.. Четверкин всегда был полон идей, и проекты различных технических новшеств зарождались в его голове непрерывно, пожалуй, даже избыточно. Короче говоря, ему была нужна радиальная американская пружина «зан-тар», а достать в те дни такую простую вещь было чрезвычайно сложно.

Однажды в четверг после дождя перед ужином к дому на Крестовский подъехал мрачноватый молодой человек на ролико-

ых коньках. Отрекомендовался он лаконично:

— Питирим Кукк, гений.

Он извлек из своего рюкзака вождеденную пружину «зан-тар» и заломил за нее бешеную цену.

— Хотите рублями платите, хотите тугриками или юанями, — сказал он Четверкину, а вождеденная пружина в его руках поблескивала под лучами закатного солнца.

— Позвольте, но все излишки иностранной валюты я сдал в Банк внешней торговли, — сдержанно возмутился пилот.

— Поторопились, — неприятно проскрежетал Питирим Кукк и протянул вперед левую руку с пощелкивающими пальцами, правую же с пружинной «зан-тар» отвел назад. — Долларов у вас не заваялось? Доллары принимаю по курсу Сенного рынка: прямая для вас выгода.

Вручив нахально-мрачноватому «гению» бешеную сумму нормальными рублями и завладев вождеденной, Юрий Игнатьевич без излишних церемоний показал на дверь.

Однако в дальнейшем Четверкину пришлось неоднократно прибегать к услугам Питирима, фамилия которого оказалась

двойной, не просто Кукк, а Кукк-Ушкин. То понадобится особое бельгийское сверло «линчап», то кронштейны фирмы «Кимми Каус», то линзы системы «Братья Ксеркс»... Все это можно было достать только у одного человека в Ленинграде.

В те времена Юрий Игнатьевич частенько навещал невыразительный серый дом возле четырех львов с золотыми крыльями. Питирим не пускал его в глубь своей квартиры, которую он ревностно оберегал не только от гостей, но и от подселения других жильцов, так называемого «уплотнения», столь популярного в те годы. Каким уж образом это ему удавалось, для Четверкина осталось тайной. Иногда в простую душу авиатора закрадывалось сомнение: а вдруг мрачноватый молодой «гений» просто-напросто спекулянт? Однако сомнения эти быстро рассеивались.

— Не для себя беру, — всякий раз говорил Кукк-Ушкин, принимая от Четверкина бешеные суммы за дефицитные иностранные детали.

— Для кого же?

— Для них, — отвечал Питирим загадочно и длинноватым, желтоватым уже тогда пальцем поворачивал потускневший от времени глобус в латунных кольцах.

В далеких, темных комнатах питиримовской квартиры уже тогда что-то булькало, что-то позванивало, что-то тихо взрывалось. Уже тогда по паркету, стуча когтями, ходил клочковатый пудель Онегро. Сейчас этому пуделю, конечно же, не менее сорока лет, и это, безусловно, самый выдающийся собачий долгожитель.

Однажды, после очередного торгового акта, похожего, как обычно, на оскорбительный обман, Юрий Игнатьевич и увидел в углу под темным старинным портретом странноватый сундучок.

— Что это у вас там под портретом? — поинтересовался он.

Кукк-Ушкин усмехнулся:

— Это сундучок, в котором что-то стучит. Можете полюбопытствовать.

Четверкин взял в руки увесистый, на полпудика, сундучок, сделанный в какие-то очень далекие времена из непонятого материала, то ли камня, то ли металла, то ли дерева. Сундучок был украшен замысловатым вензелем, но никаких признаков замка или замочного отверстия Юрий Игнатьевич, помнится, не заметил.

— Приложите ухо, — злоеще посоветовал Кукк-Ушкин.

Четверкин бесстрашно прижал ухо к

теплому, именно теплому, милостивые государи, боку сундучка. Через несколько секунд он услышал глуховатый мерный стук. Странное дело, он почему-то почувствовал к этому сундучку необъяснимую симпатию. Именно симпатию, милостивые государи, хотя какую, сами посудите, товарищи, симпатию может испытывать одушевленный человек к неодушевленному предмету, даже если в том что-то и стучит.

— Отдадите? — спросил Юрий Игнатьевич Питирима.

— Отдам, — усмехнулся тот. — Миллиончика за три.

Юрий Игнатьевич тогда должным образом оценил внезапно проявившееся чувство юмора у Питирима и долго хорошо хохотал. После полетов над пустыней Гоби у Четверкина появился вкус к доброму смачному хохоту. Впрочем, в те времена в моде были именно смеющиеся белозубые пилоты.

Юрий Игнатьевич хотел вообще-то как-то чем-то расшевелить Кукк-Ушкина, как-то пробудить его к нормальной жизнерадостной жизни, изгнать из него дух наживы, может быть, подружиться даже, чудачить вместе. Все было тщетно. Питирим близко к себе не подпускал и только усмехался

многозначительной, надменной и неприятной усмешкой.

...Потом началась подготовка к воздушному штурму Арктики, а вскоре и сам штурм, и Юрий Игнатьевич забыл Питири-ма Кукк-Ушкина на долгие годы, а потом и вовсе забыл. Он любил только приятных добрых чудаков, а чудаков отталкивающего свойства даже и чудаками не считал, милостивые государи.

Четверкин заканчивал свой рассказ, прогуливаясь по тихой набережной канала вдоль фасада серого дома, и Гена внимал ему, прогуливаясь рядом. Друзья, разумеется, и не подозревали, что сверху, сквозь июньскую листву за ним наблюдает узкое и желтое лицо, похожее на тусклый фонарь прошлого века.

— Дружище Юрий Игнатьевич, а вы не можете вспомнить тот портрет, под которым стоял сундучок? — спросил Гена.

— Там было очень темно, и портрет темный, сделанный не позднее семидесятих годов девятнадцатого века, дружище Гена. Кажется... синий морской мундир... два ряда серебряных пуговиц... по-моему, низший офицерский чин... и неотчетливое желтое лицо, словно керосиновый фонарь... должно быть, живописец был не

особенно искусен, да и краски не самого отменного качества...

— Морской мундир... — проговорил задумчиво Геннадий. Прославленная уже интуиция пионера плеснула хвостом над водой, словно проснувшаяся щука.

— Что ж, давайте поднимемся в бельэтаж, — предложил Юрий Игнатьевич. — А вдруг, на наше счастье, Кукк-Ушкин еще живет здесь, и в сундучке все еще что-то стучит, а цена упала хотя бы в десять тысяч раз?

Они поднялись на уже знакомую вам, читатель, площадку и позвонили в уже знакомую дверь и сразу же услышал уже описанный неприятный голос:

— Кого-с?

— Это он! — вскричал Четверкин. — Питирим, открой! Это я, Юрий Игнатьевич Четверкин, который покупал у тебя американскую радиальную пружину «зан-тар»!

Два глаза смотрели на пришельцев сквозь дверь: один сверху в увеличительное стеклышко — человеческий, другой снизу в замочную скважину — собачий. Разницы, по сути дела, не было никакой. Слышалось сдавленное рычание.

— Проходимцы, проходите прочь! — слышалось из-за двери.

— Товарищ Кукк-Ушкин! — взволнованно заговорил Гена. — Дело чрезвычайной гуманистической важности. Из глубин мирового эфира пришел сигнал SOS. Мы не проходимцы. Я пионер Геннадий Стратофонов, потомок известного путешественника.

— Ха-ха, — послышалось из-за двери. — Семя Стратофоновых вымерло еще до семнадцатого, а Четверкин, ха-ха, испарился в местах арктических и пустынных. Ха-ха!

— Что за вздор! — воскликнули друзья.

— Ввв-ззз-доррр! — рывкнуло из-за двери.

— Питирим Филимонович, и вы, Онегро, взгляните! — умоляюще сказал Четверкин. — Неужели вы меня не узнаете?

— Сокола Четверкина вижу парящим в небе, а в вас, пожилой проходимец, не нахожу даже отдаленного сходства, — проскрежетало и прорычало из-за двери. — Уходите, не мешайте процессу, а то в милицию позвоню.

Юрий Игнатьевич безнадежно махнул рукой и отвернулся с явно обескураженным видом. Вряд ли кому-нибудь понравится, если в нем не узнают прежнего сокола и назовут пожилым проходимцем. Однако Гена ободряюще подпихнул стар-

шего товарища локотком и заговорил вдруг совершенно неожиданным и несвойственным ему голосом маленького хитреца и проныры:

— Вы нас не поняли, сэр. Мы к вам не на чашку чая, сэр. Воспоминания о прошлом не входят в наши привычки, сэр. Радиальная пружина «зан-тар» не будет предметом разговора, сэр. Мы просто хотим у вас кое-что купить, сэр.

В ответ на эту хитроумную, достойную Одиссея, тираду неожиданно последовало благожелательное молчание. То ли обращение «сэр» пришлось по душе Кукк-Ушкину, то ли слово «купить» вызвало в нем привычный прилив положительных эмоций.

— Что? Что? Что? — вполне по-человечески протявкал из-под двери Онегро.

— Мы хотим у вас, сэр, купить сундук, в котором что-то стучит! — с бьющимся сердцем произнес Геннадий.

— Три миллиона! — немедленно рявкнули в ответ, после короткой паузы послышался саркастический хохот и из щелей старой двери повалил разноцветный, вот как сегодня, пренеприятнейший дым.

Спускаясь по лестнице. Гена Стратофонов весело подпрыгивал, а на последнем

марше даже не отказал себе в удовольствии соскользнуть вниз на животе по перилам.

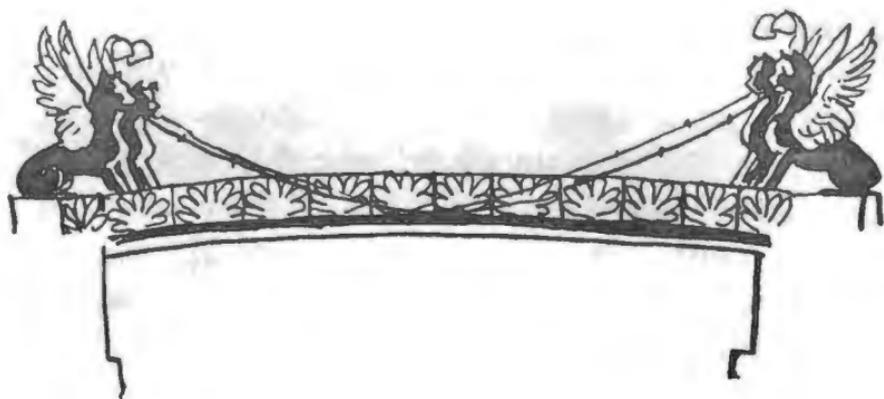
— Что это вы так радуетесь? — скучновато спросил его старый авиатор.

— Да как же не радоваться! — вскричал Гена. — Подумайте, Юрий Игнатьевич, в один день столько открытий! И самое главное: мы убедились, что сундучок — здесь! Кукк не продал его! По вашему рассказу, дружище Четверкин, я сделал заключение о характере этого человека и проверил его... Проверка удалась, уважаемый дружище!

Юрию Игнатьевичу ничего не оставалось, как с почтением пожать руку своему юному другу. Такой находчивости он не предвидел у современного школьника.

А почему? А потому, что все свободное время героического старика уходило на чтение технической литературы, и он не смог в свое время прочитать повесть «Мой дедушка — памятник».





## ГЛАВА IV,

*в которой Гена продолжает свой рассказ, но где уже требуется вмешательство автора и где скрипят чугунные ворота Экономического института*

— В дальнейшем, дружище Василий Павлович, как вы, должно быть, догадались, мне пришлось прибегнуть к помощи четвероногого друга. Речь идет, как вы, должно быть, уже догадались, о любимце экипажа научно-исследовательского судна «Алеша Попович», боевом коте Пуше Шуткине, которому я в течение последне-

го года имею честь предоставлять кров и стол. Шуткин, как вы, безусловно, уже догадались, занял пост на крыше этого дома и за короткое время установил, что нелюдимый «инвентор» занимается в своей квартире какими-то изысканиями в духе пресловутой средневековой алхимии, а по вечерам совершает саркастические прогулки в обществе Онегро от канала до площади Декабристов и, разумеется, обратно.

Я, дружище Василий Павлович, шпионство ненавижу, но считаю в данном случае, что наблюдение за неприятным субъектом в интересах гуманизма не является шпионством. Вы сами понимаете, как важно было для меня узнать некоторые привычки этого человека и просто взглянуть на него. Однажды, когда мы с моим одноклассником Валентином Брюквиним и сестрами Вертопраховыми шарили по эфиру в безнадежных поисках того передатчика, зазвонил телефон и Шуткин коротким, но выразительным звуком «мяу» вызвал меня к четверем львам. Когда я прибыл, он с крыши просигналил мне передними конечностями небольшое слово «Молочная». Найти в окрестностях молочную не составило большого труда. Я вошел в магазин, когда Кукк-Ушкин там скандалил. Я сразу

узнал его по голосу, по описаниям, просто по своей интуиции, которую вы почему-то отчаянно превозносите и на которую — дружище, не злитесь! — ссылаетесь, когда вам лень что-нибудь описывать подробно.

«Вы мне недодали с пятерки! — скрипучим, неприятнейшим голосом обвинял «инвентор» продавщицу сыров.

«Полноте, Питирим Филимонович, — увещевала его полнокровная очаровательная тетя продавщица. — Клянусь честью, я не видела вашей ассигнации!»

«Вы мне недодали с пятерки», — на одной ноте повторял Кукк-Ушкин, и в этом же духе высказывался, конечно, долгожитель Онегро.

Продавщица тогда закрыла пухлым локтем свое лицо и на глазах изумленной молочной громко зарыдала.

Конечно, я не видел злополучной пятерки, но, безусловно, я был склонен верить чистым слезам доброй женщины, а не скрипучему голосу пренеприятнейшего мужчины.

...Итак, в штабе приключения на улице Рубинштейна созрел план действия: в час прогулки Кукк-Ушкина весь штаб, включая Гену, папу Эдуарда, маму Эллу, бабушку Стратофонтову, Николая Рикошетнико-

ва, Валентина Брюквина и сестер Вертопраховых, является на площадь Декабристов и начинает увещевать Питирима сообщениями гуманности. Потом на «Этрихе» прилетит Юрий Игнатьевич, и тогда уже Кукк-Ушкину придется взять своего «проходимца» обратно. Мы всё разработали самым детальнейшим образом, но упустили из виду одно обстоятельство — праздник «Алые паруса».

Когда мы явились на площадь, вместо одинокой фигурки надменного мизантропа с его клочковатым Онегро мы увидели тысячи представителей прекрасной молодежи. Наш план лопнул. Нам пришлось рассеяться для поисков Кукк-Ушкина, и мы потеряли друг друга. Остальное вы знаете, дружище Василий Павлович.

— Я знаю даже больше, чем остальное, — сказал я, признаюсь, не без некоторой важности, и после необходимой паузы рассказал о своих наблюдениях: о дворничихе в слуховых очках и о господине иностранце, которого мы условно называем Сиракузерс Под Вопросом.

— Мне показалось, что между этими двумя персонами и Кукк-Ушкиным существует некая связь, — сказал я. — Наш подопечный «инвентор», кажется, кого-то

ждал, а Сиракузерс Под Вопросом кого-то искал.

Изгнанные вонючими газами из мало-выразительного дома, мы сидели теперь на мосту, привалившись к лапам одного из золотокрылых животных. По густой листве лип над нашими головами уже пробирался утренний ветерок. Где-то в отдалении еще звучали песни романтиков, но ночь уже была на исходе. Небо стало уже почти утренним, но узкий месяц еще чуть-чуть светился и чуть-чуть желтел в листве тусклый треугольный фонарь, похожий, что там греха таить, на физиономию Питирима.

— Послушайте, дружище Гена, — обратился старый пилот к молодому пионеру, — что вы имели в виду, крича: «Это он! Это он!», когда любезнейший дружище Василий Павлович столь пронизательно обнаружил сходство фамилий Кукк-Ушкин и Кукушкин?

Я посмотрел на Гену. Мальчик сидел в позе знаменитой скульптуры Родена «Мыслитель». В глазах Геннадия иногда мелькали огоньки его прославленной интуиции. Он поймал мой взгляд и молча улыбнулся. Кажется, мы поняли друг друга, оставалось только немного просветить уважаемо-

го дружищу Юрия Игнатьевича, погрязшего в технике.

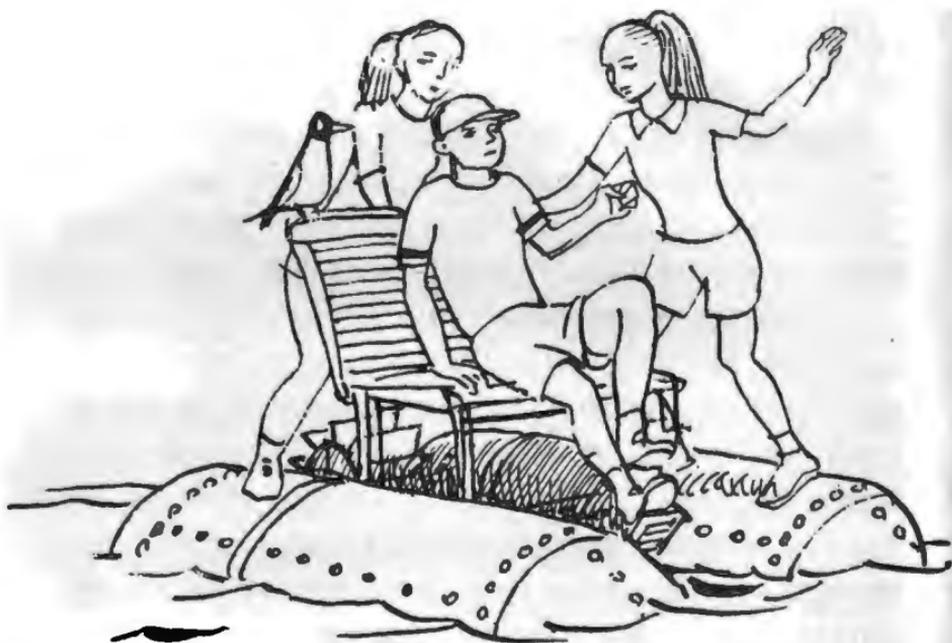
— Вам требуется сейчас мое вмешательство, дружище Гена? — тихо спросил я.

— Боюсь, что в этот момент без него нам не обойтись, — вздохнул мальчик.

«Что ж, — подумал я, — что ж. Есть ли для писателя более благородное дело, чем прийти на помощь своим героям в трудный час?» Я встал со ступенек мостика и прикоснулся, на счастье, к мраморному хвосту царя четвероногих. Затем мне пришлось сильно надавить большими пальцам на виски и на секунду зажмуриться. Тогда на канале Грибоедова появилось странноватое, но стремительное плавательное средство, приводимое в движение тремя парами юных ног, принадлежащих Валентину Брюквину и сестрам Вертопраховым. Четвертое место на этом судне, напоминающем водяной велосипед, было не занято, если не считать крупной морской чайки, которая сидела на спинке этого места и чувствовала себя ничуть не хуже, чем на мачте океанского корабля.

— Что это? — вскричал в изумленном восторге Юрий Игнатьевич. — Какой шик!

— Плоды досуга, ничего особенного, — скромно пояснил Гена. — Четыре ржавых



понтон, педали, лопасти, две стиральные машины и бритва «Харьков».

— Гениально! — вскричал (что поделаешь, если он опять вскричал) Четверкин. — Я вижу, дружищи дети, что ваше поколение тоже не теряет досуга зря!

Водяной экипаж приближался, поднимая коричневые валы. В руке Натальи (или Дарьи) Вертопраховой трепетал листочек бумаги, похожий на телеграмму.

Я еще сильнее нажал на виски и на другом берегу канала появился Сиракузерс Под Вопросом. Он легко вогнал меж гранитных плит спицу ярчайшего зонта,

поставил под зонт мольберт, раскладной стул и уселся, выставив пунцовое пузо. Эдакий, видите ли, свободный художник!

Скрипнули чугунные ворота Экономического института. На одной из половинок ворот выехала костлявая дворничиха, в слуховых очках. Не слезая с ворот, она сделала несколько снимков невыразительного серого дома кодаком-зеркалкой, висящим на плоской груди.

Экипаж тормозил, приближаясь к мостику. Валентину Брюквину к его невозмутимому лицу явно не хватало бороды. Лицо этого мальчика было просто создано для бороды, и никто из его друзей не сомневался, что, когда придет время, Брюквин украсится бородою. Сестрам Вертопраховым к их дивной утренней красоте не хватало лишь алой ленты, подобной той, с которой они добились уже немалых успехов на спортивных помостах.

— Приветствую всех, — спокойно, без особых эмоциональных отливов сказал Валентин Брюквин. — Сегодня наш друг снова вышел в эфир, и мы имели короткую связь. Вот радиограмма. — Он протянул чайке клочок бумаги и попросил: — Будьте любезны, Виссарион, отнесите это вон тем дружищам.

Чайка-самец, по имени Виссарион, охотно выполнил его просьбу, и теперь уже клочок бумаги трепетал в руках Гены. Текст этой новой радиограммы был еще более размыт, чем текст первой, никакой ясности в наше дело он не вносил, за исключением... да, за исключением того, что он подтверждал Генину догадку, подтверждал его возглас: «Это он, это он, эврика, это он!», ибо в нем среди обломков слов и диких звукосочетаний, словно рея с погибшего корабля, плавала почти целая фраза: «...ой ед врач русског клип «Безупречный» мичман Фог...»

— Взгляните, Юрий Игнатьевич, — спокойно сказал Гена. — Здесь упоминается врач клипера «Безупречный» мичман Фог, а нам достоверно известно, что врачом на клипере был мичман Фогель-Кукушкин.

— Откуда это известно, дружище Гена? — недоумевал пилот.

— Мой прапрадед командовал этим судном, — пояснил Гена.

— Снимаю шляпу! — вскричал (опять) Четверкин и, перейдя на более спокойный тон, стал подводить итоги: — Портрет, канал, львы, сходство фамилий... Уж не имеем ли мы дело, милостивые товарищи, с потомком того корабельного лекаря и не

поэтому ли, Гена, именно к вашему семейству обращен призыв о помощи?

— Вот именно поэтому, дружище Четверкин, — сказал Гена. — Именно поэтому. Все эти связи очевидны. Я почти убежден теперь, что фамилия Фогель-Кукушкин, трансформируясь в течение десятилетий, превратилась сейчас в Кулк-Ушкина и в лице Питирима Филимоновича мы имеем дело с потомком того корабельного лекаря.

— В таком случае Питирим должен испытать к вам хоть какое-то подобие товарищеского чувства, — задумчиво предположил Четверкин. — Лишь только самое черствое сердце не откликнется на голос прошлого, на эхо тех времен, когда ваши предки плыли под одними парусами.

— Взгляните, — шепнул Гена и подтолкнул локтем своего нового пожилого друга и подмигнул своим старым юным друзьям, сестрам Вертопраховым и Брюквину.

Костлявая дворничиха в слуховых очках преспокойно прогуливалась вдоль канала, но уже не по ту, а по сю его сторону. Каким образом она пересекла водную артерию, минуя Львиный мостик, где собралась вся наша компания, оставалось загадкой для всех.

Для всех, кроме автора, скажете вы, лю-

безный читатель, и не ошибетесь. Один лишь автор, погруженный сейчас в свое воображение, заметил, как сиганула через канал малопривлекательная особа. Нам нет нужды туманить мозги себе, героям и вам, читатель, и намекать на какую-то сверхъестественную силу, заключенную в метле этой псевдоведьмы. Ведьм нет, в этом нас убеждает весь ход истории. Нам лучше следовало бы обратить внимание на сверхтолстые подошвы дворничихи. Откуда взялись у непрезентабельной персоны сверхмодные и сверхтолстые туфли на платформе, и не они ли помогли старухе совершить титанический скачок?

Однако отвлечемся на некоторое время от этих рассуждений и обратимся к нашим друзьям, которые уже смотрят на нас с таким доверчивым ожиданием.

Скрипнула автомобильная дверца. Мой «Жигуленок» подсказал следующий ход в игре. Он открыл свою правую переднюю дверь, и все увидели на сиденье нетолстую книгу «Мой дедушка — памятник». Тогда я взял книгу, вынул перо и размашисто написал на обложке:

«Питириму Кукк-Ушкину, гуманисту и человеку».

Чайка Виссарион, не дожидаясь особых

приглашений, взял эту книгу в свой красивый клюв и отнес ее на крышу коту Пуше Шуткину, с которым у него были хоть и натянутые, но вполне корректные отношения. Кот взял книгу под мышку и нырнул с нею в дымовой ход трубы.

— Вы надеетесь, что он ее прочтет? — спросил Гена. — Прочтет и поймет? Поймет и проникнется? Проникнется и отдаст сундучок?

— Что же еще остается, кроме надежды? — вздохнул Юрий Игнатьевич. — Ведь не изымать же фамильный предмет силой.

— Не нужно недооценивать силы, — сказал Валентин Брюквин и непринужденно перевел свое тело с ног на другие точки опоры, то есть на руки, и так, на руках; присоединился к прогуливающейся неподалеку дворничихе.

— Не нужно и переоценивать ее, то есть силу, — звонко засмеялись сестры Вертопраховы и, словно весенние газели, воздушными пируэтами и прыжками украсили тихую набережную.

Желтолицый фонарь в гуще листвы, за пыльным стеклом, заморгал, подернулся пленкой осенней (откуда бы?) влаги и погас.

Внезапно наступило утро трудового дня. Проехали на велосипедах почтальо-

ны. Появился продавец парафинированных пакетов с молоком и кефиром. Из дверей вышли те, кому далеко ехать. Мелодично забормотал поблизости отбойный молоток. Приехал голубой самосвал. Участковый милиционер предложил товарищам с Ленфильма, то есть нам, закругляться в связи со срочным ремонтом энергетических коммуникаций.

В самом деле, надо было закругляться: обстановка более не располагала к развитию таинственного приключения. Мы с Геной пересекли канал и заглянули в мольберт Сиракузерса Под Вопросом. На листе добротного картона смелый художник изобразил пальму в виде долларового символа и пляж под пальмой, усеянный золотой россыпью долларовой гадости.

— Зачем же вы так искажаете реальность? — строго спросил Гена. — Вам позирует набережная ленинградского канала, а вы изображаете пальму и доллары.

— Зрение изменяет мне, — шумно вздохнул Сиракузерс Под Вопросом. — Вот принимаю для зрения пилюли «Циклоп», но они пока не действуют, дорогие сеньоры.

— Скажите, сеньор Сиракузерс, вы меня не узнаете? — спросил я.

— С этим делом у меня плохо, — виновато хихикнул мультимиллионер. — Мало кого узнаю. Хваленый экстракт «Меморус» на деле оказался простой жевательной резинкой.

— А что вас привело в наш город? Постарайтесь вспомнить. Быть может, вас интересует сундучок, в котором что-то стучит?

— О-о-о! — Щеки, нос, голова Сиракузерса превратились в сплошные «О», знак изумления и восторга. — Сеньоры, начинает действовать витамин «Джайнт»! Кажется, я действительно приехал сюда из-за какого-то сундучка. Кажется, мне обещали сундучок с несметными сокровищами. Так, так, так! Простите, господа, вы, должно быть, представители «Интер-миллионер-сервис»? Простите, я все вспомнил! Мне нужен телефон, телеграф, телетайп, телекс! Пардон, где ближайшая аптека?

С этими словами Сиракузерс Уже Не Под Вопросом подхватился, забыв о мольберте со своим шедевром, ринулся, покати́лся куда-то к Невскому.

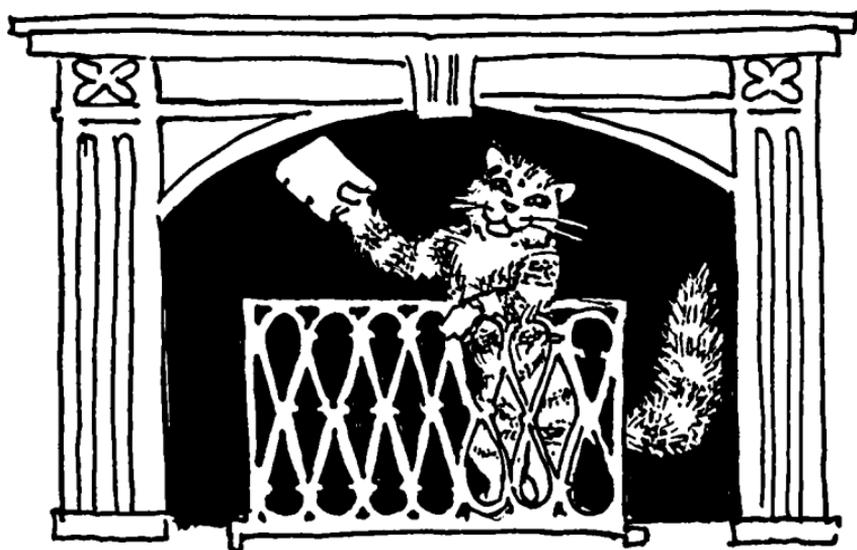
На другом берегу канала участковый помогал Юрию Игнатьевичу Четверкину раскочегарить старину «Этриха».

Валентин Брюквин и сестры Вертопраховы, увлекшись демонстрацией силы и

красоты, забыли о дворничихе в слуховых очках, а та, воспользовавшись этим, исчезла. Да-да, она исчезла, просто-напросто испарилась.

Автор не склонен сваливать всю вину за этот прорыв в сюжете на юных гимнастов. Конечно, это он, в первую очередь он сам виноват в бесследном исчезновении дворничихи на платформах. Великодушный читатель поймет и простит, но обескураженный автор временно удаляется, предоставляя событиям...





## ГЛАВА V,

*в которой Питирим Кукк-Ушкин впервые в жизни прислушался к своему «внутреннему голосу», но было уже поздно*

Зрелище танцующих под окнами девочек вызвало непривычные слезы. Оказалось, что слезная влага имеется у всех людей, не исключая и пожилых одиноких «инвенторов».

— Какое безобразие, — бормотал Питирим Филимонович себе под нос. — Танцы, художественная гимнастика у вас под окнами, какое безобразие!

«Какое наслаждение видеть красивый гимнастический танец двух девочек-близнецов, — думал он, смахивая слезы. — Какая, понимаете ли, эстетика, какая поэзия!»

Он отошел от окна в глубину «лаборатории», и там, под сводами камина, его ждал новый сюрприз. Под сводами камина, облокотившись лапой на решетку, стоял внушительных размеров кот, с глазами мореплователя и ученого, с усами философа, в шкуре простого кота.

— Это твой обидчик, Онегро, — сказал Кукк-Ушкин своему пуделю. — Ату его! Куси!

Увы, долгожитель Онегро и ухом не повел. Изможденный ужасной гонкой прошедшей ночи, он спал возле камина, прямо под ногами обидчика.

Обидчик улыбнулся глазами мореплователя и лапой мушкетера указал «инвентору» на нетолстую книжицу, лежащую на горке каменного угля возле камина.

— Какое нахальство! — сказал Питирим Филимонович. — Влезть в камин и принести книгу. Какое нахальство!!

«Как это мило — принести незнакомому человеку новинку литературы и предложить оную без всяких поползновений к

вознаграждению, это очень мило!» — подумал он одновременно с неприятным высказыванием.

Такова была двойственная суть этого одинокого человека. Очень часто, а точнее, всегда Кукк-Ушкин вслух выражал антипатию, возмущение, досаду, а в душе иногда (впрочем, далеко-далеко не всегда) испытывал симпатию, умиление, благодарность.

Вот взял, например, книгу, прочел дарственную надпись и подумал: «Как это трогательно, и разве я достоин таких посвящений? Как это, право, любезно со стороны дарителя!»

Отшвырнул эту книжицу и проскрежетал вслух:

— Свинство какое! Дарить незнакомую книгу, да еще и с надписью, какое свинство!

Надо сказать, что слова взвинчивали Кукк-Ушкина сильнее, чем мысли, и он даже мог всерьез раскипятиться из-за своих же слов. Так и сейчас он раскипятился, глянул в окно на поднимающегося в воздух старика Четверкина и пожелал «престарелому проходимцу» сверзиться в канал, хотя на самом деле желал свидетелю (и едва ли не благодетелю) своей юности бесконечных благополучных полетов.

— Ишь, обложили! — вскричал, вернее,

взвизгнул на высоких оборотах Питирим. — Собрались здесь — автомобили, самолеты, старики, писатели, дети, коты! — Он обернулся к камину, кота уже там не было. — Подавай им за три рубля сундучок, семейную реликвию! Свинство, хамство, безобразие какое!

Он ринулся в угол «лаборатории». Так он называл одну из трех своих мрачных комнат с отставшими обоями, хотя она ничем, кроме камина, не отличалась от двух других. Вся квартира Кукка была заставлена сложнейшими системами тиглей, центрифуг, реторт, колб, жаровен, сообщающихся сосудов: «процесс» шел повсюду, но все-таки лишь одна комната называлась «лабораторией», а две другие иначе: одна «конференцией», другая «салонем мысли».

В углу «лаборатории» под портретом флотского лекаря эпохи клипперов среди других семейных реликвий — кожаная тетрадка-дневник, стетоскоп, выточенный из моржового клыка, скальпель, на который современному хирургу и взглянуть-то страшно, большая флотская клизма, так называемая «аварийная помпа», — стоял и злополучный сундучок.

Из поколения в поколение передавался этот сундучок, пока не дошел до Питири-

ма. В дневнике мичмана Фогель-Кукушкина, среди пятен, оставленных разными жидкостями, сохранилась запись такого рода:

...вбежал Маркус Йон и со слезами на глазах протянул мне сундучок весьма солидного веса (не менее 15 фунтов) с престранной монограммой  и без каких-либо наличествующих признаков замка. В пылких выражениях он молил меня сохранить сей предмет до... (пятна — пятна)... Несчастный не мог знать, что через... (пятна)... (большие пятна)... Бой разгорелся с новой силой...

Прошло немало лет, пока в конце дневника не появилась еще одна запись, касающаяся сундучка.

...иногда я прижимаю ухо к теплому (он остается теплым, даже если его выставишь на мороз) боку сундучка и слушаю странный, мерный и какой-то дружелюбный стук, идущий изнутри. Стук этот оживляет в моей памяти дни молодости и плавание под флагом нашего славного командира Данилы Гавриловича Стратофонтова. Что скрыто в сем загадочном предмете? Брилл-

лианты, золото или какие-либо культурные ценности, которые для мыслящего человека дороже любых денег? Открыть сундучок я не имею ни малейших посягательств, ибо принадлежит он не мне, а далекому народу, и Бог весть, когда-нибудь, быть может...

И вот прошло уже после этой записи чуть ли не сто лет. Фамилия многое претерпела, разделилась, рассеялась. Фогели разлетелись по дальним меридианам, а последний Кукушкин не нашел ничего лучшего, как разделить себя на две части и для пущей спеси всунуть лишнюю букровку «к».

Нельзя сказать, что Питирим в молодые годы свои, подобно предку, «не имел ни малейших посягательств» к вскрытию сундучка. Очень даже имел, но, несмотря на изобретательный свой ум, он так и не понял секрета этого ящичка, а открывать его насильственным, взломным путем не решился, хотя очень нуждался в бриллиантах и золоте. Все-таки сундучок был как бы семейной святыней, и Питирим, вслух шипя проклятия, в глубине души благоговел. В конце концов он убедил сам себя, что в сундучке никому не нужные культурные ценности, махнул на него рукой и предоставил покрываться пылью.

И вот сейчас он схватил сундучок, чихнул от вздыбившейся пыли и потряс. Ничего не сдвинулось внутри небольшой деревянной, но тяжелой емкости. Приложил ухо и сразу же услышал гулкий взволнованный стук. Конечно, так могли стучать только культурные ценности.

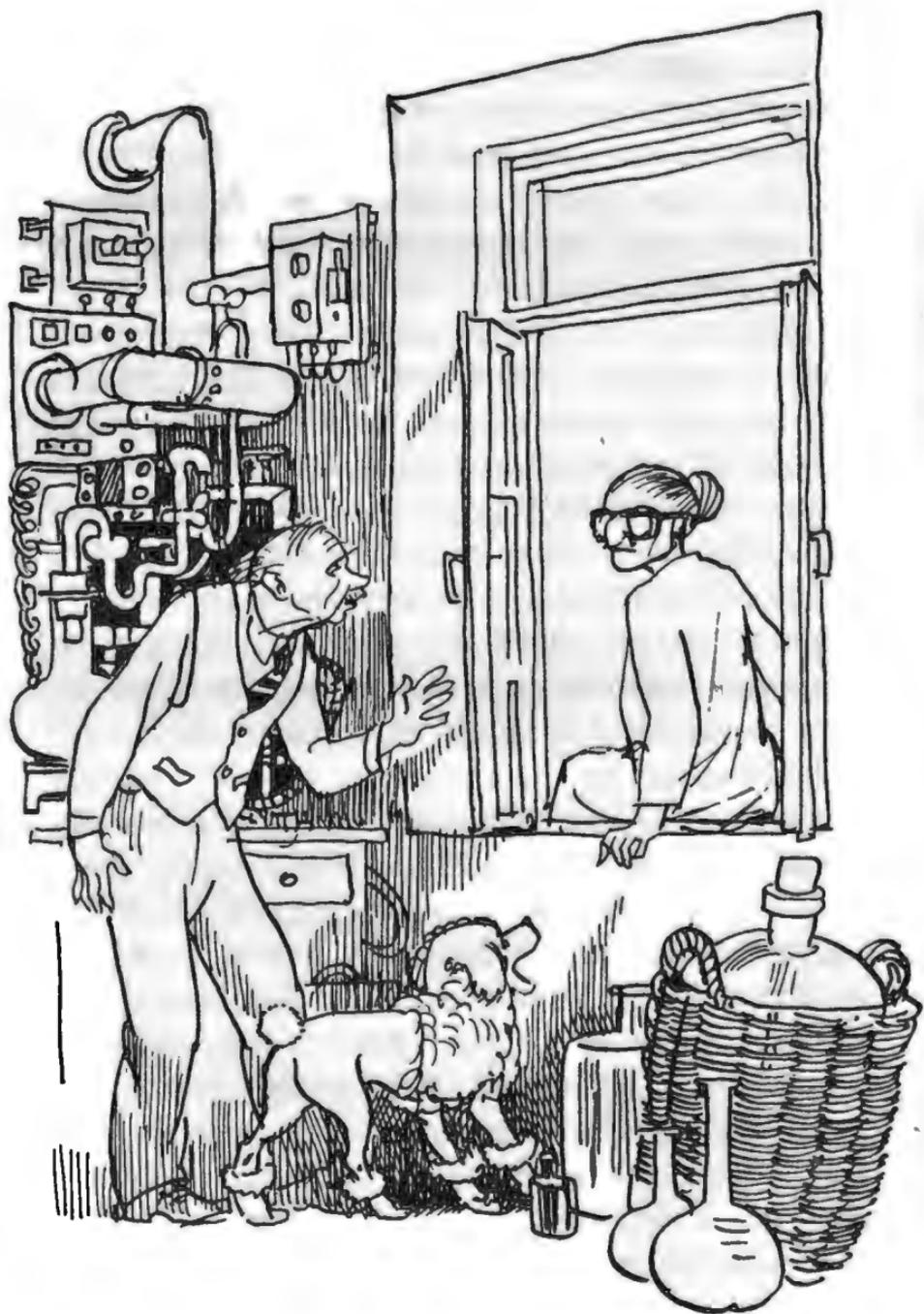
«Отдать, что ли, сундук тому мальчонке? — подумал Питирим. — Во имя всего, что дорого человеку, во имя высоких благородных принципов нашей цивилизации отдам, пожалуй».

— Черта с два отдам! — взвизгнул он вслух. — Задаром какому-то молокососу-самозванцу? Нашли простофилю! Да я лучше тому иностранцу толстопузому продам, про которого говорила Ксантина Ананьевна! Продам, а на валюту куплю смолу «гумчванс». Вот разыщу сейчас Ксантину Ананьевну и...

— Ее и искать не надо, — услышал он хриплый голос. — Искомая перед вами.

Кукк-Ушкин ахнул. На подоконнике в непринужденной позе сидела сама многоуважаемая Ксантина Ананьевна, и огромные очки на ее костистом носу отсвечивали довольно многозначительно, если не сказать зловеще.

— Любопытно, каким образом, вы, Ксан-



тина Ананьевна, проникли через входные двери и пересекли «конференцию» и «салон мысли», ничего не задев?

Тон Питирима в этот момент очень мало напоминал тон любезного хозяина, однако дворничиха небрежно отмахнулась от вопроса, спрыгнула с подоконника и заходила вокруг лабораторного стола пружинистым шагом тренированного спортсмена-туриста.

— Ближе к делу, Питирим, ближе к делу, — заговорила она. — Принимаете вы наши предложе...

— Повторяю свой вопрос, — прервал дворничиху Кукк-Ушкин. — Каким образом вы проникли в «лабораторию»?

Он треснул ладонью по столу и вперился в лицо непрошеной гостьи одним из самых неприятных своих взглядов. В молочной, например, все трепетали от этих взглядов.

Ксантина же Ананьевна же лишь усмехнулась жестяными же губами и веско же ответила:

— Мы, работники коммунального фронта, можем не отвечать на некоторые вопросы.

Несколько секунд прошло в молчании. Питирим Филимонович боролся с желанием выставить наглеца-дворничиху, однако,

понимая весомость ее аргумента, лишь трепетал. С работниками коммунального фронта всю жизнь у «инвентора» были сложные отношения. Главная же причина его терпимости оставалась все та же — «гумчванс»! По его расчетам, именно эта редчайшая дефицитнейшая смола карликового эвкалипта из юго-восточного высокогорного Перу (округ Куско) должна была стать последним восклицательным знаком в многолетней серии его изысканий, тяжелых трудов, мелких спекуляций, бессонных ночей, раздумий и мук честолюбия.

— Мы знаем, — с неожиданной задушевностью сказала вдруг дворничиха и положила на щуплое плечико Питирима свою тяжелую ладонь, — мы знаем, что вам не хватает для завершения опытов лишь нескольких граммов смолы «гумчванс». Научная общественность всего мира ждет, больше того, все человечество ждет, а особенно — развивающиеся страны.

— Да кто вы такой, Ксантина Ананьевна? — с явным испугом спросил Куку-Ушкин. Он совсем потерял инициативу и сидел съезжившись под тяжелой рукой.

Обнажившиеся в улыбке зубы дворничихи были похожи на клавиши аккордеона.

— Любезнейший, милейший, гениаль-

нейший товарищ Кукк-Ушкин, один грамм смолы «гумчванс» на мировом рынке стоит пятьсот долларов. Известный филантроп Адольфус Селестина Сиракузерс предлагает вам пять тысяч.

— Я всегда просил за этот предмет три миллиона, — слабо пискнул Питирим.

— Пять тысяч долларов — это как раз и есть три миллиона, три миллиона песет той страны, откуда прибыл филантроп.

— А-а, тогда другое дело, — несколько приободрился Кукк-Ушкин. — Три миллиона — это три миллиона.

— Больше того, — надавила Ксантина Ананьевна, — мы гарантируем доставку к вам в Ленинград свежесобранной смолы прямо из округа Куско. И взамен мы просим лишь старый, никому не нужный сундучко. Вы спросите: зачем он вам? Да ни за чем! Просто прихоть богача коллекционера. Где-то в Океании прослышал про сундучок из дерева «сульп», ну и подавай ему его. Grimасы мира чистогана. Питик, такие дела. — Дворничиха вдруг словно бы вспомнила, что она дворничиха, и заговорила на дворничком языке: — Да я бы лично, Питирюша, за еттый ящик и кефирной бутылки не дала. Лови момент, Емеля, пока твоя неделя! Смотри, старуху-то не за-

будь! Купишь красненького? Может, ты сумлеваешься, голуба? Может, полагаешь — я агент? Питирим Филимонович, я простой старуха дворник, мету улицы, за культуркой слежу, понял? Гостям делаю помощь, ясно?

«Ой, неясно, — подумал Кукк-Ушкин, — ой, темнит старуха, ой-е-ей...»

Он чувствовал, что теперь уж ему не отвертеться, и новые рандеву на Исаакиевской его не спасут, нужно принимать решение: либо Онегро будить и напускать его на непрошеного гостя, либо брать в лапу эти проклятые «пять тысяч — три миллиона», отдавать реликвию и ждать смолы.

Как вдруг по соседству, в «салоне мысли», произошло событие: затрубила, завизжала флейтами, закукарекала сигнальная система. Это означало, что Процесс достиг Фазы и сейчас пойдет Продукт. Сколько уже лет, десятилетий сигналы эти взвизывали Питирима. А вдруг сейчас, именно сейчас?

Забыв про все на свете и с легкостью необыкновенной сбросив с плеча тяжелую длань коммунального работника, Питирим выскочил из «лаборатории», промчался через «конференцию» в «салон мысли».

Продукт действительно уже шел по

стеклянным трубкам на выход. Скрестив руки на груди, Питирим смотрел, как медленно катятся темно-зеленые шарики, и думал не без гордости о силе своего интеллекта: эва, как все продумал и как устроил, сложнейшая конструкция действует безупречно! Сама синтезирует, анализирует, снова синтезирует, сама же и приглашает на выход. Без ложной скромности можно сказать: нет пределов человеческому гению!

Явился, стуча коготками и позевывая, пудель Онегро. Этот никогда не пропустит выхода Продукта. А ведь было время когда чурался, крутил носом, даже визжал. Теперь всегда, когда подходит Фаза, собачий долгожитель тут как тут — ждет первого, еще не обожженного шарика и облизывается. Быть может, именно в употреблении Продукта и скрыт секрет мафусаиловского (для собаки-то!) сорокалетнего возраста?

Питирим Филимонович даже слегка задохнулся от такой гипотезы. Секрет долголетия? Да ведь из этого же напрямик вытекают памятники, монументы ему, Питириму Кукк-Ушкину, по всем культурным столицам институты, площади, бульвары его имени! Сумасшедшие перспективы!.. Вечное паломничество... Канал, конечно, придется

переименовать — извините, Александр Сергеевич...

Что ж, довольно уже мытарить нашего терпеливого читателя глухими намеками на неясное изобретение. Раскроем карты: Питирим Филимонович Кукк-Ушкин вот уже сорок лет был занят одной идеей — изобретением универсальной человеческой еды. Эта еда, или, как предварительно назвал ее изобретатель, Продукт, должна была заменить на планете Земля все разносолы и своей доступностью, дешевизной, а может быть, и бесплатностью ликвидировать сразу множество проблем, а своему творцу обеспечить бронзовые памятники по всем культурным столицам.

Ради этой идеи и прожил Питирим всю свою жизнь, ради нее даже мелким мошенничеством занимался в те далекие прохладные годы, ради нее портил свой характер и ошетиживался, ради нее так и остался по штату младшим гардеробщиком в Доме культуры, а ведь мог бы продвигаться до старшего администратора.

В принципе Продукт был уже готов — в нем было больше витаминов, белков и солей, чем в любой другой пище. Не хватало пока что одного — вкуса. По идее Питирима, Продукт должен стать вкуснее

любой самой вкусной еды, вкуснее шоколадных тортов, вкуснее икры и устриц и даже вкуснее свежесыпеченного ржаного хлеба. Тогда его будут с удовольствием есть все и забудут разные разносолы, из-за которых в Средние века разгорелось столько войн.

Однако не получалось. Все получилось, вкус — не получался. Пока что, прямо скажем, получился какой-то антивкус. Продукт был настолько отвратительным, что даже сам творец его не решался проглотить целый шарик. Один лишь Онегро, который лет тридцать пять назад был принесен в жертву науке, вдруг привык к Продукту, стал его активно потреблять и жертвой себя не чувствовал.

Так и сейчас, он с аппетитом прожевал и проглотил зеленоватый, с искорками, шарик и, довольный, улегся рядом с системой. Кукк-Ушкин попытался последовать его примеру, лизнул было шарик, но скрючился: нет, Продукт был все еще далек от совершенства.

Должно быть, смола «гумчванс» скажет свое решительное слово и, соединившись с остальными компонентами, придаст Продукту вкус амброзии, которой, как известно, питались боги на Олимпе. Так он оконча-

тельно решил принять предложение Ксантины Ананьевны и заезжего филантропа.

Он переправил готовый продукт в стеклянную печь для обжига и закалки и крикнул в соседнюю комнату, то есть в «лабораторию»:

— Ксантина Ананьевна, я согласен!

Молчание было ответом на его слова.

«Инвентор» прошел в «лабораторию», но своей непрошеной гостью там не нашел. Было тихо, и лишь летний ветерок тихо циркулировал под высоким темным потолком, шевелил паутину и чуть-чуть шелестел клочками обоев.

Должно быть, дворничиха уже покинула квартиру, а он, увлеченный выходом Продукта и новой гипотезой долголетия, даже и не заметил, как она прошла через «салон мысли». «Ничего, — подумал он, — вернется: коллекционеры старины — народ упорный».

Тут его взгляд упал на нетолстую книжицу, столь неучтиво подаренную ему незнакомой персоной. Он взял эту книжицу и, брюзгливо оттопырив губы, забормотал:

— Пишут, пишут... сами не знают, чего пишут... Воображает, видите ли, что я его писанину прочту — ишь, наглость какая!

В глубине души он тем временем думал: «А хорошо, пока идет процесс обжига и закалки, завалиться сейчас с ногами на канаве и почитать эту соблазнительную книженцию».

Вдруг неожиданно для самого себя он послушался не своей брюзгливой воркотни, а добродушного своего внутреннего голоса и действительно завалился с ногами на канаве и взялся читать книгу «Мой де-душка — памятник».

Когда он дочитал книгу до конца, он и думать забыл про процесс обжига. Весь мир осветился для него по-новому, как будто целая эскадра с огнями вошла в темную, глухую бухту.

Так, значит, действительно не засохло еще древо Стратофонтовых, а, напротив, дало такой замечательный плод, как этого мальчика Гену, который вновь столько десятилетий спустя пришел на помощь беззащитным островитянам, за свободу которых с отвагой и благородством бились их предки вместе под одними парусами, этого мальчика, который и теперь обеспокоен тем, что дорого каждому человеку, а именно высокими гуманными принципами нашей цивилизации, — так, значит, вот как?

Питирим вдруг вскочил с канаве — ка-

кие уж там доллары, какие песеты! — и бросился в «лабораторию», охваченный благородным чувством, а также и восхищенный своей собственной персоной, которой, оказывается, доступны такие благородные чувства. Отдам, немедленно отдам реликвию для блага всего человечества, во имя всего хорошего!

Проницательный читатель, конечно, уже понял, что сундучка в «лаборатории» под портретом не оказалось. Удивительно то, что этот далеко не идеальный человек Питирим Кукк-Ушкин очень долго не мог уразуметь, что имеет дело со случаем самого грубого воровства. Он, которого при желании можно было в свое время даже назвать спекулянтom, никогда не мог понять сути воровского акта и даже всегда сомневался в реальности краж, хотя жизнь подчас учила обратному.





## ГЛАВА VI,

*в которой пищит морзянка,  
а ирландский сеттер Флайинг Ноуз  
косо пересекает пространство*

Тем временем Геннадий Стратофонтов не покидал своей квартиры на улице Рубинштейна, ибо только здесь он мог, по его выражению, «держать руку на пульсе событий». Несколько раз он выходил в эфир и связывался со своими постоянными корреспондентами-коротковолновиками: вдруг кто-нибудь из них тоже принимал тайственные призывы о помощи?

Международная дружба радиоловителей-коротковолновиков широко известна, и порой она принимает весьма трогательный и полезный для человечества характер. Все помнят, что сигналы несчастных из арктической экспедиции Нобиле были приняты советским сельским любителем на слабеньком детекторном приемнике. В пятидесятые годы весь мир обошла потрясающая история, как коротковолновики разных стран помогли спасти экипаж норвежского траулера, пораженный грозной инфекцией.

Гена был уверен, что все его заочные друзья окажут ему любую посильную помощь, и потому сообщил о неясных сигналах и научному сотруднику заповедника в Танзании, и монгольскому овцеводу, и скрипачу из Эдинбурга, и гавайскому педагогу, и мальчику-почтальону с Фолклендских островов, и метеорологу с Памира, и боксеру из Буэнос-Айреса.

Цепь дружбы начала работать немедленно. Прошло совсем немного времени, и вышел на связь мальчик-почтальон Мик Джеггер. Взволнованно он сообщил, что его старый друг вождь племени Фуруруа с атолла Чуруруа третьего дня выловил в эфире отчетливый призыв спасти для чело-

вещества огромные ценности, заключенные в сундучке, в котором что-то стучит... Больше ничего вождь племени выловить не смог, но сообщил мальчику-почтальону, что, по его мнению, сигналы идут из Микронезии. Вождь обещал поставить на ноги всю сеть своих постоянных корреспондентов, а именно: председателя воеводского комитета профсоюза горняков из Силезии, хозяина траттории из Калабрии, инспектора пожарных команд из Брауншвейга, кинооператора с озера Чад (Центральная Африка), отставного магараджу Лумпура и счетовода из Ленинграда — Цитронского Льва Степановича.

Гена после этого сообщения Мика Джеггера открыл телефонную книгу и с удивлением обнаружил, что заочный друг вождя Фуруруа проживает в близком соседстве, а именно на той же улице Рубинштейна и даже в их доме, но только в другом подъезде. Не успел он этого обнаружить, как позвонили в дверь, и Цитронский Лев Степанович предстал перед Геной лично в своих небесно-голубых нарукавниках и в наушниках на чудаковатой приятной голове.

— Простите за беспокойство, — сказал Лев Степанович, — но четверть часа назад

мой старый друг товарищ Фуруруа с атолла Чуруруа дал мне ваши координаты, и я счел своим долгом засвидетельствовать вам уважение и выразить готовность...

— Дорогой Лев Степанович, вы опередили меня на несколько минут! — воскликнул Геннадий. — То же самое я собирался сделать по отношению к вам.

Так завязалась еще одна ниточка дружбы. Вот урок иным мизантропам — миф «о некоммуникабельности» нашего мира порой трещит по некоторым швам. Современная цивилизация соединяет людей через необозримые океаны и даже через перегородки собственного дома.

Цитронский оказался как нельзя более кстати. Геннадий попросил почтенного бухгалтера периодически выходить в эфир и расширять круг поисков, а сам собрался на стадион. Дело в том, что в этот вечер должны были скрестить ракетки в финале районных пионерских соревнований две смешанных пары: Наташа Вертопрахова и Валентин Брюквин, Даша Вертопрахова и Геннадий Стратофонтов.

Гена положил было уже в сумку теннисные туфли, ракетку и мячи, как вдруг в глубине квартиры зазвонил телефон. Гена вздрогнул — он чувствовал, что и этот

звонок неспроста. Все теперь будет неспроста, он это понял еще тогда, несколько дней назад, когда ветерок Приключения под видом обычного сквозняка прогулялся по их квартире.

Он услышал, как бабушка сняла трубку, а потом зашагала через комнаты, словно на доклад к генералу.

— Генаша, тебя, кажется, вызывает сенатор Куче, — многозначительным шепотом, похожим на струю сжатого воздуха, сказала она и протянула внуку трубку на длинном шнуре.

В самом деле это был он, толстяк радикал из далекого Оук-порта, верный друг, с которым вместе год назад боролись они против черных сил мировой мафии.

— О, Нуфнуту, хава айо гладул хирос юст! — с искренней радостью вскричал Гена.

— О, Джинадо, хава плюзаро тур миос юст ноуп форгетул мумзери лингвус! — вскричал Нуфнуту Куче.

Слышимость была неплохая. Надо сказать, что прошлогодние события вывели островитян Больших Эмпиреев из исторической консервации. Островитяне вдруг начали активно пользоваться разными благами современной цивилизации, и в частности теле-

фоном. Больше того, они так увлеклись возможностями сверхдальней связи, что по меньшей мере треть бюджета республики уходила на телефонные переговоры с разными странами. Геннадий уже привык, что вдруг среди ночи его будил звонком футболист Рикко Силла или бывший президент, а ныне парикмахер, Токтомуран Джечкин, или даже дельфин Чабби Чаккерс, ныне служивший капитаном столичного порта и главным лоцманом республики.

Теперь мы переводим на русский язык дальнейший разговор Геннадия и сенатора Куче, ныне премьер-министра страны.

— Вы, дорогой Нуфнути, должно быть, звоните мне по поводу сундучка? — спросил Геннадий.

— Не понял! — прокричал Нуфнути через океаны.

— По поводу сундучка, в котором что-то стучит? — пояснил свой вопрос Гена.

В ответ слышались звуки, похожие на шум тропического ливня.

— В чем там дело, Нуф? — забеспокоился Гена.

— Я плачу, — ответил премьер. — Я расстроган до слез твоим, Гена, вниманием к нашей маленькой стране. Ты знаешь даже полузабытые легенды.

— Срочно расскажите мне эту легенду, — попросил Гена.

В мировой телефонии возникли новые явления, похожие на стыдливое похрюкивание.

— Мне немного стыдно, но я помню эту легенду только наполовину, ведь она полузабыта, — сказал Куче. — Однако попробую...

Оказалось, что легенда о сундучке из дерева Сульп уходит куда-то в необозримые времена, когда нарождающееся человечество разрозненными кучками и даже в одиночку путешествовало по пустынной планете среди красивых, но грозных в своей загадочности явлений природы, — чуть ли не к тем временам, когда мореплаватель Йон с тремя сыновьями, Мисом, Макком и Тефя, шмякнулся на своем катамаране через стену прибоя на шелковистый пляж необитаемого архипелага.

Сундучок переходил из эпохи в эпоху, из рук в руки, из алчных в благородные и наоборот и обрастал малыми легендами, словно ракушками, хотя на его гладкой поверхности не оставалось ничего, кроме нерасшифрованной монограммы. Достоверно было известно лишь, что в нем что-то стучит, но ключа к нему подобрать не

смогли, да и замок к тому же не был обнаружен, разбить же его благородные руки не решались, алчные же — вот еще одна загадка! — не могли. Небьющийся был сундучок!

Естественно, многие думали, что в сундучке скрыто черт-те что: то ли неслыханной ценности бриллианты, то ли чрезвычайные культурные ценности. В середине прошлого века «кроты» с Карбункла пустили слух, что именно в этом сундучке спрятал украденный на пиратском бриге гигантский алмаз несчастный свистун Хьюлет Бандерога, перед тем как скрыться от возмездия на островах Кьюри и там одичать. Известно было, что шайки с эскадры кровавого бандита Рокера Буги рыскали по островам в поисках сундучка до самой решающей схватки с клипером «Безупречный». Потом следы сундучка окончательно затерялись...

— Мы нашли эти следы! — вскричал Гена. — Нуфнути, похоже на то, что скоро мы вернем вашему народу его достояние!

— Хорошо бы к открытию, — сказал сенатор. — Ведь я звоню тебе, дорогой Гена, совсем не из-за сундучка, о котором наш народ уже почти забыл, хотя и не отказался бы обрести его вновь, даже не зная, что

там стучит, и стучит ли вообще, и нужен ли этот стук нашему красивому народу, и не нарушит ли он чего-нибудь на наших островах...

«Эге, — подумал тут Гена, — уж не становишься ли ты рутинером, дорогой Нуфнуту?»

— И подлинные ли кроются там ценности, а не мнимые ли, и не разбудят ли они нездоровые страсти среди некоторых граждан Оук-порта, а совсем по другой причине.

— Что? — спросил Гена не без растерянности. — Я несколько запутался в вашей фразе, дорогой и уважаемый друг.

— Не из-за сундучка, а из-за музея, — чуть-чуть яснее сказал сенатор. — Мы открываем музей нашей истории и приглашаем на открытие все потомство нашего национального памятника, а также сестер Вертопраховых, капитана Рикошетникова, его семью, весь экипаж корабля «Алеша Попович» с членами их семей и друзьями, а также всех людей доброй воли по твоему усмотрению.

— Спасибо, Нуфнуту, мы обязательно приедем, а вы пока...

Он хотел попросить премьера начать поиски таинственного коротковолновика,

используя помощь вождя Фуруруа (ведь от Эмпиреев до Микронезии гораздо ближе, чем, к примеру, от Ленинграда до Гренландии), но тут по длинным коленам мировой телефонии и по всем ее стыкам прошла нервная дрожь; голос Куче уплыл и растворился, и забормотало сразу несколько десятков голосов: «...три таузэнд ов миллион... твенти пойнт сикс перцент... комма... хальб дритте... масимаси... кванто фа... хав паунд... тити-мити...» Геннадий понял: мировую валютную систему вновь лихорадит.

Он поднял мяч для подачи и вдруг задумался. Весенний закат пылал над островами. Он пылал равномерно для всех, в том числе и для нас с вами, но, в самом деле, давайте скажем прямо: весенний закат над островами для тринадцатилетних детей пылает сильнее, чем для их сорокалетних родителей. Гена стоял с мячом над головой и думал, глядя на весенний закат над островами, хотя это были родные Кировские, а не те далекие, далекие, далекие, где когда-то год назад он встретил свою партнершу в сегодняшнем матче — Дашу Вертопрахову, в те времена еще именуемую Доллис Накамура-Бранчковска.

Некоторое сомнение, прозвучавшее сегодня в витиеватой парламентской фразе Нуфнути Куче, поселило сомнение и в душу мальчику. А стоит ли, в самом деле, продолжать поиски этого сундучка, без которого, как видим, прекрасно обходится человечество вот уже больше столетия? А не лучше ли взять и выиграть этот матч у наперсника детских игр Валентина Брюквина и его надменной партнерши? А не лучше ли, забыв о всяких там смутных сигналах, заняться веселой подготовкой к чудеснейшему, веселейшему путешествию на Эмпиреи?

Отягощенный этими сомнениями, Гена подал мяч, а не отягощенный сомнениями Валентин Брюквин тут же погасил его. Зрители, а их было немало, ибо рядом с кортом находился Дом отдыха ветеранов сцены, взорвались аплодисментами. Назревало сенсационное поражение ранее почти непобедимой пары.

— Генка, оцетинимся? — услышал он горячий шепот Даши. Удивительно, как быстро овладевала эта бывшая иностранка разными школьными ленинградскими словечками.

Гена вновь повернулся лицом к закату и вдруг увидел в небе на огромной высо-

те странное закатное облачко — зеленый кораблик под оранжевыми парусами. Кораблик стоял в необозримом пространстве, пронизанном лучами уже окунувшегося в западную Балтику солнца, и как бы подчеркивал своим присутствием необозримость этого пространства и необозримость мечты и безграничные возможности переходного возраста. Это был ответ на вопрос: «А не лучше ли?» — «Нет, не лучше, — сказал сам себе мальчик, — отнюдь не лучше устраниваться и предаваться удовольствиям, чем идти на помощь тем, кому наша помощь потребна! И в этих смутных сигналах о помощи кроется, должно быть, большой смысл, а в старом сундучке, быть может, стучит нечто весьма важное для маленькой нации».

В небе над кортом сделала круг крупная птица. Гена взгляделся. Бог ты мой, это был их общий старый друг: чайка-самец Виссарион из устья Фонтанки. Нет, неспроста прилетел он сюда в то время, когда должен был барражировать воздушное пространство канала Грибоедова. Не прошло и пяти секунд, как вдоль проволочной сетки замелькали рыжие, огненные пятна — это мчался ирландский сеттер Флайинг Ноуз, друг Пуши Шуткина. Еще

через секунду сам Шуткин спрыгнул неизвестно откуда на теннисную сетку и сделал лапой жест — внимание!

Наташа Вертопрахова возмущенно топнула ножкой: прерывался матч, уплывала прямо из рук долгожданная победа над Геннадием Стратофонтовым!

— Брюквин, что вы скажете по этому поводу?

— Нет комментариев, — без интонации ответил Валентин и отступил в сторону, гордо играя трехглавым мускулом бедра.

Не прошло и минуты, как на теннисном корте появилось еще одно животное — клочковатый пудель Онегро влетел с несвойственной ему прытью, галопируя передними лапами и тормозя задними, разбрасывая клочьями пену и волоча за поводок своего задыхающегося хозяина Питирима Кукк-Ушкина.

— Товарищ Стратофонтов, я вас ищу! — вскричал нелюдимый «инвентор» и бросился вдруг перед мальчиком на колени.

Трибуны разразились аплодисментами. Многие смахнули слезы с пожелтевших от грима щек.

— Вот за что я люблю теннис, — сказал ветеран сцены Даульский ветеранке Крошкиной. — Какая неожиданная драматургия!

В третьем сете вывается старик и падает перед чемпионом на колени! Великолепно! Даже в классике такого не бывает. Там всегда знаешь наперед, что Сильву Мореску задушат из ревности.

— Питирим Филимонович! — воскликнул мальчик. — Вы на коленях? Перед несовершеннолетним?

— Оставьте меня! — властно сказал Кукк. — Дайте мне сказать! — Не вставая с колен, он быстро причесался оловянной расческой и заговорил с совершенно невероятной экспрессией: — Дети, и вы, ветераны сцены, и вы, разумные звери, включая птиц, и вы, шуршащие нежной листвой деревья, и вы, розовеющие небеса, и ты, Онегро, живое воплощение моих сорокалетних трудов, — все присутствующие, знайте, что Питирим Филимонович Кукк-Ушкин совсем не вредный человек! Много лет, поддавшись поверхностному, но магическому чувству тщеславия, я сторонился общест-венности и даже зарекомендовал себя мизантропом, но вот сегодня произошел перелом. Кому я обязан этим переломом? Вам, товарищ Стратофонтов, мужественный потомок командира моего предка флотского лекаря Фогель-Кукушкина, вашему примеру, дорогой товарищ юный пионер! Вот

именно благодаря вашему примеру я понял, что истинный смысл моей жизни состоит не в будущих монументах и каналах моего имени, а именно в том, к чему вы призывали через закрытые двери, — к служению идеалам, человеческой цивилизации! И вот теперь, товарищ Стратофонов, когда я все понял, я вынужден закончить свой монолог тяжким сообщением — сундучок, в котором что-то стучит, пропал!

Не будем говорить о том, какими аплодисментами наградили этот страстный монолог ветераны сцены, не будем описывать и тревоги, охватившей всех участников теннисного матча, их друзей — животных и членов семей. Папаша, например, Валентина Брюквина — почтенный бармен из ресторанного комплекса «Полюшко-поле» — потерял даже на миг свою профессиональную невозмутимость, чтобы сказать: «Безобразия...» — но мы об этом говорить не будем, потому что события не ждут.

Оказалось, что в районе бульвара Профсоюзов многие дворники знали в лицо Ксантину Ананьевну, но никто не знал, к какому жэку она принадлежит.

Дворник Шамиль, например, рассказывал:

— Я мету панель от овощной палатки до киоска «Союзпечать», а от киоска метет Феликс Грибов, но он сейчас поступил в университет на очное отделение и больше не метет, а вместо него мела вот эта дама в фирменных очках, которой вы интересуетесь. Я ее спросил, не родственница ли она Феликсу, а она сказала, что тетя. Феликс — лингвист, а я лингвист-заочник, а тетя оказалась не лингвист, поэтому мы с ней совсем не разговаривали.

Дворник Феликс, в свою очередь, поведал следующее:

— Я, конечно, стараюсь теперь мести свой участок от киоска до парикмахерской по вечерам, потому что утром посещаю лекции по матлингвистике. Частенько на участке Шамяля встречал странную даму, похожую на мужчину. Однако дама была дамой, потому что интересовалась одним пожилым гражданином с собачкой. Как-то я спросил ее, не родственница ли она Шамялю, а она ответила, что тетя, Шарафетдинова Раиса из Перми, но не лингвист, и поэтому я с ней больше не разговаривал.

— Выходит, что панель от овощного киоска до парикмахерской подметалась дважды? — спросил Гена.

— Именно, — подтвердил участковый

уполномоченный старший лейтенант Бородкин. — Повышенная чистота этого отрезка принципиально меня интересовала, но я относил это за счет возросшей сознательности Фельки и Шамиля в связи с поступлением в вузы. Дворник сейчас профессия очень дефицитная, и порой приходится пополнять кадры за счет интеллигенции с предоставлением служебных помещений, под жилье. Что касается аферистки, то ее, без сомнения, встречал, но принимал за чудака. В моем участке чудаков много, и, если каждого опрашивать, не хватит ни сил, ни здоровья.

Короче говоря, оказалось, что фальшивая дворничиха-лингвист Ксантина Ананьевна, она же Раиса Шарафетдинова, исчезла без следа. Исчезла, разумеется, с сундучком, который она изъяла у Питирима Кукк-Ушкина при помощи простого древнейшего акта, именуемого кражей.

В обескураженном молчании стояла на углу бульвара Профсоюзов группа порядочных людей в составе Гены Стратофонтова, его родителей, сестер Вертопраховых и Валентина Брюквина, капитана Рикошетникова, гардеробщика Кукк-Ушкина, дворников Шамиля и Феликса, участкового Бородкина и думала примерно одну и ту же думу.

Есть нечто для порядочных людей загадочное и непонятное в таком простейшем деле, как воровство. Для непорядочного человека (каких, к счастью, в среде человеческой меньшинство) нет ничего естественней и проще кражи — подошел и слямзил. Для порядочного же человека факт кражи кажется всегда каким-то немыслимым, почти нереальным событием. Как это так? Лежал предмет, вдруг кто-то подошел и слямзил? Некто, кто этот предмет имел и даже, может быть, любил, хочет его взять и вдруг обнаруживает его полное отсутствие. Какое поразительное острейшее недоумение, разочарование охватывает вдруг этого человека! Персона же, незаконным образом изъявшая, то есть слямзившая, предмет, конечно, даже и не думает об этом ужаснейшем чувстве, о странном чувстве утраты...

Таким или примерно таким размышлениям предалась на несколько минут группа порядочных людей, схваченных на углу бульвара Профсоюзов скрещением пронзительных невских ветров.

В робких сумерках гуляли буйные ветры, что бывает частенько в нашем городе, и под ударами этих ветров мимо наших героев прошел некто в черной хлопающей

крылатке с длинным диккенсовским зонтом в сильной руке и в огромном черном же наваррском берете на суховатой голове, украшенной седоватыми бакенбардами и усами.

«Вот еще один чудак, — подумал участковый. — Задержать? Проверить? Нет, нельзя. Неэтично как-то получится. Идет себе чудак, никому не мешает, а я — с проверкой. В городе столько развелось чудачков, что не хватит ни сил, ни здоровья...»

Персона прошла мимо группы героев вполне независимо и безучастно, лишь только коснувшись группы сардоническим взглядом. Никто ей и вслед не посмотрел.

Никто, кроме Гены. Это последний почувствовал нечто странное, нечто похожее на прикосновение холодного кончика шпаги, странное чувство, прошедшее холодком вдоль всего позвоночника и заставившее даже сделать несколько шагов в сторону. Неотчетливая интуиция — так можно было бы назвать это чувство.

— Геннадий, ты куда? — строго спросили тут же сестры Вертопраховы.

— А вам-то что?! — вдруг заносчиво воскликнул наш мальчик и тут же взял себя в руки, подумав: «Что это я? Что это я так кричу? Ох, ломает, ломает меня переход-

ный возраст...» — Я... собственно, я... я, собственно, на Крестовский к Юрию Игнатьевичу... — пробормотал он. — Ведь надо же... ведь надо же... ведь надо же посоветоваться же!

— Ох уж! — сказали сестры, вздернув носики, и посмотрели на Валентина Брюквина, который тут же отвел в сторону ногу и завершил диалог своим постоянным: «Нет комментариев!»

Геннадий между тем перебежал перекресток и сел в трамвай дальнего следования, лишь краешком глаза заметив, как с передней площадки прыгнула в тот же трамвай черная крылатка. Никакой особой нужды в совете старого авиатора у мальчика не было. Ясно было и без всяких советов, что следующим шагом группы порядочных людей должен быть шаг в «Интурист» для наведения справок о заморском коллекционере. Гена прекрасно это понимал и вполне был уверен, что именно в «Интурист» сейчас и направятся оставшиеся. Что же толкнуло его в трамвай, следующий на Крестовский? Черная хлопающая под ветром крылатка, прошедшая мимо них, ее беглый сардонический взгляд? Но какая же связь между этой крылаткой и авиатором Четверкиным? Не

менее двадцати трамвайных пролетов отделяет Исаакиевскую площадь от Крестовского и почему бы этой крылатке не сойти на одной из двадцати остановок, не войти в какой-нибудь свой старый дом, в какую-нибудь свою старую квартиру, не зажечь какой-нибудь свой старый камин, не сесть рядом, завернувшись в какой-нибудь старый плед, и не раскрыть какую-нибудь свою старую книгу, почему бы нет? И все же именно черная крылатка побудила Гену броситься к трамваю, именно мгновенное настроение, возникшее на ветряном перекрестке в связи с появлением там хлопающей крылатки, именно особое настроение этой минуты толкнуло мальчика на нелогичный шаг.

Впрочем, в трамвае мальчик и думать забыл о черной крылатке, которая сидела на несколько рядов впереди и читала газету «Утренняя звезда» на английском языке. Мальчик думал одновременно о многом, мысли его прыгали с предмета на предмет: с радиосигналов из Микронезии на сестер Вертопраховых с их заносчивостью, с универсальной еды Питирима Кукк-Ушкина на предстоящую годовую контрольную по алгебре, с предстоящей поездки на Большие Эмпирей на свой пе-

реходный возраст... Все не совсем ясные ощущения он относил теперь за счет своего переходного возраста, о котором слышал столько тактично приглушенных разговоров в своей семье. Вот и сейчас его снедало какое-то неясное беспокойство, и он думал: «Ох, ломает, ломает меня переходный возраст...» О сундучке, в котором что-то стучит, о пропавшем сундучке он, конечно, тоже думал, но, как ни странно, без особого беспокойства. Сундучок был конечной целью его нового приключения, а цель все-таки, даже удаляясь, даже порой исчезая, остается целью. Цель остается целью, здесь все в порядке. Что же беспокоило его сейчас и почему ему так безотлагательно захотелось увидеть Юрия Игнатьевича?

Подойдя к этой мысли, он вдруг обнаружил себя в полном одиночестве. Пустой, ярко освещенный вагон подходил к последней остановке.

Гена выпрыгнул в темноту, послушал с неизвестным ранее волнением (переходный возраст!), как скрипят и трепещут листвою огромные деревья Приморского Парка Победы, и зашагал к дому Четверкина.

Он застал своего нового старого друга в воротах. Авиатор выходил из сада с двумя

плетеными корзинками в руках. В корзинках были банки моторного масла.

— Привет, дружище Геннадий! — бодро сказал старик. — Собираюсь сменить масло в аппарате. Не хотите ли сопутствовать?

Геннадий взял у него одну из корзин, и они пошли к ангару по пустынной, шумящей на ветру аллее.

— Есть ли новости из мирового эфира или от четырех львов с золотыми крыльями? — спросил авиатор.

— Есть, и пребольшие, — ответил Геннадий и стал рассказывать Юрию Игнатьевичу обо всех событиях прошедшего дня.

Четверкин внимал мальчику, стараясь не пропустить мимо ушей ни одного слова, как вдруг ахнул и схватился рукой за трепещущую в сумерках молодую осинку.

Двери ангара были открыты, и там в глубине блуждал огонек карманного фонарика.

— Воры! — вскричал авиатор. — Держи! — и ринулся вперед, забыв обо всем, и об опасности в первую очередь.

Фонарик тут же погас. Темнота внутри ангара сгустилась. Конечно, произойди это в 1913 году, юноша Четверкин, безусловно, заметил бы, что особенно тьма сгус-

тилась слева от входа, что там согнулась какая-то фигура. Увы, пятьдесят лет — срок немалый даже для орлиных глаз, и авиатор не заметил фигуры, он мчался навстречу гибели!

«Так вот для чего интуиция приказала мне ехать на Крестовский!» — подумал Гена, подбегая сзади к фигуре и бия ее одним из тех приемов, что освоил когда-то в так называемом санатории д-ра Лафоню, в окрестностях Лондона.

Прием был проведен удачно. Четверкин проскочил в ангар, ничего не заметив, а фигура грузно осела набок, уронив на асфальт какое-то звякнувшее оружие.

Нож? Кастет? Пистолет? Геннадий не успел протянуть руку к упавшему предмету, как увидел летящий снизу к его подбородку тупой нос огромного ботинка. Он узнал один из приемов тайландского бокса, но защититься не успел, и в этот же миг искры полетели из его глаз.

Когда Юрий Игнатьевич включил электричество внутри ангара, широкий сноп света осветил аллею и на ней крупного мальчика, сраженного приемом тайландского бокса, а рядом с мальчиком сверкающий, как новогодняя игрушка, пистолет с длинным стволом и глушителем. Метрах

в десяти от ангара некто в хлопающей под ветром крылатке, странная полукомическая, полудемоническая фигура, вытаскивала из кустов мотоцикл.

Когда Геннадий поднял голову, рядом взревел мотоцикл. Чуткие ноздри мальчика сквозь запах бензина уловили запах изысканной парфюмерии. Вот странно: переплетались мужской одеколон «Шик-24» и тончайший женский «Мадам Рошá».

— Ха-ха-ха! — слышался хриплый смех. Запах никотина и алкогольной изжоги заглушал парфюмерию и бензин. — Ха-ха-ха-ха-ха!

Торжествующий хохот, короткий взрев мотора, потом стрекотание — и мимо за кустами промелькнула крылатка, наваррский берет, твердый желтый нос, седой ус и бакенбард.

Торжествующий, какой-то животный хохот еще стоял в его ушах, когда он приподнялся на одном локте и поднял сверкающую «елочную игрушку». Вдоль ствола тянулась витиеватая надпись: «Мэйд ин Дисней-лэнд». Геннадий вспомнил: такие шутовские надписи были выбиты на самом страшном оружии у наемников из госпиталя д-ра Лафоню, а производилось оно в Гонконге какой-то подпольной фирмой.

Он вскочил на ноги и попал в заботливые объятия старика.

— Дружище Геннадий, что с вами? Вы целы?

— Дружище Юрий Игнатьевич! — вскричал Гена. — На тандеме мы не угонимся за злоумышленником. Не могли бы вы подняться в воздух? Это единственная возможность...

Видно было сразу, что старик в течение своей жизни побывал в разных переделках и привык в этих переделках не задавать лишних вопросов. Он немедленно бросился в кресло своей допотопной птицы и включил вполне современный жигулевский стартер. Мотор не заводился.

Четверкин поднял капот, похожий на бочок десятиведерного тульского самовара, и увидел струйку бензина, вытекающего из бензопровода. Бензопровод был разрушен. Злоумышленник выломал из хитроумной системы Юрия Игнатьевича его любимую деталь, так называемую «флейточку».

«Флейточка» и в самом деле была похожа на какой-то древний музыкальный инструмент, такая дудочка с тремя клапанами. Она попала в руки авиатору полвека назад при странных обстоятельствах, о которых он расскажет позднее.

Сейчас он поведаёт своему юному другу лишь об одном удивительном свойстве любимой «флейточки».

Когда-то, в нищие двадцатые годы, Четверкин конструировал очередной двигатель и вдруг хватился, что ему нечем нарастить бензопровод. Тогда и додумался он нарастить бензопровод «флейточкой», предварительно окутав ее толстой медной проволокой. Тогда и заметил Четверкин странное свойство. Мотор стал заводиться в любую погоду, в любую сырость, в любой мороз. Она, эта «флейточка», как будто прогревала всю бензосистему, как будто сохраняла тепло. С тех пор Четверкин стал вставлять ее во все свои конструкции и даже брал ее с собой в арктические экспедиции. Полярники не раз удивлялись, как легко заводятся многотонные «АНЫ» пилота Четверкина, а он только усмехался.

— Вы хотите знать, дружище Геннадий, что за странность была в этой «флейточке»? Дружище мой мальчик, она была теплая! Она всегда была очень теплая, на любом морозе...

— Как будто была сделана из дерева Сульп... — задумчиво проговорил Гена.

— Что?! — вскричал пилот. — Что-что-что? Дружище юный пионер, не кажется

ли вам, что мы, благодаря вашей удивительной интуиции, вновь оказались на пороге тайны?

— Мне кажется, — тихо сказал Гена, — мы оказались на пороге, но...

Дома он застал веселое оживление. Все чемоданы и баулы были вытащены, и туда бросалось имущество, в основном летние короткие маленькие вещи легкомысленных расцветок. Оказалось, что вопрос о поездке на Большие Эмпирей решен положительно и все собираются в дорогу. Пусть сокращаются большие расстояния...

— А что же сеньор Адольфус Селестина Сиракузерс? — спокойно спросил Геннадий, прикрывая носовым платком распухшую на тайландский манер нижнюю челюсть.

— А вот с этим маленькая неувязочка, дружище сын, — весело сказал папа Эдуард. — В «Интуристе» нам сообщили, что скотопромышленник улетел вечерним самолетом компании «Панам» в Стокгольм. Сундучок, разумеется, он увез с собой. Мы уже сообщили об этом в Оук-порт сенатору Куче. Республика будет добиваться возвращения национального достоинства по дипломатическим каналам.

Носовой платок упал на пол, и тут же послышался смех. В окна стратофонтовской квартиры смотрели лукавые лица сестер Вертопраховых.

— Ой, Генка, — сказала Даша, — с этой челюстью ты стал чем-то напоминать полковника Мизераблеса.

— Неуместная шутка! Глупое сравнение! — воскликнул, побагровев, Геннадий. — Валька, почему ты молчишь?

— Ноу комментс, — ответил с улицы Валентин Брюквин. Он стоял на тротуаре и поигрывал мускулами ног. Таким образом он приучил себя бороться с капризами переходного возраста.





## ГЛАВА VII,

*в которой происходят такие  
обычные вещи, что опытные люди  
предпочитают спать, закрыв лицо  
газетой «Ежедневное зеркало»*

В Париже, в аэропорту Орли, была пересадка. Здесь потомки капитана Стратофонта и сопровождающие их лица должны были пересесть с лайнера «Аэрофлота» на лайнер «Эр Франс», чтобы лететь до острова Маврикий и там пересесть на лайнер компании «Эр Индия», и лететь на Мальдивы, и там пересесть на

лайнер японского общества «Джайл» и лететь на Зурбаган, и там пересесть на лайнер «Грин», чтобы перелететь в Гель-Гью, где уже их будет ждать специально зафрахтованный 20-местный и вполне пригодный к употреблению самолет эмпирейской ассоциации «Кассиопея констеллейшнс эр чанс». Увлекательное путешествие ожидало наших героев, а пока перед посадкой в стеклянном дворце Орли они били баклуши всяк на свой манер.

Ну, Наташа, конечно, Вертопрахова отражала атаки представителей прессы: «Нет, не собираюсь. Да, слушаюсь родителей. Нет, не намерена. Да, своими успехами обязана тренеру Г. Н. Гумберту».

Ну, сестра ее, конечно, Даша загадочно блистала знаниями иностранных языков, марокканцев удивляя по-мароккански, испанцев — по-испански, сербов — по-сербски ибо нет на свете языка, не родственного эмпирейскому, и нет на свете эмпирейца, который не был бы потенциальным полиглотом.

Ну, Брюквин, конечно, Валентин молча пил у стойки бара газированный напиток кока-колу и на все вопросы международной публики отвечал своим излюбленным «ноу комментс», что, как известно, в дип-

ломатии равносильно многозначительному молчанию.

Ну, мама, конечно же, Элла тоже употребляла кока-колу и с ужасом вспоминала, чего ей в юности наговорили про этот напиток: дескать, прямо с ним проникает в кровь вредная идеология и проступает на коже родимыми пятнами капитализма. Но вот же пью и просто охлаждаюсь, ничего не проступает. К тому же рядом цедит напиток спутник Стратофонтовых Помпезов Грант Аветисович, сотрудник общества «Альбатрос».

Ну, Помпезов, конечно, Грант Аветисович цедил напиток, приговаривая:

— Наш-то квасок покрепче будет.

Ну, отец, конечно, Эдуард встретил в Орли знакомого мистера Бэзила Сноумена, такого же, как он сам, члена Клуба Покорителей Вершины Навилатронгкумари С Восточной Стороны, ну и, конечно, бил баклуши вместе с этим джентльменом, предаваясь приятным воспоминаниям.

Ну, бабушка, конечно, Мария Спиридоновна купила множество цветных посткарточек и направляла теперь приветы друзьям-однополчанам.

«Привет орлам из Орли!» — таков был текст. Не так уж дурно, не так ли?

Ну, и Гена, конечно же, Стратофонтов среди всеобщего битья баклуш продолжал развивать наше приключение, на то он и наш главный герой.

Для этой цели он сидел в мягком кресле и беседовал с Юрием Игнатьевичем Четверкиным о таинственной «флейточке».

Ну, Юрий, конечно, Игнатьевич Четверкин сидел с ним рядом и доброжелательно смотрел на парижан и гостей французской столицы. Четверкин находил, что с 1916 года, когда он побывал здесь в составе Русского Экспедиционного Корпуса, парижане почти не изменились: те же «силь ву пле» и «са ва», то же пристальное внимание мужского пола к женскому и наоборот. Между тем он рассказывал своему юному другу о «флейточке».

В марте 1914 года подпольная группа революционеров, к которой Юрий Игнатьевич примыкал, решила организовать побег из Шлиссельбургской крепости одного узника по имени Павел Конников. Этот человек для всей мыслящей молодежи России был настоящим идеалом: моряк, путешественник, один из первых русских авиаторов, подпольщик, публицист, спортсмен... Такого особенного человека и спастись-то надо было как-то особенно, и мо-

лодежь ошеломила жандармов своей дерзостью...

В час прогулки над двором крепости появился военный «ньюпор» и сбросил взрывательный пакет на стену. Вреда никакого от этой бомбы не было, но дыму, шуму, паники на всю ивановскую. Со второго захода Четверкин («ньюпор» пилотировал, разумеется, он) сбросил за борт веревочную лестницу и, когда вынырнул из дыма и полетел к лесу, увидел на веревочной лестнице человека с развевающейся шевелюрой — это был Павел Конников!

Объявлена была тревога по всей округе. Жандармы знали, что самолет скрылся где-то поблизости в карельских лесах, и обложили все дороги и тропы. Одного не учли малоразвитые жандармы — особенностей буерного спорта. На льду одного из озер Четверкина и Конникова ждал буер, предварительно доставленный из Финляндии, буер, который при попутном ветре мог развить скорость современного автомобиля. Да, именно буер и пара надежных маузеров помогли революционерам вырваться из кольца.

Конечно, началась дружба. Конников был старше Четверкина на пару десятилетий, но ведь дружбе, как мы видим, не ме-

шает разница даже и в шесть десятилетий. Конников, под конспиративным именем Василий Никитович Бурже, вместе со своим молодым другом участвовал во всех авиационных праздниках, конструировал новые аппараты, а когда разразилась первая империалистическая война, они вместе начали летать на первом в мире многомоторном бомбардировщике Сикорского.

Рядом они прошли и Гражданскую. Однажды, в дни эвакуации белых армий с юга России, Четверкин и Конников совершали воздушную рекогносцировку над Новороссийским портом. Шрапнельный снаряд с миноноски прикрытия взорвался слишком близко от старого, латаного-перелатаного «Буазена». Они еле дотянули до берега и врезались в гору. Юрий Игнатьевич потерял старшего товарища.

Подобно многим скитальцам, романтикам, бунтарям, Конников не успел обзавестись семьей, он был совершенно одинок, и все его имущество осталось Четверкину, а именно: ковровый саквояжик с двумя сменами белья, свитером, бритвой «Жилет», томиком стихов Бунина и вот этой «флейточкой», которую он привез из какого-то своего заморского путешествия еще до революции 1905 года.

Он не был особенно музыкален, этот своеобразный человек, но иногда в какие-нибудь меланхолические минуты начинал играть на этой дудочке, вернее, не играть, а дуть в нее, она сама как будто бы играла. Из нее вырывался какой-то странный, диковатый примитивный мотив, какой-то немыслимо далекой древностью, допотопными временами веяло от этих звуков.

Любопытно также, что если Конников играл на своей дудочке в помещении, в какой-нибудь, скажем, избе, там начинали скрипеть и открываться двери, окна, ставни, по дому гуляли сквозняки... вообще возникало странное чувство, какая-то тревога. Он редко на ней играл. И никогда не отвечал — откуда у него эта штучка, только улыбался.

— Вам это интересно, дружище Геннадий?

— Чрезвычайно интересно, дружище Юрий Игнатьевич, — сказал Гена. — Скажите, кроме меня, вы в последнее время рассказывали кому-нибудь о Павле Конникове и о «флейточке»?

— Позвольте, позвольте, позвольте подумать, — медленно сказал Четверкин и погрузился в раздумья.

Геннадий был уверен в том, что старый

пилот рассказывал эту историю кому-то и в самом недалеком прошлом, но он не торопил его и пока что наблюдал текущую мимо международную толпу. Прошлогодние странствования по интерконтинентальным авиатрассам научили сообразительного мальчика, что из созерцания толпы можно иногда извлечь кое-что интересное.

И вот он извлек. Возле стойки бара, прямо за спиной его мамы Эллы, остановился некий верзила блондин. Он был облачен в наимоднейший серый костюм с высоко поднятыми плечами и разрезом чуть ли не до лопаток, волосы ниспадали ему на плечи — то ли знаменитый футболист, то ли певец в стиле «рок»... Но что-то в его манере напомнило мальчику тех парней, которые... «Впрочем, не будем торопиться с выводами», — снова подумал он и увидел в зеркале, как верзила улыбнулся его красивой маме. Улыбка была не самого учтивого свойства, но находчивая мама Элла тут же парировала ее достаточно выразительным взглядом. Взгляд парашютистки был таков, что верзила просто отскочил от стойки и пошел прочь, бормоча какие-то странные, то ли голландские, то ли фламандские проклятия, а тут еще Грант Аве-

тисович послал ему в спину свой взгляд, от которого тот словно споткнулся и даже пробежал несколько шагов, чтобы удержаться на ногах; а тут еще папа Эдуард и мистер Сноумен остановили на нем свои взгляды, в которых отражался блеск подлунных глетчеров, и верзила под перекрестным огнем этих взглядов как-то заметался; а тут еще встретился со взглядом Геннадия Стратофонтова и просто рухнул в ближайшее кожаное кресло, весь в поту и с открытым от страха ртом.

— Вспомнил! — воскликнул Юрий Игнатьевич. — Недели две назад я посетил Зоологический музей, просто так, без особой цели, просто лишний раз полюбоваться гигантским скелетом голубого кита. Знаете, вот уж сколько лет я посещаю Зоологический музей и всякий раз восхищаюсь исполином. Ведь это животное превосходило своими размерами по крайней мере одну из каравелл Колумба. Знаете, поднимаешься по лестнице музея, и вдруг над тобой нависает челюсть кита, словно свод какой-нибудь Триумфальной арки. Клянусь, я мог бы посадить свой аппарат на спину этого животного! И вот возле грудной клетки кита я познакомился с провинциальным юношей-туристом. Вы знаете, дружище Гена, я

никогда прежде не встречал такого невежественного юноши. Он спросил, например, меня: где у кита располагаются жабры? Пришлось прочесть ему маленькую лекцию о морских млекопитающих. Когда мы вышли из музея, обнаружилось, что он приписывает честь постройки Петербурга не Петру Великому, а Ивану Грозному. Амбир он называл готикой, каштан — липой, про Зимний дворец сказал, что это, наверное, гостиница «Интурист».

Я провел с ним целый день и открыл ему глаза на сотни вещей, о которых он имел совершенно неправильное представление. И лишь в одном месте юноша посрамил меня — в музее музыкальных инструментов. Оказалось, что он великий знаток флейт и знает всех мастеров этого инструмента, начиная от эпохи Возрождения, которую он, конечно, называл эпохой Извержения, и до наших дней. Тогда я рассказал ему историю моей «флейточки» и даже показал ее в моем аппарате. Он был моим гостем, и мы расстались друзьями, правда, потом уже не виделись: он уехал в свою провинцию.

— Как он назвался? — спросил Гена.

— Федя Говорушкин. Или Игорь Чекушкин. Что-то в этом роде.

— И вы не заметили в нем ничего странного?

— Ровно ничего странного. Обыкновенный юноша, только очень невежественный, — сказал Юрий Игнатьевич.

— А сколько лет было этому юноше, на ваш взгляд, дружище Юрий Игнатьевич?

— Вот! — вскричал старый авиатор, хлопая себя по лбу. — Как вы проникательны, дружище Гена! Возраст этого юноши был очень странен. Иногда он мне казался юношей восемнадцати лет, а иногда юношей лет сорока пяти.

— Вопросов больше нет, — сказал Геннадий, встал и медленно подошел к верзиле блондину, который все еще сидел напротив, вытирая со лба капли холодного пота.

— Вы плохо себя чувствуете, сэр? — вежливо спросил мальчик, внимательно разглядывая шрам на щеке блондина, похожий на след от стрелы племени ибу.

— Пардон, пардон, мы вовсе незнакомы, молодой джентльмен, — забормотал верзила. — Я никуда не лечу, я просто провинциал из Аахена, просто зевака и сейчас немедленно убираюсь восвояси!

Он вскочил, выбросил в мусорную урну голубой транзитный билет, выбежал из

здания аэропорта, упал в такси и был таков.

Гена не погнушался вынуть билет из урны и прочесть там имя владельца: «М-р Уго Ван Гуттен», и направление: «Оук-порт, Большие Эмпирей». Конечно же, не имя интересовало Гену. Имя у таких персон — а Гена вспомнил эту персону — меняется каждый месяц. Его интересовало направление. Оук-порт? Вот как? Надо быть настороже!

В это время объявили посадку на их самолет, и все они — Гена, мама Элла, папа Эдуард, бабушка, сестры Вертопраховы, Валентин Брюквин, Ю. И. Четверкин и референт общества «Альбатрос» Г. А. Помпезов — в числе прочих пассажиров погрузились в «Каравеллу», долетели до острова Маврикий, там погрузились в «Комету» и долетели до Мальдив, там погрузились в «Боинг» и благополучно долетели до Зурбагана, где их ждал немалый сюрприз.

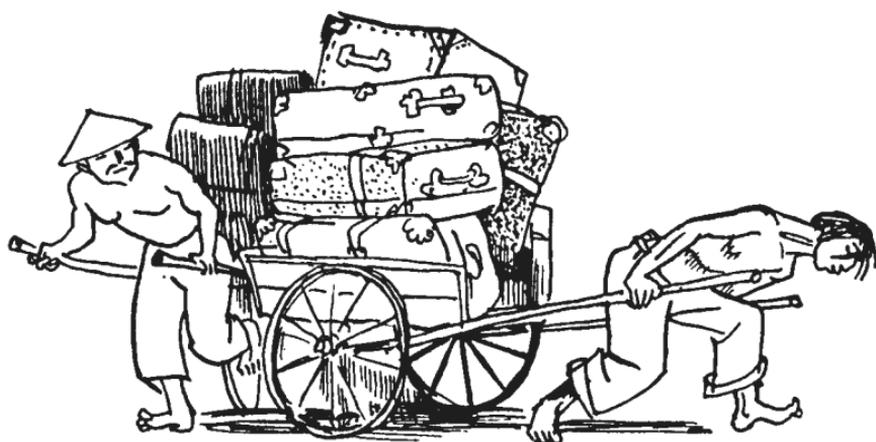
Зурбаганский аэропорт в наши дни стал похож на ярмарочную площадь. Прошли те времена, когда из допотопных дирижаблей высаживались здесь суровые шкиперы и штурманы, которые, дымя своими трубками, направлялись в морской порт, к своим



парусникам, к своим сугубо таинственным и важным делам. Прославленный замечательным русским писателем Александром Грином, город стал теперь прибежищем начинающей творческой интеллигенции всего мира, начинающих писателей, начинающих артистов, киношников, музыкантов, а также множества туристов и, конечно, хиппи.

Все эти люди почему-то облюбовали для своих встреч аэродром и с утра до глубокой ночи толклись здесь, сидели за столиками импровизированных кафе, танцевали, пели, ссорились, мирились, а то и спали прямо на бетоне, завернувшись в непальскую кошму или марокканскую баранью шкуру.

Порой вежливое радио убедительно просило почтеннейшую публику освободить



взлетно-посадочную полосу, и тогда взлетал или садился какой-нибудь лайнер, срывая своими струями тенты кафе и торговых палаток, унося шарфы, шляпы, рукописи гениальных поэм и симфоний, что вызывало на аэродроме величайшее оживление.

И вот среди этой публики наши путешественники заметили нетипичную фигуру. Два хиппи-рикши (один из них английский лорд, другой сын парфюмерного короля) вкатили на аэродром коляску, в которой восседал не кто иной, как Адольфус Селестина Сиракузерс, буйвол мясной индустрии и мультимиллионер, увезший из Ленинграда тот самый сундучок, в котором что-то стучит, тот самый главный предмет всего нашего повествования.

Сиракузерс восседал в коляске, словно

символ всего мира эксплуатации. Он держал в толстенных пальцах великанскую сигарету, временами тыкал пяткой в худые спины рикш и заглатывал голубые капсулы для своих внутренних процессов.

За ним еще с десятков хиппи толкали тележки с его барахлом — с огромными кофрами из крокодильей кожи и с медными застежками, молдингами и углами. Вся процессия катила к самолету «ЯК-40» зурбаганской авиакомпании «Грин», к тому самому самолету, куда должны были погрузиться и наши путешественники.

— Где я? — спросил Сиракузерс у агента компании, сухопарого господина в треуголке с плюмажем. — Где я и куда я? Скоро Нью-Йорк?

— Сэр, в соответствии с вашим билетом вы погружаетесь в самолет компании «Грин» для дальнейшего следования в Гель-Гью. Нью-Йорк в вашей дистанции не значится.

— Ах, да, я лечу в Буэнос-Айрес через Панаму, — припомнил Сиракузерс.

— Отнюдь нет, сэр. Вы летите в Джакарту через Аделаиду с посадкой в Гель-Гью.

— Зачем? — удивился мультимиллионер.

— Цель вашего путешествия, сэр, компании неизвестна.

— Плохо работаете! — рявкнул Сиракузерс, однако выгрузился из коляски и стал подниматься по трапу.

Перед самолетным люком он протянул в сторону руки за ножницами, видимо полагая, что сейчас перережет ленту и откроет какой-нибудь новый павильон или филиал. Ножниц в руку ему, однако, никто не вложил.

— Нет, что-то не то, — пробурчал он и шагнул внутрь.

Между тем его сундуки стояли под самым животом самолета в ожидании погрузки.

— Родные и друзья! — торжественно произнес Геннадий, обращаясь к делегации наших героев. — Как подсказывает мне интуиция, сейчас наступает кульминационный момент нашего приключения, и потому я исчезаю, если вы, конечно, не возражаете.

Гамма разноречивых чувств прошла по лицам героев. Друг-читатель, здесь я снимаю узду с вашего воображения и предоставляю вам полную возможность вообразить себе эту гамму во всем ее объеме. Могу сказать лишь, что завершила всю эту гамму решительная мама Элла.

— Дружище сын, ты гораздо опытнее всех нас в международных делах, и инту-

иция тебя никогда не подводила, — сказала она.

— Поторопитесь, товарищ Гена Стратофонов — сказал Грант Аветисович, — поторопитесь, пока я заполняю таможенные декларации и как будто бы ничего не вижу.

...«ЯК-40» авиакомпании «Грин» стартовал с зурбаганского аэродрома, словно прыгун в высоту: короткий разбег, взлет, и вот он уже скрылся за цепочкой нежно-зеленых гор.

— Что это за самолет? — спросил один из хиппи у товарищей.

— Советская продукция, — ответил кто-то. — Сорок мест, реактивный двигатель, может сесть прямо на крышу небоскреба твоего папаши.

— Надо посоветовать папе купить такую штуку, в хозяйстве не помешает, — сказал несчастный кули и заглянул через плечо товарищу, который считал медяки, заработанные подвозом Сиракузерса. — Сколько дал, кровосос?

— Не хватит и на кастрюлю бараньего супа, — вздохнул товарищ.

Сиракузерс очень удивился, когда увидел приставленное прямо к его рту дуло автомата.

— Пардон, я ничего не заказывал, — пробормотал он и полез было себе под галстук за таблеткой ориентации, но тут над его головой прогремел страшный голос:

— Ни с места, папаша, а то наглотаешься пуль!

Мясной король поднял глаза, увидел над собой каменную челюсть, сплюснутый нос, черные очки, вспомнил молодость и понял: он в руках «ганга».

Прямо скажем, ничего особенного в самолете не происходило. По нынешним временам довольно обычная процедура. Два бандита держали под мушками экипаж самолета, пожилая дама в шляпе с розовыми цветочками угрожала бомбой пассажирам, а четвертый бандит, самого устрашающего вида, адресовался лично к мультимиллионеру Сиракузерсу. Словом, происходил вполне тривиальный «хай-джекинг», то есть угон самолета в неизвестном направлении.

— О-хо-хо, — зевнул пожилой коммерсант, сидящий рядом с бабушкой Стратофоновой. — Я уже третий раз попадаю в такую историю, мадам. Когда работа разъездная, ко всему привыкаешь, но скучно, мадам, скучно. Люди разучились развлекаться. Реклама врет. Покупаешь чистое масло, а там на 30 процентов химии. Про-

шу прощения, я обычно сплю во время захвата самолетов. Спящий, как пьяный — в него не стреляют...

Он закрыл лицо газетой «Ежедневное зеркало» и тут же захрапел.

Мария Спиридоновна не сказала своему соседу ни одного слова, да она его и не слушала. Она трепетала от возмущения.

Всякий акт воздушного пиратства возмущал ее до глубины души в первую очередь как летчика по профессии и не в последнюю очередь как рядового человека. Лишь строгий взгляд Гранта Аветисовича остановил боевую женщину от решительных, но, пожалуй, не очень продуманных действий.

— Да, Мария Спиридоновна, — посетовал товарищ Помпезов, — на фронте всегда знаешь, что делать; за границей — не всегда.

— Коллега, — возбужденно зашептал Юрий Игнатьевич Четверкин, — это я вам, Мария Спиридоновна. Во имя свободы мировой авиации я готов пожертвовать собой. Созрел план. Я жертвую собой, а вы обезоруживаете мерзавцев! Недурно?

— Юрий Игнатьевич, ваш план еще не созрел, — сквозь зубы процедил папа Эдуард. — Прошу не торопиться.

Он сидел рядом со своей женой, мамой Эллой, и в эти критические минуты супруги были до странности похожи друг на друга: и у альпиниста, и у парашютистки были в эти критические минуты одинаково суженные глаза, жесткий настороженный взгляд и одинаково напряженные позы. Спортсмены, родители Геннадия, казалось, были готовы к прыжку.

Что касается молодежной части делегации, то она по-разному реагировала на происходящее. Валентин Брюквин, не меняя безучастного выражения лица, внутренне ликовал. Что там говорить, Брюквин Валя немного завидовал выпавшим на долю его друга приключениям. И вот теперь он сам, мальчик, впервые покинувший родной город, попал в такую блистательную передрягу. Появились великолепнейшие возможности для проявления героизма и для показа окружающим, включая сестер Вертопраховых, своего истинного лица, скрытого под маской непрерывного спокойствия.

Даша Вертопрахова помрачнела: новая встреча с «мафиози» напомнила ей недавние времена и ее жеманную и страшную «мамочку» мадам Накамура-Бранчковску в ореоле ее фальшивой красоты.

Что касается чемпионки по художественной гимнастике, то она была совершенно спокойна. Во-первых, занятия спортом в обществе «Трудовые резервы» приучили ее к оптимистическому взгляду на мир. Во-вторых, она была уверена, что ее исчезновение не пройдет бесследно для цивилизованного мира, и уже через час корреспонденты затрубят о неприбытии самолета с ленинградской грацией в Гель-Гью, и поднимется такой шум, что бандиты испугаются и всех отпустят. И, в-третьих, самое главное соображение она таила в глубине души и даже сама себе почти не признавалась, что надеется в основном на ловкость, храбрость и интуицию одноклассника — этого «несносного» Генки, который так таинственно исчез на аэродроме Зурбагана. Где он? Где Гена? Эта мысль тревожила и всех членов нашей делегации и склоняла их к выжиданию.

Между тем самолет по приказу гангстеров изменил курс и летел в бескрайней синеве, где море сливалось с небом. Несколько часов в этой синеве не было никаких ориентиров другого цвета, за исключением отблесков солнца, и некоторым впечатлительным персонам из числа измученных пассажиров стало уже казаться,

что они летят в пространстве какой-то иной планеты, где нет никаких признаков человеческой цивилизации.

Вдруг самолет круто пошел вниз, и справа по борту открылся остров, похожий очертаниями на Англию. Коммерсант, сосед Марии Спиридоновны, так и сказал, проснувшись и сняв с лица газету:

— А-а, уже Англия... охо-хо...

Одно из двух: или этот коммерсант был малограмотным человеком, или еще не совсем проснулся — ведь Англию целиком можно увидеть только из космоса.

Этот остров был, конечно, не Англия. Это был крошечный тропический островок со всеми обязательными атрибутами: остроконечной горой, густо-зелеными джунглями, широкими песчаными пляжами и бордюром снежно-белого вечного прибоя.

Когда-то, еще в пятидесятые годы, когда ртуть холодной войны упала до весьма опасных пределов, одна из великих держав начала здесь строить секретный аэродром, но потом вдруг ртуть подскочила, и стройка остановилась. В конгрессах стучали кулаками на генералов, а тропическая растительность пробивалась сквозь бетон законсервированных взлетно-посадочных полос.

На такую полосу и нацеливался сейчас захваченный самолет, вернее, на нее нацеливались в первую очередь «хай-джекеры», но так как их оружие было нацелено в затылки пилотов, то они выполняли приказание и нацеливались на полосу бетона, пробитого во многих местах мощной тропической растительностью.

Следует отдать должное качеству самолета «ЯК-40» и мастерству пилотов компании «Грин». Маленький реактивный лайнер погасил скорость и остановился целый и невредимый в нескольких метрах от пучка мощных кокосовых пальм, столкновение с которыми грозило несомненной гибелью.

Преотвратительнейший толстяк в расписных гавайских плавках, сидящий в шезлонге под одной из этих пальм, посмотрел на часы «Роллекс» (благородное швейцарское изделие охватывало волосатое бандитское запястье), глотнул из горлышка черной окинавской водки и промычал удовлетворенно:

— Чистая работа. Минута в минуту.

Те из читателей, кто предварительно прочел книгу «Мой дедушка — памятник», без труда узнали бы в отталкивающем толстяке подонка Латтифудо. Каким обра-

зом мерзавцу удалось избежать справедливого народного гнева? На такие вопросы субъекты вроде Латтифудо отвечают только скверной улыбкой.

Вместе с Латтифудо под сенью пальм в шезлонгах сидело еще несколько «джентльменов», и, кроме плавок, на этих джентльменах тоже ничего не было. Вообще все это общество напоминало невинную пляжную компанию карточных шулеров, о чем говорили и колоды карт, разбросанные на бетоне, и разнородные бутылки, опорожненные полностью и частично; но лежащий рядом с каждым шезлонгом автоматик «стенли» наводил и на другие печальные размышления.

Между тем самолет заглушил двигатели, открылся люк, и оттуда прямо на бетон, словно неодушевленный предмет, был выброшен мультимиллионер Сиракузерс. Он шмякнулся, распростерся и так и остался лежать на раскаленном бетоне, кряхтя, стелая и бормоча себе под нос:

— Больше никогда, никогда, никогда не буду заказывать себе финскую баню!..

Вслед за этим из самолета вытолкнули членов экипажа, включая двух стюардесс, при виде которых компания под пальмами бурно захохотала.

— Наконец-то заживем, как люди!

Затем открылся люк багажного отделения и из самолета было выгружено барахлишко Сиракузерса — семь огромных кофров из крокодильей кожи с углами и застежками из цветных металлов.

Вслед за этим на бетон выпрыгнули «хай-джекеры», все четверо, включая старушку в шляпе с розовыми цветочками. Последняя сразу сбросила свою старушечью шляпу и рассыпала по плечам рыжую густую гриву. Затем она очень ловко выскочила из старушечьего костюма и оказалась в пляжном костюме «бикини», который не только не скрывал, но лишь подчеркивал ее выдающиеся формы. И, наконец, бывшая старушка одним движением сорвала с лица морщинистый грим и полностью превратилась в эстрадную «диву» с огромным красным ртом и огромными, как бы стеклянными, кукольными глазами.

— Ура! Ура нашей Бубе! Буба Флауэр — принцесса авантюристов! — заплодировала компания под пальмами.

Они называли себя авантюристами, эти грязные шакалы, забывая о том, что с авантюристами прошлого их роднит только умение владеть оружием. Конечно, ска-

жет вдумчивый читатель, среди авантюристов прошлого тоже были разные люди, в том числе и грязные шакалы, но все-таки образ авантюриста прошлого связан для нас с мечтой о чем-то неизведанном, с порывом в какой-то простор и даже с некоторым благородством манер и поступков.

У этих же грязных шакалов была одна лишь мечта и один лишь порыв — к деньгам, и для них, конечно, вульгарная Буба Флауэр была идеалом и принцессой.

«Принцесса» приблизилась к распространителю Сиракузерсу, взяла его за шиворот и легко потащила по бетону к пальмам.

— Привет, мальчики! — сказала она. — Меняю мультимиллионера на стакан неразбавленного виски.

— Нехорошо, Бубочка, — пожурил ее Латтифудо, — так тащить уважаемого человека, кумира слаборазвитых стран. Кресло сеньору Сиракузерсу! Виски нашей принцессе! — Он положил руку на колено Сиракузерсу, отчего колено задрожало. — Милый Адольфус Селестина, ты не пленник, ты наш гость дорогой. Чего хочешь?

— Хочу таблетку «ксеркс» от дрожания, — промычал Сиракузерс.

— Дай ему таблетку, Эль-Гриди! — по-

просил Латтифудо через плечо, и один из его подручных ребром ладони огрел Сиракузерса по загривку.

— Массаж никто не заказывал! — рявкнул Сиракузерс, да так грозно, что все мерзавцы без исключения вздрогнули.

Шакалы эти очень боялись миллионеров, даже пленных. Грабили, но боялись. Терзали, но любили. Сами хотели стать денежными мешками.

— Мистер Сиракузерс, вы уж не обижайтесь, — почти унижаясь, сказал Латтифудо, — мы тут малость одичали в джунглях, вас дожидаясь. Вот и Эль-Гриди, добрейший ведь малый, но малость одичал. Говоришь ему: дай таблетку, а он сразу по шее! Сами посудите, откуда у нас здесь таблетки «ксеркс», откуда манеры? Милейший Адольфини, ведь нам от вас очень мало надо. Вы нам только скажите, дружище, в каком из номеров вашего багажа лежит сундучок, и все ваши остальные вещицы будут в сохранности. Ну-с, Селестиночка, в каком?

— В третьем, — ответил Сиракузерс, совершенно не понимая, чего от него хотят на пляже Кобакабана. Честно говоря, он уже забыл, что он в руках «ганга», и полагал себя в Рио-де-Жанейро.

— Bravo! — воскликнули бандиты. — Вот это парень! Ай да Сиракузерс! Понимает, что игра проиграна, и не темнит!

Двое бандитов не выдержали, подбежали к третьему кофру и приложили к его крокодильему боку свои мозолистые уши.

— Стучит! Ей-ей, стучит! — возбужденно завизжали они. — Ребята, там что-то стучит! Ура! Виктория! Победа! Эй, Фулос, тащи отмычку!

— На место! — рявкнул Латтифудо и строго повернулся к Бубе. — А где же Лестер Тиу-Чан? Остался в самолете?

— Лестер Тиу-Чан не прилетел из Парижа, — ответила авантюристка. — Подозреваю, что струсил.

— У нас руки длинные, — зловеще сказал Латтифудо. — Кто в самолете?

— Обычная публика, кроме... одной деле... — начала было Буба, но вдруг все на острове услышали низкий свистящий звук.

Сомнений не было: так свистят при запуске реактивные двигатели. Бандиты вскочили, расхватали оружие и бросились к самолету. Поздно! Люки «ЯКа» были задраены. Самолет медленно разворачивался среди пальм и кустов, которыми поросла бетонная полоса за годы консервации. Автоматные очереди уже не могли ему поме-

шать. Он выбрал удобное место, прицелился, стартовал и буквально через три минуты растаял в густой океанской синеве.

— Ослы! — завизжал Латтифудо. — Вы оставили там кого-то из экипажа?!

— Все они здесь, — прорычала сквозь зубы Буба Флауэр. — Наверное, среди пассажиров был летчик. Там был один, он спал, закрывшись газетой, наверное, летчик. Мне все время хотелось в него выстрелить, но вот не выстрелила, дура. Ничего, далеко не улетят. У них пустые баки.

— На сколько там осталось горючего? — рявкнул Латтифудо и ткнул пистолетом в грудь командира экипажа, привязанного к пальме, так же как и остальные летчики и обе стюардессы.

— К сожалению, всего на тридцать минут, — проговорил командир и закрыл глаза, не в силах уже смотреть на рожи воздушных пиратов.

Он знал, что его прикончат через несколько минут, так зачем же эти несколько минут оскорблять свои глаза зрелищем недостойных людей? Лучше уж вспомнить что-нибудь яркое, прекрасное, а этого яркого, прекрасного было довольно много в жизни летчика-зурбаганца.

— А рация? — взвизгнул Латтифудо. —

Они сейчас на весь мир развонят про наше логово!

— Не волнуйся, Латтифудо, — хихикнула Буба Флауэр. — Рацию я того... — Она показала стволом автомата, что она сделала с рацией.

Они успокоились и принялись потрошить третий номер из багажа короля мясной индустрии.

Там оказались странные вещи: чучело фламинго, макет города Порт-Алегру, три пары протертых от старости боксерских перчаток, картонная коробка с пакетами вермишелевого супа, дурная копия знаменитой на весь мир картины «Над вечным покоем», горностаевая мантия двадцать седьмого по счету герцога Рухтенштейн, чучело опоссума, несколько рулонов пипифакса с видами Юго-Западных Альп, шина грузового автомобиля «даймонд», макет книги с надписью «Любите книгу — источник знаний», полный комплект рыцарских доспехов, три конских хвоста, круглая и закрытая со всех сторон емкость, внутри которой плавали целлулоидный лебедь, три пластмассовые рыбки, цветы и девочка-крошка; были здесь также турецкие туфли, кальян, примус, кремневое ружье, мешочек сухофруктов и макет Остан-



кинской телебашни. Не было здесь только сундучка, в котором что-то стучит.

— Это что такое, папаша? — ласково прошептал Эль-Гриди в ухо Сиракузерсу. — Ты над нами подшучивать решил? Учти, на этом острове нет ничего, но на нем есть очень хороший музей. Музей орудий пытки, папаша!

Мультимиллионера вытащили из шезлонга и стали подтягивать и привязывать к пальме. Это ему неожиданно понравилось, он хихикал, смущенно крутил шеей, жмурился от удовольствия. Потом он вдруг увидел разбросанные вокруг вещи из своего третьего номера и разрыдался.

— Реликты! — восклицал он сквозь слезы. — Реликты памяти! Память — странная вещь, господа! Например, эта шина для вас ничего не значит, а для меня это целая веха — память о первом представлении оперы «Флория Тоска» в театре маэстро Кальяо, где я сидел в генеральской ложе вместе с Лючией фон Адью, которая тогда являлась...

— Где сундучок, в котором что-то стучит? — взревело сразу несколько глоток, и несколько новеньких, похожих на зубо-врачебные инструменты, орудий пытки приблизилось к телу мясного короля.

— Везде! — восторженно, сквозь слезы вдруг ожившей памяти сказал Сиракузерс. — Везде что-то стучит, господа, везде стучит память, о-о-о, помню, помню... опять Чикаго... Уберите, уберите, господа, щекотка щекотке рознь, есть же пределы! Память, господа... золотые двадцатые годы... старый дружище Аль-Капонэ... дубль-хуч... пуленепробиваемые автомобили... чарльстон...

Гангстеры поняли, что от него толку не добьешься, и ринулись на кофры, взялись потрошить их ножами, ножницами, бритвами, когтями, зубами... Все более и более удивительные вещи вываливались на бетон...

Между тем из кофра № 7 сквозь замочную скважину за всем происходящим следили два серых внимательных глаза. Что ж, вас, видно, не проведешь, дорогой читатель: вы, наверное, давно уже догадались, что из № 7 за всем происходящим внимательно следил наш главный герой, неустрашимый Гена Стратофонов. Он давно бы уже предстал перед бандитами, ибо в его голове давно уже созрел блестящий план, но присутствие господина Латтифудо подрезало этот план на корню. А вдруг чудовище разложилось еще не до такой степе

ни, чтобы не вспомнить мальчика, которого в недалеком прошлом на острове Карбункл он приказывал расстрелять? Вдруг он вспомнит?

Гена видел, как улетел «ЯК-40», видел он также привязанных к пальмам членов экипажа и понимал, что самолет подняли в воздух два его любимых ветерана авиации — бабушка и Юрий Игнатьевич. Сейчас ему предстояло решение:

а) можно незаметно выскользнуть из кофра № 7, спрятаться среди «реликтов памяти», а потом улизнуть в джунгли и оттуда уже предпринять партизанские действия;

б) с жутким воем и клекотом выскочить из № 7, схватить автомат, освободить пилотов зурбаганского аэро и атаковать преступников;

в) ... (вариант «в» был невозможен в присутствии Латтифудо).

Внезапно Гена понял, что объекта столь страстных поисков, то есть сундучка, в котором что-то стучит, вообще нет среди багажа Адольфуса Селестины Сиракузерса. Бандиты выпотрошили уже все кофры, за исключением того, в котором прятался сам Гена, а здесь — мальчик готов был поклясться — ничего не стучало, кроме его собственного сердца. В седьмом кофре буй-

вола мясной индустрии таились, вероятно, реликты самой глубокой памяти богача, ибо все вокруг было мягкое, трухлявое и не очень приятно пахнущее. Открытие это, надо сказать, обескуражило и Геннадия: ведь именно ради «сундучка», ради этого исторического достояния эмпирейского народа мальчик и затаился в багаже миллионера.

Итак, вариант «а»... Нет, уже поздно — бандиты с ножами, молотками и пилами приближались к последнему кофру. Итак, значит, единственное, что осталось — это вариант «б»... с жутким воем и клетотом...

Вдруг из пальмовой рощицы, отделяющей заброшенный аэродром от бухты, раздался низкий звук, похожий на сирену катера береговой охраны. Бандиты встрепенулись, Латтифудо, дико ругаясь, бросился разыскивать свои шорты и рубашку. Он страшно волновался, а верный Эль-Гриди прыскал в его волнующийся рот освежающей жидкостью «Одорано».

— Буба, остаешься за главного! — крикнул Латтифудо «принцессе» авантюристов. Он суетливо застегивал пуговицы своего костюма и всякий раз вздрагивал, когда из-за пальмовой рощи доносились новые гудки. — Сюрприз, — бормотал он, — вот так сюрприз, прибыли раньше времени... ой, бе-

да... шкуру снимут... Шкуру сниму! — рывкнул он вдруг на Бубу. — Ищите сундучок! Шкуру снимите с Сиракузерса! Ищите! Он вытащил из кустов мопед с маленькими колесами, прыгнул в седло, заработал ногами и замелькал среди пальм с живостью, которой мог бы позавидовать сам Микки Маус.

— Вот сволочь, — сказала ему вслед Буба Флауэр и грязно выругалась. — Хочет на нас все переложить. Подхалим, шакал, алкоголик, попадешься мне как-нибудь в руки, вгоню тебя в пот!

Гена и опомниться не успел, как разъяренная авантюристка разрядила в кофр № 7 свой автомат! Добрых полсотни пуль прошили кожаный контейнер в двух-трех сантиметрах над головой нашего героя. Мальчик усмехнулся. Вступал в действие вариант «в».

Подобно герою классической сказки, Геннадий Стратофонов поднял головой крышку своего убежища и выпрямился во весь рост. Изумление бандитов было настолько велико, что Гена даже пожалел, что не применил сразу вариант «б»: почти все мерзавцы забыли от изумления о своем оружии. Гена же спокойно выпрыгнул из кофра, подошел к Бубе Флауэр, щелк-

нул каблуками и склонил голову с четкой галантностью примерного колледж-боя:

— Добрый вечер, мисс!

— Кто вы? — пробормотала эта супердива в таком смятении, что если бы Гена ответил «я сундучок, в котором что-то стучит», она, наверное, поверила бы — таким загадочным, фантастическим показалось ей появление среди старой рухляди здорового, стройного мальчика с веселыми и спокойными глазами.

— Очень красивый костюм, мисс, — сказал мальчик. — Отдаю должное вашему вкусу.

Каково самообладание! На безукоризненном английском языке Геннадий Стратофонов сделал комплимент костюму Бубы Флауэр, а ведь любому нервному человеку этот костюм показался бы почти полным отсутствием костюма.

— Вы находите? — кокетливо спросила Буба.

Комплимент всегда бодрит женщину. Взбодрилась и авантюристка и, взбодрившись, достала из своего антикостюма маленький пружинный нож, из которого после еле слышного щелчка выскочило узенькое лезвие. После этого она совсем уже взбодрилась.

— Кто вы такой, хорошенький мальчик-сундучок? — ласково спросила она.

Узенькое жало спринг-найфа описало малую окружность вокруг носа нашего пионера. Бандиты, также взбодрившись, окружили Геннадия.

— А вы спросите у сеньора Сиракузерса, — спокойно и весело ответил мальчик.

— Эй! — крикнула Буба через плечо. — Эй ты, мешок с паштетом, кто этот чудобой?

— Ах, вам не понять этого, господа, — всхлипнул погруженный в свои воспоминания Сиракузерс. — Кто из вас помнит удар по бирже крупного рогатого скота в Буффало-спрингс ранней весной тридцать девятого года? Для вас это история, а для меня — запах сирени, легкий ветерок...

— Я секретарь-машинистка сеньора Сиракузерса, — сказал Гена. — Он диктует, я пишу.

Бандиты захохотали.

— Толково! Каков старичок! Секретаря в багаже возит!

— Экономия на билетах, — пояснил Гена. Сиракузерс расплакался.

— Чем богаче человек, тем жаднее, — сказал с пониманием матерый Эль-Гриди. — Ух, подлюга эксплуататор!

Буба Флауэр, подскочив, огрела Сиракузерса тяжелой ладонью по левой щеке, да с такой силой, что у миллионера широко открылся правый глаз и посмотрел на все происходящее с неожиданной ясностью.

— Этот мальчишка действительно ваш секретарь? — прошипела авантюристка в этот глаз.

— Увы, — сказал Сиракузерс. — Вы не ошиблись, баронесса, этот юноша — мой секретарь еще со времен Двенадцатых Олимпийских игр.

— Тогда, — Буба Флауэр повернулась к Гене, — господин секретарь, извольте достать из того чемодана, где вы прятались от авиакомпаний, тот предмет, который мы ищем.

— А, этот сундучок, в котором что-то стучит? — с деланным равнодушием спросил Геннадий.

— Этот, этот! — радостно взревели преступники.

— Это тот самый сундучишко, который ваш представитель купил, вернее, украл у какого-то старого чудака в каком-то северном городе, вроде бы в Ленинграде, для моего хозяина и в котором что-то постукивает? — невинно спросил Гена.

— Да! Да! — завопили бандиты. Их начала бить сильная нервная дрожь.

— Он там, на самом дне, под бельем школьного периода, — небрежно сказал Гена. — Лезьте сами, ребята!

Сказав это, он молниеносным приемом самбо швырнул на бетон авантюристку Бубу Флауэр и завладел ее оружием — пружинным ножом.

Все было рассчитано точно. Бандиты, охваченные ажиотажем, даже не заметили нападения на свою атаманшу.

Они все скопом бросились к № 7 и ринулись внутрь, выбрасывая какие-то истлевшие боа, шляпы, шлепанцы и тому подобное. Геннадий же со спринг-найфом бросился в другую сторону. В мгновение ока он перерезал путы и освободил экипаж «ЯК-40» компании «Грин» — трех пилотов и двух стюардесс.

— Хватайте оружие, ребята! — крикнул он им. — Без команды не стрелять!

Буба Флауэр немедленно подняла руки вверх, как только увидела направленные на нее автоматы, и кокетливо улыбнулась: я, дескать, здесь просто купальщица, просто прелестная незнакомка, обычная звезда экрана, не более того...

Из № 7 полетело наконец белье школь-

ного периода и послышался жуткий вой десятка глоток:

— Ничего! Там нет ничего! Убьем, гаденыш!

Бандиты обернулись, и тут же подняли руки вверх. Экипаж зурбаганского аэро оказался людьми неробкого десятка. Даже хрупкие стюардессы сжимали в своих руках оружие, как настоящие солдаты.

Быть может, не все наши уважаемые читатели знают одну непреложную истину: бандиты трусливы. Теперь пусть знают все: бандиты храбры лишь при нападении на безоружных и не ожидающих нападения людей. При малейшем сопротивлении бандиты, всякая там шпана, начинают немного трусить, а при сильном сопротивлении бандиты готовы и драпануть. Вот и сейчас еще недавно грозные «хай-джекеры» дрожали от страха, глядя на свои недавние жертвы. Меряя всех своей меркой, они ждали мести.

— А ну! — сказал Геннадий на своем безукоризненном английском. — Все полезайте в чемоданы!

Бандиты дважды себя упрашивать не заставили и мигом разместились в сиракузерских чемоданах, где поодиночке, а где и по двое.

— Давайте быстренько познакомимся, — предложил Гена своим соратникам и, как воспитанный мальчик, в первую очередь поклонился стюардессам. — Меня зовут Гена Стратофонтов.

— Ой, неужели это вы?! — вскричали девушки. — Мы вас знаем, мы читали! Мы даже не мечтали познакомиться! Какое счастье! Однако простите! — вскричали они.

— Меня зовут Гала!

— А меня Акси!

— Гала и Акси! Очень приятно!

— Фил! — представился один пилот.

— Зит! — представился второй.

— Эсп! — отрекомендовался третий.

Быстро познакомившись, эти смелые люди закрыли все кофры Сиракузерса, защелкнули все застёжки, затянули все ремни, а кое-где всунули задвижки из пальмовых ветвей.

— Bravo! — захохотал вдруг все еще не отвязанный Сиракузерс. — Кто это все устроил? Опять «Интернейшнл миллионер сервис»? Молодцы! Все было как в жизни, даже больно. Я был абсолютно убежден, что я в руках «ганга», до этого комического номера с чемоданами. Bravo, господа! Финал великолепный! Все счета будут оплачены по предъявлению.

Увы, сеньор Сиракузерс, до финала было еще далеко. За пальмовой рощей слышались громкие голоса, резкий смех, шаги большой группы людей.

Гена сделал знак своему отряду и побежал к цветущему кустарнику, окаймлявшему летное поле. Фил, Зит, Эсп, Гала и Акси бросились за ним. Не успел маленький отряд укрыться в кустах, как большой отряд вышел из пальмовой рощи на бетон. Теперь наступила очередь Гены открыть рот от изумления. Впереди отряда шла... она... женщина-чудовище мадам Накамура-Бранчковска, которая в конце предыдущей книги рухнула на своем самолете в воды Эмпирейского пролива и лопнула, как один из пузырей земли, о которых писал еще Великий Потрясающий Копьем.





## ГЛАВА VIII,

*в которой приносится жертва  
океанскому богу Де-Винду*

— Отличная машина! Ах, какая великолепная машина, — приговаривал Юрий Игнатьевич, сидя за рулем «ЯКа-40».

Старый авиатор явно наслаждался.

Мария Спиридоновна между тем тревожно смотрела на приборы и озираала по-прежнему синий и по-прежнему безжизненный простор.

— Юрий Игнатьевич, — проговорила она, — практически можно сказать, что у

нас кончилось топливо. Мы летим на нуле.

— Да? Жаль? — легкомысленно реагировал на это сообщение Четверкин. Он улыбнулся. — А все-таки, дружище товарищ, я счастлив, что мне довелось сесть за руль реактивного аппарата!

— Юрий Игнатьевич, через пять минут мы начнем падать, — сказала бабушка Стратофонтова.

— Зачем нам падать? Попробуем планировать. Мне кажется, что я смогу планировать на этой машине.

— Юрий Игнатьевич, ведь это вам не «фарман»!

Старик вдруг выключил двигатель. Мгновенная тишина. Крик ужаса в салоне. Самолет клюнул носом вниз, левое крыло задралось... И вдруг — как будто лошадь взяли в вожжи — нос приподнялся, крыло выровнялось, самолет плавно заскользил вниз, как лыжник по пологому склону.

Мария Спиридоновна посмотрела на пилота. Четверкин сидел, подавшись вперед, руки со вздувшимися жилами крепко держали руль, лицо обострилось, даже морщины как будто сгладились, он даже стариком в этот момент не выглядел, а был совсем молодым. Вот тут штурман бомбар-

дировочной авиации М. С. Стратофонтова поняла, что пилота такого класса даже она никогда не встречала. Это был даже и не «класс», это было то, что в старину называли «божьей милостью».

Четверкин включил двигатели. Они заработали ровно, хотя и питались самыми последними каплями бензина.

— Видите? — не без мальчишеского бахвальства спросил авиатор.

— Что ж, — сказала бабушка Стратофонтова, — на комплименты нет времени. Старайтесь протянуть подальше. Вам не кажется, что на горизонте что-то темнеет?

— Нет, не кажется, — сказал Четверкин. — Увы, не кажется, а у меня зрение стопроцентное, дружище товарищ.

— Что же получается? Будем садиться в море? — спросила стоявшая в рубке мама Элла.

— Есть другие предложения? — поинтересовался Четверкин.

— Других предложений нет, — сказал папа Эдуард. — Здесь, в воздухе, гораздо меньше вариантов, чем в горах. Надо раздать пассажирам спасательные жилеты.

— Правильное предложение, — одобрил Помпезов Грант Аветисович.

В самолетах, совершающих рейсы над

океанами, в программу сервиса обязательно входит спасательный жилет для каждого пассажира. Они хранятся в маленьких контейнерах под креслами. Перед падением в океан всем рекомендуется надеть спасательный жилет оранжевого цвета. Оказавшись в воде, вы дергаете определенный шнурок, и сжатый воздух мгновенно заполняет ваш спасательный жилет и поддерживает вас на поверхности довольно продолжительное время. Это явление избавляет вас от чувства заброшенности, затерянности в необозримых водах океана. Пока жилет действует, вам все еще кажется, что авиакомпания обслуживает и опекает вас. Жилет может даже предоставить вам одноразовое питание в виде питательного тюбика в специальном кармашке. Впрочем, если вы опытный человек, вы растянете тюбик на три раза и таким образом выиграете время. Конструкторы жилета подумали и об акулах. Акул очень много в южных морях. Неистребимое любопытство — главное свойство этих тварей. При попадании в их среду постороннего тела (в данном случае это вы) акулы во множестве собираются вокруг вас и плавают рядом, сгорая от любопытства, но внешне как бы безучастные. Вы, бедняга, волну-

етесь, видя плавники акул, хотя, возможно, акулы и не собираются вас жрать, а лишь удовлетворяют свое любопытство. Однако, волнуясь, дружище бедняга, не забывайте о «противоакулине», которым снабжен ваш спасательный жилет. Вы дергаете определенный шнурок, и в воды океана впрыскивается темная жидкость, которая почему-то очень неприятна акулам. Неизвестно, что происходит с акулой, когда она сталкивается с «противоакулином», — то ли она чихает, то ли у нее что-то чешется, но только она уплывает, оскорбленная в лучших чувствах.

Пока не рассеется «противоакулин» — по крайней мере часов пять-шесть, — вы можете чувствовать себя в полной безопасности, дружище бедняга. Постарайтесь извлечь максимум удовольствия из этих часов, качайтесь себе на волнах и вспоминайте яркие моменты своей жизни.

Так, или примерно так, утешала Даша Вертопрахова пассажиров, когда помогала им застегнуть на спине зипперы спасательных жилетов. Между тем сестра ее, знаменитая грация европейских помостов, утешала пассажиров своими упражнениями с лентой. Легкими скачками она проносилась по проходу между кресел; а однажды

в результате маневров Юрия Игнатьевича в самолете на миг возникло состояние невесомости, и грация из «Трудовых резервов» буквально проплыла над пассажирами, утешая их ангельским голосом:

— Не волнуйтесь, товарищи леди и джентльмены! Нет никакого сомнения, что пресса уже поставлена на ноги! Нас ищут!

Валентин же Брюквин неожиданно для всех взял на себя обязанности стюарда и утешал пассажиров ломтиками дивной ветчины, кучками зернистой икры, корешками нежной спаржи и минеральной водой из запасов компании «Грин».

— Ю хэв ту ит сам дилишэс мил бифо бас (кончик языка между передними зубами!) бат... бате... инг!

Что можно перевести примерно следующим образом:

«Давайте малость подзаправимся перед купанием!»

Как видим, все наши герои проявляли удивительное самообладание перед лицом тяжелейших испытаний.

Между тем «ЯК-40», планируя, приближался к водной поверхности. На счастье, водная поверхность была подернута пленкой штиля. Волнение в 2-3 балла, то есть привычное состояние океана, уже сделало

бы невозможным посадку реактивного лайнера, хоть и маленького, в океан. Удар даже небольшой волны под крыло перевернул бы этот аппарат, отнюдь не приспособленный для морских путешествий.

На счастье, был совершенно необычный для этих широт штиль, и Юрий Игнатьевич мягко, почти без брызг, посадил машину на грудь великого океана. Теперь они чуть-чуть покачивались. Это все было к счастью, а вот к несчастью, вокруг не было ничего: ни дымка, ни паруса, никакого намека на близость земли.

Из пилотской кабины вышел папа Эдуард, стройный, спокойный, почти веселый.

— Дамы и господа, друзья, товарищи! — обратился он к пассажирам, учитывая их разнородный состав и принадлежность к капиталистическим, социалистическим и развивающимся странам. — Нам придется покинуть самолет. Сейчас мы держимся на поверхности, благодаря герметичности нашей машины и благодаря штилю. Однако при малейшем изменении погодных условий мы перевернемся. Вот такие дела, ребята. Главное, без паники. Мы находимся на пересечении главных грузовых трасс. Не пройдет и часа, как мы будем подобраны каким-либо коммерческим судном.

— Без сомнения, — добавил Грант Авестисович.

Ради сохранения спокойствия на борту, папа Эдуард, конечно, немного покривил душой. Они находились не на пересечении трасс, а, наоборот, в некотором, а точнее, в недостижимом удалении от этих самых трасс, в безнадежно глухом углу океана.

Сестры Вертопраховы и Валентин Брюквин для поддержания духа среди пассажиров запели песенку «Антошка, Антошка, пойдем копать картошку».

Неожиданно их поддержали. Английский пастор запел веселую песенку Армстронга «Когда святые идут в рай». Чех завел песню из фильма «Старики на уборке хмеля». Индус что-то из репертуара Раджа Капура... Все нации доказали способность к испытаниям.

Открыли люк. Ласковый океан колыбался в полуметре от люка, а однажды даже лизнул подошвы папы Эдуарда и обдал его теплыми солеными брызгами.

— Друзья, а почему бы нам не соорудить импровизированный плот?! — вскричал Юрий Игнатьевич Четверкин, который вообще чувствовал себя на вершине блаженства в связи с таким замечательным приключением и единственное, о чем жа-

лел, — об отсутствии своего юного дружища Гены. — В самолете есть множество предметов для сооружения импровизированного плота! Эх, жаль, дружищи, товарищи по несчастью, жаль, что отсутствует наш милый Гена с его острым умом!

Вдруг... Какое, правда, чудное взрывное слово «вдруг», и как бы без него обошлись мы, писатели приключенческих писаний! Вдруг в необозримом океане, в слепящем медном сиянии закатного уже солнца, появилась черная отчетливая точка.

«Уж не Генаша ли? — подумали бабушка, мама и папа. — Момент подходящий для его появления».

Все пассажиры заметили точку и теперь следили за ней с надеждой и тревогой. Точка быстро росла, она по огненно-медной дороге неслась к ним, прямо к ним, да, она направлялась прямо к севшему в океан самолету.

Вскоре уже можно было разглядеть стремительные контуры полинезийского каноэ с противовесом по правому борту и тонкую фигурку с веслом, стоящую на корме.

Прошло еще несколько минут, и каноэ приблизилось к самолету. Бесстрашный мореплаватель оказался высоким сухощавым

человеком с гривой седых волос и молодецки подкрученными усами. Одет он был довольно странно для путешествия на каноэ через океан. Туалет его составляли, наряду с яркими плавками, солидная сорочка, какую обычно надевают под пиджак, и строгий английский галстук с диагоналями. Под седыми волосами и коричневым лбом на плоском полинезийском носу сидели профессорские очки.

Итак, верхняя половина незнакомца выглядела чрезвычайно респектабельно, интеллектуально; нижняя же половина с ее босыми ногами и острыми, в ссадинах и кровоподтеках, коленками выглядела чрезвычайно нереспектабельно: обычная нижняя половина обычного тела обычного полинезийского рыбака.

— Бон суар, медам и мсье, — сказал незнакомец на понятном французском. — Я видел, как вы садились в океан. Разрешите засвидетельствовать уважение вашему экипажу. Не могу скрыть своей радости, видя вас всех в добром здравии. Добро пожаловать, господа!

— Кто вы? — вскричали все присутствующие на борту «ЯКа-40».

— Простите, что сразу не представился, — чуть поклонился незнакомец и тут

же перестал быть «незнакомцем». — Я вождь племени Фуруруа с атолла Чуруруа. Мое личное имя Фуруруа Чуруруа. К вашим услугам.

Молниеносная догадка мелькнула в головах всех присутствующих ленинградцев.

— Да вы, должно быть, знаете Цитронского Льва Степановича с улицы Рубинштейна! — воскликнула на родном языке Наташа Вертопрахова.

— Боже ж ты мой! — вскричал по-русски Фуруруа Чуруруа. — Лев Степанович уже много лет мой лучший заочный друг! Позвольте, позвольте... Прошу не удивляться, если я упаду сейчас в обморок. Уже не имею ли я дело с соседями Льва Степановича, господами Стратофонтовыми?

— Не падайте в обморок, мсье Фуруруа Чуруруа, это мы! — сказал папа Эдуард, спрыгнул из самолета в каноэ и поддержал интеллигентного вождя, который все-таки немножко упал в обморок.

Все ликовали: значит, рядом где-то лежит атолл, значит, они спасены! Оказалось, ликование преждевременно: до атолла было не менее 250 километров.

Оказалось, что Фуруруа Чуруруа совершает путешествие со своего атолла, где жило его племя (или, если угодно, семья) в

количестве 87 человек, на другой атолл, у которого даже и имени не было и который значился в лоциях под обозначением ГФ-39 и где жило племя в количестве одного человека. Оказалось, что вождь покрыл уже около двух третей пути, но и до атолла ГФ-39, по его соображениям, было отсюда не менее 120 километров. Увы, рации в каноэ не было. Рация слишком тяжела для утлого суденышка. Что ж, господа, не будем тогда терять времени зря и постараемся добраться до атолла ГФ-39 своими средствами. Во всяком случае, благородный вождь гарантировал беднякам, что будет с ними до конца и в случае необходимости погибнет вместе.

В среде гигантских чаек-альбатросов не принято удивляться ничему, поэтому они не удивлялись или делали вид, что не удивляются, пролетая над странным караваном, медленно плывущим по горящему в закатных лучах океану.

Впереди двигался каноэ с двумя гребцами: Фуруруа Чуруруа и папой Эдуардом. За ним на буксире тащился невероятный импровизированный плот, сооруженный из самолетных кресел, ящиков из-под кока-колы и опустошенных чемоданов. На пло-

ту сидели женщины и дети. Сильные пловцы-мужчины во главе, конечно, с Валентином Брюквинным помогали гребцам буксировать это странное сооружение.

Фуруруа Чуруруа уколошил веслом солидную рыбу и принес ее в жертву богу погоды Де-Винду, и тот, в лице одного из равнодушных альбатросов, тут же эту рыбу пожрал.

Фуруруа Чуруруа повеселел: если Де-Винду будет снисходительным, предприятие имеет несколько шансов на успех.

— Посмотри-ка, Наташка, — сказала, высовывая из воды руку, Даша Вертопрахова и показала в небо. — Посмотри-ка, там высоко в небе летит какая-то другая чайка, не альбатрос.

— Уж не наш ли это друг Виссарион? — засмеялась Наташа. — В самом деле, птица напоминает его стиль полета.

Чайка летела очень высоко и, хотя принадлежала к породе обычных, то есть любопытных чаек, не заметила каравана. Она спешила, у нее было срочное дело.

Каким же предстал оживший монстр изумленным глазам нашего мальчика? Ну, слегка пожелтевшим, ну, слегка постаревшим, но все еще весьма ярким. Разумеется,

никаких фальшиво-ангельских черт в ее облике уже не осталось, теперь в глаза бил обнаженный демонизм самого дурного пошиба. Мадам была затянута в ее излюбленную черную кожу, пощелкивала своим излюбленным стеклом и, конечно, как всегда, казалась сама себе невероятной аристократкой, но что-то было в ее облике такое, что сразу же выдавало пошлость — то ли туфли на слишком толстой платформе, то ли кожа слишком тугая, то ли парфюмерия чуть-чуть резковата, то ли походка, то ли мимика, а может быть, все это вместе и что-то еще. Таким предстал оживший монстр глазам нашего мальчика<sup>1</sup>.

Что же предстало глазам ожившего монстра на заросшем аэродроме? Накамура-Бранчковска увидела семь огромных кофров, возвышающихся над невероятным скопищем всякого барахла, и массивного Сиракузерса, привязанного к пальме. Больше здесь не было ни души. Лучи закатного солнца яркими полосами расчертили

---

<sup>1</sup> Что касается тайны спасения мадам Накамура-Бранчковской после падения на истребителе в воды Эмпирейского пролива, то мы даже не собираемся утомлять читателей объяснениями. Чего-чего, но уж вылезти сухой из воды для подобной дамочки не проблема.

бетонное покрытие аэродрома. Маленький костер горел в лужице под пальмой Сиракузерса. Тропическая мошкара плясала в лучах между пальмами.

— Что все это значит? — медленно, зловеще проговорила мадам и повернула свой надменный подбородок к уже дрожащему в ожидании стека Латтифудо. — Где сундучок, в котором что-то стучит? Где все мои люди? Где самолет? Я пристрелю тебя на месте, слабоумный Латтифудо!

Мадам была окружена по крайней мере двадцатью отборнейшими мерзавцами, среди которых Гена увидел немало своих прошлогодних знакомых: здесь были и полковник Мизераблес, и сержант Пабст, и Буллит, и Грумло... Да, видно, стены эмпирейской тюрьмы оказались недостаточно крепкими для этого сброда.

Какой странной властью обладала мадам Н-Б над этими подонками рода человеческого! По одному ее слову они готовы были броситься и растерзать любого. Сейчас они были готовы броситься и растерзать алкоголика Латтифудо.

— Любимая, прелестная, величественная! — воскликнул Латтифудо, падая на колени и простирая руки (ну просто персонаж античной трагедии!). — Самолетик,

увы, улетел по вине нашей Бубочки, Бубочки Флауэр... увы... Наши людишки здесь, здесь, куда же им деться? Может быть, просто погулять пошли? А сундучок, он оставался в седьмом номере. Там!

Буллит и Грумло подскочили к седьмому номеру, сбили с него замки и извлекли на свет Божий еле живую от страха супердиву Бубу Флауэр. К коленопреклоненному мужчине прибавилась коленопреклоненная дама.

— Любимая, прелестная, величественная! — трагически возопила она. — Мы попали в ловушку! Сундучка нет нигде! Ловкий несовершеннолетний авантюрист посадил нас всех в чемоданы и скрылся!

Оживший монстр в женском облике испустил нечеловеческий вопль. Забыв о коленопреклоненных, мадам совершила прыжок в сторону, прыжок, достойный молуккской пантеры, и вплотную приблизилась к хохотавшему что есть мочи Сиракузерсу. Мадам рванула одежду на огромном каменном животе миллионера и на секунду погрузила свой острый палец в джунгли волосяного покрова. Этого оказалось достаточно, чтобы Сиракузерс наконец понял, что все происходящее вокруг вовсе не трюк «Интер-миллионер-сервис», фирмы, которая обслуживает

богатейших людей, кровососов планеты, и поставляет им все, начиная с говорящих попугаев и кончая острыми ощущениями. Одного прикосновения этого пальчика оказалось достаточно для того, чтобы Сиракузерс понял: все это не спектакль, а жестокая реальность. Глаза его вылезли из орбит, а рот открылся в немом крике. Честно говоря, даже автору становится не по себе, когда он думает о мучениях, которым подвергла мультимиллионера женщина-чудовище. Мы отнюдь не симпатизируем эксплуататорам огромных человеческих масс, напротив, мы осуждаем и презираем этих мистеров и сеньоров, но, конечно же, мы вовсе не ликуем, когда на их долю выпадают физические мучения. Вот как приходится порой, думаем мы, расплачиваться воротилам бизнеса за их дружбу с черными силами мировой мафии. Научат ли их когда-нибудь чему-нибудь подобные случаи? Откажутся ли они от вечной погони за золотым тельцом? Мы сомневаемся.

Итак, до Сиракузерса дошло.

— Ой! — закричал он. — Пощадите! Я его где-то забыл! Я где-то потерял сундучок, в котором что-то стучит! Господа бандиты! Из Ленинграда я прибыл в Дакар через Монреаль, из Дакара улетел в Калькутту, оттуда в

Токио, потом уик-энд на Бермудах, оттуда в Тринидад, потом Зурбаган, и вот я здесь, господа бандиты. Я где-то посеял вашу добычу, но где, не помню — то ли в Монреале, то ли в Дакаре, то ли в Калькутте, то ли в Токио, то ли на Бер...

— Кляп ему в глотку! — распорядилась мадам, и ее приказ был тут же выполнен.

Бандиты в ужасе взирали на свою атаманшу. На нее и впрямь страшно было смотреть: ярость сделала ее каким-то невероятным исчадием ада. Она крутилась волчком и бормотала что-то невнятное и рассыпала во все стороны пули из зажатого в кулаке маленького, но ужасного пистолета. Наконец выстрелы немного успокоили ее, и она обрела дар речи; и Гена в кустах услышал нечто, о чем он почти уже догадывался еще дома, в Ленинграде, но всякий раз отбрасывал свои догадки, вспоминая Эмпирейский пролив и нырнувший в волны злодейский истребитель.

— Проклятая скотина! Маразматик! Сколько извилин шевелится в твоем мозгу? Ты хуже самого старого вола из твоих бесчисленных стад! Тебе давно пора на свалку! — кричала, теперь уже без всякого «демонизма», а совсем как рыночная тор-

говка, мадам и совала свой пистолетик в огромную перезрелую клубнику, то есть в нос господина Сиракузерса. — Из-за твоего скудоумия, из-за твоего склероза рухнул весь гениальный замысел, созревший в этой хорошенькой головке! — Она постучала себя рукояткой пистолета по лбу. — Изящная аристократка, вместо того чтобы наслаждаться искусством, цветами, любовью, взвалила на свои хрупкие плечи всю тяжесть операции «Сундучок». Она рядилась в несвойственные ей личины агента «И-М-С», старика антиквара, дворничихи в этом огромном опасном Ленинграде! Каким опасностям подвергалось нежное существо, отпрыск древней французской фамилии! Весь гениальный план: высадка на ГФ-39, обман мультимиллионера, захват зурбаганского лайнера — все рухнуло из-за склероза старого вола, не помогли даже витамины «Гигант»! Сподвижники, товарищи мои, борцы за великую океанскую идею, мы также далеки от кассиопейских сокровищ, как в самом начале нашего пути! Плачьте, сподвижники! — рявкнула она и, только убедившись, что все плачут, снова запричитала: — Что нам остается теперь, милые мученики идеи? Жалкие мультимиллионы этого ничтожества?

— Да, жалкие мультимиллионы, — радостно зарыдали «борцы-сподвижники».

— Все мои жалкие мультимиллионы — ваши, — торопливо сказал Сиракузерс. — Только умоляю, мадам, больше не надо... пальцем!

— Мало! — рявкнула Н-Б и снова застонала, словно Дездемона. — Ваша любимая, прелестная, величественная прошла сквозь такие тернии! Ей пришлось надеть на себя маску идиота-туриста! Ей пришлось, для того чтобы завладеть кассиопейской «флейточкой», обезобразить свое милое личико седыми усами, а свою прелестную фигуру скрыть под черной дурацкой крылаткой! Ей пришлось укокошить какое-то несовершеннолетнее существо... — Вдруг она запнулась и медленно повернулась к коленопреклоненной Бубе Флауэр: — Встань! Ты говорила что-то о несовершеннолетнем?

— Любимая, прелестная, величественная! — воскликнула Буба с театральным жестом, видимо, таков был стиль обращения бандитов к их атаманше. — В самом начале операции начались некоторые недоразумения. Во-первых, не прилетел из Парижа Лестер Тиу-Чан, и нам пришлось начинать без него...

Внезапно в идиллический шум прибора

и рокот палым под крепким теплым ветром вплелся какой-то посторонний звук. Все повернули головы и увидели, что из-за вершины островной горы вылетел и стал быстро приближаться к ним военный вертолет «хьюи», явно купленный по дешевке на сайгонской толкучке, после того как огромная американская экспедиционная армия убралась восвояси.

Бандиты взяли оружие наизготовку и плотным кольцом окружили вертолет, который сел на бетон, взвихрив своими винтами некоторые легковесные «реликты памяти».

— Лестер Тиу-Чан! — вскричала Буба Флауэр, когда из вертолета выскочил тот самый плейбой — блондин, что так позорно ступал перед Геннадием в парижском аэропорту Орли. — Величественная, разрешите мне пристрелить этого труса?

— Любимая, прелестная! — вскричал Лестер Тиу-Чан и шмякнулся ничком на бетон в ноги мадам Н-Б. — Величественная! Твой верный сподвижник у твоих ног! Признаюсь, я не смог прилететь вовремя в Зурбаган из-за своей слабости. Мадам, вы знаете меня по Гонконгу, по Макао, по Борнео, по Эмпиреям и ГФ-39, вы знаете, что Лестер Тиу-Чан нигде не

праздновал труса. Мадам, в Орли я был потрясен, я едва не отвалил копыта, мадам! Мадам, я увидел среди пассажиров, летящих в Зурбаган, нашего страшного врага, того бесенка, с которым когда-то вместе тренировался под командой Дика Буги — хорошего огоньку под его сковородку! — с которым мы высадились на Эмпиреях и который нас всех тогда погубил, — я увидел, мадам, Джина Стрейтфонда собственной персоной!

— Это он! — завопила Буба Флауэр. — Он освободил пилотов, засадил нас в чемоданы и скрылся! Он не мог далеко уйти!

Все бандиты повернулись к Накамура-Бранчковской в ожидании приказа. Женщина-чудовище кусала пунцовые губы.

— Злой гений моей судьбы, — медленно проговорила она. — Джин Стрейтфонд, отнявший у меня Корону Больших Эмпиреев! Там, в Ленинграде, какой-то мальчишка, похожий на него, путался у меня под ногами. Уж не он ли? Интуиция подсказывает мне, что он охотится за нашим сундучком. — Она повернулась к Сиракузеру и подняла свой страшный палец. — Куда побежал мальчишка?

— Вон в те кустики, — всхлипнул Сиракузерс. Трусливый богач даже не поду-

мал в этот момент, что, предавая смельчаков, он лишает себя последнего шанса на спасение.

— Буллит, Пабст, Грумло, Латтифудо, Тиу-Чан — в вертолет! — скомандовала мадам Н-Б. — Мы настигнем их с воздуха. Живыми они отсюда не уйдут!

Она не подозревала, что «злой гений ее судьбы» вместе с экипажем зурбаганского лайнера лежит в двадцати метрах от вертолета и держит оружие наизготовку.

— Бейте в бензобак, ребята, — тихо скомандовал Гена Филу, Эспу, Зиту, Гале и Акси. — Огонь!

Шесть стальных струй прошили тропические заросли и ударили в борт вертолета. Мгновение спустя взорвался бензобак. Огненное облако поднялось в небо. Клубы дыма повалили от горящей машины и скрыли из глаз мечущиеся фигуры бандитов.

— Отступаем в гору! — скомандовал Гена, и они все шестеро пустились бежать по тропинке вверх, туда, где на фоне красного заката, словно силуэт сказочного замка, вырисовывалась скалистая вершина острова.

Любитель сочных деликатесных рыб оке-

анский бог Де-Винду оказался милостив. Стоял штиль, и странный караван беспрепятственно двигался всю ночь в фосфоресцирующих водах. Пловцы и гребцы-буксировщики сменяли друг друга. Между прочим, когда в коренники вышла бабушка Мария Спиридоновна, скорость каравана резко возросла, что вызвало среди жертв веселое оживление.

Стихия была настолько ласкова и добра к нашим жертвам, что даже и стихией-то не казалась, а казалась какой-то уютной и милой средой обитания. Быть может, потому так вела себя стихия, что наши жертвы даже и не казались ей жертвами, а просто какой-то симпатичной компанией чудаков-весельчаков. Все жертвы, представители разных наций, вели себя преотменно, подбадривали друг друга доброй, порой ядреной шуткой, смехом, брызгами, разговором. Компанийка хиппи подбадривала музыкой: трелями тибетской флейты, звонком лондонских колокольчиков. Помпезов Грант Аветисович подбадривал всех чтением на память философских книг — Гегеля, Фейербаха... Что касается маленьких детишек — китайчонка, татарчонка, мальгашонка, австрийчонка и маори, — то они были просто счастливы.

Знаете ли вы океанскую ночь? Да кто же нынче не знает океанской ночи! Нет, наверное, на земле ни одного человека, который бы хоть раз не видел ее в кино, и вам, многоуважаемый современный читатель, не нужны никакие подробные описания. «Океанская ночь», — говорит автор, и вы сразу же представляете себе светящуюся тяжелую мглу необозримой влаги и над ней черную прозрачность необозримого неба, где полыхают Южный Крест и Лебедь, Орион и Скорпион и где нынче деловито пробираются сквозь звездную толчею искусственные звезды-спутники, военные и штатские.

«Ах, — подумала в эту звездную океанскую ночь Наталья Вертопрахова, отдыхая на плоту и глядя в небо с непонятым волнением, — ах, мне кого-то не хватает в эту ночь: то ли родителей, то ли тренера, то ли этого несносного заносчивого одноклассника, вообразившего, что быть героем приключенческих книг гораздо заманчивее, чем чемпионом по художественной гимнастике. Ах, — подумала она, — все это шутки переходного возраста и, как бы сказал присутствующий, но молчащий Брюквин, «ноу комментс»...»

Так они плыли и старались не думать

о том, что под ними несколько километров водной толщи, населенной неведомыми существами. На рассвете, когда часть жертв частично выбилась из сил и отчасти почувствовала себя и в самом деле жертвами, вожатый каравана Фуруруа Чуруруа испустил торжествующий вопль. Ни европейцы, ни американцы, ни азиаты, ни австралийцы, ни африканцы еще не видели на горизонте никаких признаков земли, но Фуруруа Чуруруа своей чуткой кожей полинезийца уже почувствовал близость атолла ГФ-39.

И впрямь через несколько часов в лучах восходящего солнца предстал взору наших жертв крохотный клочок суши, окаймленный неизменным океанским ожерельем, белоснежной стеной мощного прибоа.

Теперь предстояло собрать последние силы и преодолеть стену мощного прибоа, не растеряв по дороге женщин, хиппи и детей.





## ГЛАВА IX,

*в которой говорится о том, как  
не вредно иметь многолетних друзей*

Маленький отряд во главе с тем, кого так не хватало кое-кому на импровизированном плоту, то есть во главе с Геней Стратофонтовым, отступал по звериным тропам сквозь джунгли неведомого острова в гору, то есть к вершине единственной на этом острове, но довольно крутой горы.

Сначала бандиты шли по пятам. Смельчаки слышали даже их хриплые голоса, не говоря уже о беспорядочных выстрелах

в темноту. Потом выстрелы смолкли и голоса отстали. Бандиты, видимо, решили отложить охоту на завтра: ведь все равно с острова уйти никуда нельзя. Остров был естественной ловушкой.

Прошло еще несколько часов, прежде чем отряд достиг вершины окруженного скалами маленького плоскогорья, похожего на естественную крепостную башню, очень удобного для укрытия и обороны и покрытого к тому же мягким упругим мхом.

— Подождем рассвета, — предложил Гена. — Отсюда мы увидим весь остров и окружающее пространство.

— Подождем рассвета, — согласились Фил, Эсп и Зит, — и увидим все пространство.

— И выставим караул, — предложил Гена.

— И выставим караул, — согласились Гала и Акси и тут же предложили мужчинам подкрепить свои силы какими-то увесистыми плодами, которые будто бы опустились из темноты прямо в руки стюардесс. Стюардесса верна своей профессии в любых условиях.

Плоды были по вкусу похожи на смесь грейпфрута, дыни и швейцарского сыра и

замечательно подкрепляли силы. Они определенно снимали также и нервное напряжение, эти таинственные плоды, и внушали надежду и оптимизм, хотя надеяться беглецам было особенно не на что.

Патрулировать первым выпало Филу, и Геннадий растянулся на мягком пушистом мху. Он хотел было взвесить и оценить все события истекшего дня, но отвлекся от событий и попал во власть какого-то странного ощущения. Над ним распростерло огромные ветви некое могучее дерево. Оно гудело под океанским ветром и кипело пышной листвой с какой-то особенной доброй силой, и сквозь листья этого дерева просвечивало созвездие Кассиопеи. Все это вместе — гул дерева, и кипение его листвы, и мигающие огоньки созвездия — словно бы говорило Геннадию:

«Спи, мой мальчик! Не взвешивай и не оценивай событий. Ты устал, завтра разберемся».

...Когда он открыл глаза, то увидел над собой молодого леопарда. Шерсть красивого зверя золотила заря, поднимающаяся из океана, «розовоперстая Эос», как называли ее когда-то древние греки. Леопард лежал на нижней ветви могучего дерева и дружелюбно смотрел на мальчика. Могу-

чее дерево своими бесчисленными ярусами уходило в небо, и вершины его не было видно.

Гена встал, потянулся, подпрыгнул и покачался немного на нижней ветви могучего дерева. Леопард одобрительно помахал хвостом. Гена увидел на фоне утренней зари красивый силуэт стюардессы Акси. Она сидела на скале, положив на колени автомат, а рядом с ней лежал, свернувшись калачиком, впрочем, скорее не калачиком, а здоровенным калачом, еще один молодой леопард.

«Какие милые животные, — подумал Гена. — И какое удивительное дружелюбие! Наверное, они думают, что мы тоже леопарды, только другой породы».

Он взобрался на одну из скал, окружавших лужайку, подошел к самому краю (внизу была пропасть) и огляделся. С этой огромной высоты он увидел сквозь розовую дымку на юго-западе очертание еще одного острова, а на северо-востоке были отчетливо видны крутые берега третьего. Неожиданно Гену озарила догадка: да ведь это не что иное, как цепочка маленьких Эмпирейских островов, тот самый хвостик той самой грейт-эмпирейской запятой! Мы на архипелаге! Ура! Это меняет дело! Шан-

сы на спасение увеличиваются. Должно быть, мы находимся на острове Флип, или на Фухсе, или на Фео... Да, конечно, это остров Фео: ведь именно он славится самой высокой горой на всем архипелаге. Остров Фео!

Гена спрыгнул со скалы и зашагал по пружинящему мху лужайки. Товарищи его, экипаж зурбаганского «ЯКа», безмятежно спали, раскинувшись под гигантским деревом. Похоже было на то, что и часовой Акси, чей силуэт так красиво выделялся на фоне зари, тоже безмятежно спала, красиво выделяясь. Это было бы опасно, если бы Гена не знал нравы своих врагов. Бандиты, окружившие гору, безусловно, тоже дрыхнут после обязательной вечерней пьянки. Похоже, что бодрствуют на всем острове только трое: он сам — Гена, симпатичный леопард на ветке гигантского дерева и само это гордое дерево неизвестной породы, которое, наверно, не спит никогда.

Гена подошел к стволу, не уступающему по объему космической ракете, прислонился к нему и вздрогнул от изумления. Ствол дерева был теплый!

Тепло шло изнутри дерева, словно там внутри по всем капиллярам и крупным сосудам шла горячая кровь.

Читатель, конечно, уже догадался, что сделал наш герой в следующий момент. Конечно, Гена прижался к горячему дереву ухом и, конечно, услышал там внутри взволнованный стук, гулко несущийся сквозь деревянную массу и улетающий как бы в трубу.

— Дерево Пульс! — закричал мальчик так громко, что все проснулись, даже очаровательный часовой, а леопард спрыгнул с ветви и посмотрел на Гену удивленными глазами. — Простите, я хотел сказать: это дерево Сульп! — взволнованно объяснил Гена и задумчиво пробормотал: — Что за странная оговорка...

Прибой близ атолла ГФ-39, естественно, разметал импровизированный плот на кучочки и теперь выбрасывал на пляж с регулярностью автомата то кресло, то ящик, то чемодан, а то и человека. Бессмысленно было бороться с этой пенной стеной, да и незачем было бороться. Прибой не знал разницы между одушевленными и неодушевленными предметами. Он просто закручивал предмет в своих водоворотах, а потом выбрасывал его на уже горячий от солнца пляж.

В конце концов, полуживые, в обрыв-



ках одежды, пассажиры сползлись все вместе под высокой кокосовой пальмой. Они лежали на песке, пытаясь отдышаться и выплюнуть излишки соленой воды, попавшей в их организмы при пересечении полосы прибоя. Однако не прошло и десяти минут, как они отдышались, выплюнули излишки и попытались — ох, человеки, неумные существа! — сориентироваться в пространстве.

Атолл ГФ-39 был крохотным кольцом суши вокруг небольшой мелкой лагуны, где важно и безучастно прогуливались несколько заблудших фламинго. Десятка два-три кокосовых пальм раскачивались в потоках пассата. В северо-западной части атолла был небольшой зеленый холм, с этого холма спустилась человеческая фигура и медленно двинулась по ослепительно белому пляжу к нашим жертвам.

Мсье Фуруруа Чуруруа взгляделся в эту фигуру и сделал сообщение:

— Медам и мсье, к нам приближается население атолла ГФ-39, а именно господин Герман Фогель, к которому я и направлялся на своем стремительном каноэ.

Надо сказать, что вождь перепрыгнул через прибой на своем каноэ без особого труда. Беспомощное кувырканье в пенных

водоворотам остальных мужчин каравана порядком удивило его, но он ничем не показал своего удивления, а тем более насмешки. Вождь был человеком образованным и широким, и он, конечно, понимал, что жители Лондона, Парижа и Ленинграда не встречаются в своей повседневной жизни с такими сильными приборами.

— Дело в том, господа, — продолжал он, — что некоторое время назад Герман Фогель, известный в прошлом радиолюбитель, послал в эфир тревожную радиogramму, адресованную известному и уважаемому в кругах коротковолновиков Геннадию Стратофонову, то есть вашему внуку, мадам Мария Спиридоновна, вашему сыну, мадам Элла и мсье Эдуард, вашему другу, мсье Четверкин, мадемуазель Даша и Наташа и шевалье Брюквин Валентин. Однако сигналы с атолла ГФ-39 были очень слабыми, предполагаю, что сели аккумуляторы, и уважаемый Геннадий был поставлен в тупик.

У каждого из нас, коротковолновиков, господа, есть круг своих друзей по эфиру, и очень часто эти круги соприкасаются. Так, на счастье, заочный друг уважаемого Геннадия, уважаемый Мик Джеггер, почтальон с Фолклендских островов, оказался и

моим заочным другом. Я пустил в ход других своих заочных друзей, включая вашего соседа, уважаемого Цитронского Льва Степановича, принес жертву радиобогу Мегагерцу... ну, не будем уточнять, ну, пару кур, корзину рыбы, ну, кое-что еще... коротко говоря, господа, Мегагерц оказался милостив, и мне удалось почти точно установить, что таинственные размытые сигналы идут от Германа Фогеля, с атолла ГФ-39. Увы, сигналы отсюда больше не повторялись, и мне пришлось выйти в море на каноэ. Впрочем, я рад, что встретился с вами и что мы теперь лежим все вместе на этом хорошем песке и можем все вместе разделить радость встречи с Германом Фогелем, который сейчас приближается к нам.

К ним приближался гигант непонятной расы и непонятного возраста. Мускулистые бронзовые плечи и мускулистые черноватые ноги несли на себе обрывки одежды, которая, возможно, была когда-то сукном цвета хаки, но, возможно, и батистом цвета перванш. Длинные, спутанные пегие волосы ниспадали на плечи, длиннейшая пегая борода была заткнута за пояс. Цвета глаз нельзя было различить из-за нависших пегих бровей. Приблизившись на расстояние двадцати метров, гигант вынул из сумы



две гранаты, поднял их над головой и прокричал на каком-то немыслимом языке, в котором клокотали русские, немецкие, французские слова, а также звуки моря, скрип пальм и вой ветра:

— Если вы не гутентаген, а геген мир... у-у-у-скр-трек... ниht добро пож-ж-жа-а-гломп-гломп-ло-о-о-о-вать... шерше дизе папир... их буду вас эксплоз-з-з... тр-р-р... кх!

Смысл приветствия, кажется, был ясен всем присутствующим: «Если вы пришли сюда с дурными намерениями, я взорву вас на месте!»

В подкрепление своих слов гигант выразительно помахал своими ржавыми гранатами.

Воцарилось смущенное молчание, и вдруг Четверкин Юрий Игнатьевич, резво вскочив на свои легкие ноги, устремился к гиганту с распростертыми объятиями.

— Шер ами! Обер-лейтенант Герман Фогель, елки точеные! Ей-ей, милостивые государи, через пятьдесят девять лет приятно встретить даже бывшего врага! Вы помните, обер-лейтенант, как я сбил ваш «альбатрос» в 1915 году в трех верстах к северу от Перемышля? Я зашел к вам в хвост на своем «нюпор» и швырнул в ваш аппарат целый тюк горячей пакли!

— Доннерветтер! Поручик Четверкин? — взревел гигант, выронил свои гранаты и заключил бывшего неприятеля в объятия. — Кр-р-р-ш-ш-т, у-у-у-вз-з-з, — сказал он. — Унзер камф был жуткий шреклих... Ду бист в з-з-з-ы-ы-ы...

— Ах, елки точеные! — Юрий Игнатьевич стукнул Германа Фогеля по спине. — Позволь тебе представить моих друзей, семейство Стратофонтовых!

Вдруг все увидели, какого цвета глаза гиганта. Ярко-синие зрачки, казалось, выскочили из-под нависших бровей и остановились в священном ужасе. Он смотрел на семейство Стратофонтовых, словно на ожившие тотемы. Он рухнул перед ними ниц и простер руки, словно дикарь перед алтарем. Он, должно быть, и впрямь считал богами наших милых Стратофонтовых.

— Стратофонтовы! Натюрлихе фамилией... гр-р-р-р... россен! Глюклих! Бонжур! Щ-щ-щ-асть-ть-ть-ть-е!

Немалога труда стоило успокоить гиганта, внушить ему, что ничего невероятного не произошло, что Стратофонтовы — вовсе не миф, не гипербола, а самые обыкновенные миловидные люди. Решающую роль в этом деле сыграла баночка растворимого кофе, которую хлопотливый океан как раз

подкатил к ногам компании. Мама Элла быстро вскипятила на непромокаемой зажигалке мужа банку воды и предложила икающему гиганту этот самый распространенный напиток современной цивилизации — «нескафе». Напиток произвел на Германа Фогеля чрезвычайно сильное и приятное впечатление. Он успокоился, улыбнулся и начал свой рассказ. Мы здесь даем лишь краткое изложение его рассказа, разумеется удаляя из него щелканье птиц, вой ветра и треск пальмовых веток.

**Рассказ бывшего обер-лейтенанта  
германской императорской авиации,  
а ныне представителя  
коренного населения атолла ГФ-39  
Германа Николаевича Фогеля.**

В конце лета 1914 года молодой сорокалетний российский подданный Герман Николаевич Фогель-Кукушкин лечил невралгию на купаниях в Баден-Бадене, когда разразилась первая мировая война. Герман Николаевич был интернирован германскими властями. Власти насильственным путем лишили его русской половины фамилии, объявили его немцем, засадили за руль «альбатроса» и приказали:

— Фогель, летай!

«Альбатрос» решил все дело. Молодой человек был весьма увлечен этим новеньким летательным аппаратом и дал себя вовлечь в братоубийственную войну. Конечно, в русские войска Герман Николаевич не стрелял, а просто себе летал на своей мощной машине и бомбы сбрасывал в облюбованное им болото в трех верстах к северу от Перемышля. Как вдруг за ним стал гоняться русский летчик, по сведениям разведки, поручик Четверкин. Герман Николаевич был вспыльчивый сорокалетний молодой человек, и его раздражало, что ему мешают летать. Сначала они только грозили друг другу кулаками, а потом стали наседать друг другу на хвосты, и вот однажды хитроумный Четверкин швырнул в Германа тюк горячей пакли.

Оказавшись в болоте, Фогель было уже обрадовался возвращению на родину, как вдруг германская армия начала наступление и вытащила его из болота. Он был награжден серебряным крестом и отправлен на Западный фронт. Здесь он однажды стал свидетелем газовой атаки. Зрелище человеческих страданий так глубоко поразило Германа Фогеля, что он решил раз и навсегда порвать все связи с цивилиза-

цией, которая, по его наивному размышлению, была виновницей всех этих кошмаров. Он дезертировал из армии и пробрался в Аргентину, оттуда — в Чили, из Чили — в Перу, и, наконец, в Перу он попросил капитана-китобойца найти ему в океане необитаемый атолл, чтобы там он мог встретить закат своей жизни. Он думал о закате жизни, потому что сразу после газовой атаки превратился из молодого сорокалетнего человека в пожилого сорокалетнего человека.

Закат его жизни, как видим, значительно растянулся. Китобоец высадил его на этом никому не известном атолле в середине семнадцатого года, и годы потекли, как мелкие волны в лагуне, когда за рифовым кольцом бушует шторм. Он потерял им счет. Ничто уже не связывало его с современной цивилизацией. Больше двадцати лет он вообще не видел ни одного цивилизованного человека, когда однажды, как потом выяснилось, в октябре 1939 года, рядом с атоллом вынырнула из глубин подводная лодка. С лодки высадились желтолицые моряки и взялись устраивать на атолле что-то военное. Тогда и появилось в логиях обозначение «атолл ГФ-39», но никто не знал, что это инициалы отшельни-

ка. Моряки построили на атолле радиостанцию и начали было уже скучать и отрываться от цивилизации, наподобие коренного населения, то есть Германа Фогеля, как вдруг — неизвестно сколько времени прошло — горизонт стал раскалываться военными сполохами, и в этих багровых просветах стали появляться силуэты боевых кораблей. Прошло еще какое-то время, и однажды ночью желтолицые моряки спешно покинули атолл и оставили рацию Герману Фогелю. Перед уходом они долго втолковывали ему, что он — их ближайший союзник в нынешней войне, но Фогель настолько уже оторвался от цивилизации, что не очень их понял.

Рацией, однако, он начал пользоваться, вначале только чтобы слушать музыку, а потом стал членом международного клуба коротковолновиков. Фогель провел последующую череду лет по-прежнему в полном одиночестве, но теперь он все же был в курсе мировых событий и жизни всего остального человечества. Конечно, у него были весьма своеобразные представления о новых явлениях современного мира. Как, должно быть, слепой с рождения человек по-своему представляет себе всякий предмет, о котором слышит, так и одино-

кий островитянин по-своему представлял себе такие явления современной жизни, как, например, освоение космического пространства или танец твист. К тому же аккумуляторы радиостанции начали садиться, и связь с внешним миром вновь начала слабеть, о чем, надо сказать, Герман Фогель далеко не всегда жалел.

И вот недавно одно из явлений современного мира явилось на атолл ГФ-39 и продемонстрировало себя во всем великолепии. Это было далеко не лучшее явление и имя ему — мафия.

Их было человек десять. Они выпрыгнули из вертолета и пошли к Фогелю, побрякивая своими брелоками, браслетами, талисманами, пистолетами, наручниками, кастетами, кинжалами, подметая пляж клешами немислимой расцветки и поблескивая своими золотыми зубами и солнечными очками. Впереди шла женщина редкой красоты.

— Фогель? — коротко спросила она, и тут же гигант островитянин потерял сознание.

Очнулся он связанный на полу своей хижины. Мафиози набросились на него с вопросами о каком-то сундучке, в котором что-то стучит, и о «флейточке» из дерева

Сульп. Он ничего не понимал и, стиснув зубы, переносил мучения.

Наконец они отшвырнули его в угол и перестали обращать внимание. Один из бандитов приколот к стене карту мира и поставил крестик прямо в середине океана, там, где предполагался необозначенный атолл ГФ-39. На карте уже было несколько крестиков — в Европе, Северной Америке и на острове Маврикий.

— Итак, с Фогелями покончено, — жестким голосом сказала женщина редкой красоты, — остался один Кукушкин. Сундучок, безусловно, находится здесь!

И она своим до странности неприятным пальцем ткнула в родину Германа Николаевича Фогель-Кукушкина, в дельту реки Невы, в город Санкт-Петербург, нынешний Ленинград.

Бандиты начали громко обсуждать свои планы, подкрепляясь колоссальными дозами виски и джина, выгруженными из вертолета. Скоро обсуждение планов стало напоминать настоящую вакханалию. Они не обращали никакого внимания на своего еле живого пленника.

Герман Фогель понял, что он приговорен. Островитянин не особенно боялся перехода в мир иной. За долгие годы одиноче-

ства на атолле ему даже стало иногда казаться, что этот переход не принесет ему существенных изменений. У него уже сложилась психология первобытного человека. Сейчас он лежал связанный в углу хижины и слушал пьяные выкрики мафиози. Из этих выкриков постепенно сложилась для него картина преступления.

Вот как она сложилась в представлении измученного пленника.

На каком-то отдаленном архипелаге существовала легенда, что в незапамятные времена там приземлился космический корабль из созвездия Кассиопеи. Кассиопейцы постепенно в течение веков одичали, но перед тем, как одичать, они укрыли где-то на архипелаге свои немыслимые сокровища, стоимость которых даже нельзя подсчитать земными цифрами.

Затем, столетий эдак триста — пятьсот назад, на архипелаг приплыл на своем катамаране прародитель Йон с тремя сыновьями: Мисом, Маком и Тефя. Хитрый прародитель подобрал ключи к кассиопейским сокровищам, но, вместо того чтобы любезно оставить эти ключи нынешним бандитам, укрыл их в каком-то таинственном сундучке, внутри которого что-то всегда стучит. Сундучок был изготовлен Йоном из дерева

Сульп, легендарного растения, которого никто никогда не видел, и открывался он только «флейточкой» из того же легендарного растения. Сундучок и «флейточка» передавались потомками Йона из поколения в поколение и так докатились до XIX века, когда на архипелаг совершила набег пиратская эскадра адмирала Рокера Буги. Тогда разгорелась жуткая битва, решающее слово в которой сказал русский клипер «Безупречный», отогнавший пиратов от архипелага и потопивший их в просторах океана.

После этой роковой битвы сундучок с архипелага исчез, затихла и легенда. И вот недавно в одном из винных погребков Оук-порта какой-то пьянчужка, оказавшийся последним отпрыском фамилии Йон, выболтал бандиту Мизераблесу семейную тайну. Тайна странным образом уходила с тропического архипелага в далекую, непостижимо холодную Россию. Оказалось, что в разгар битвы с пиратами глава тогдашних Йонов Маркус передал семейную реликвию врачу русского клипера мичману Фогель-Кукушкину. Оказалось также, что уже в начале нашего века прелестный отпрыск Йонов, юная Никове-ра, подарила «флейточку» из дерева Сульп

своему возлюбленному, опять же русско-  
му, молодому офицеру и поэту Павлу Кон-  
никову.

Итак, бандиты, заполучив в свое распо-  
ряжение тайну благородного семейства,  
стали фантазировать: что же там стучит, в  
этом проклятом сундучке? Стучит, конеч-  
но, какой-то замечательный атомный брил-  
лиант, решили невежественные бандиты.  
Этот бриллиант можно толкнуть в Лондо-  
не или Нью-Йорке миллиончиков за де-  
сять и погужеваться в свое удовольствие.  
«Свиньи, — сказала им их предводитель-  
ница, — не видите перспектив! Вам лишь  
бы толкнуть и погужеваться, а между тем,  
захватив невиданные космические сокро-  
вища, мы можем стать властелинами ми-  
ра».

Эта дама редкой красоты и коварства  
собрала информацию и разработала план.  
Она выяснила, что фамилия Фогель-Ку-  
кушкиных распалась, что многие Фогели  
разлетелись по разным странам. Мафия  
пустилась на поиски ничего не подозре-  
вающих мирных Фогелей и отмечала ко-  
сыми крестиками на карте следы своих  
преступлений. Последний крестик они по-  
ставили на атолле ГФ-39. Теперь они взя-  
ли на мушку ленинградского Кукушкина.

Герман Николаевич вдруг вспомнил дом своего двоюродного брата, невзрачный четырехэтажный дом на Екатерининском канале возле мостика, который держали в зубах четыре льва с золотыми крыльями. Более того, он вспомнил портрет своего предка, флотского лекаря, висящий возле камина, и кожаный переплет его дневника. Более того, обострившаяся от переживаний и физических мучений память обнаружила в своих глубинах и маленький желтый сундучок с таинственной монограммой... Так вот, значит, что! Значит, эти мерзкие отродья вышли на правильный след?!

Герман Николаевич стиснул зубы и дал себе слово помешать злодейским замыслам. Когда упившиеся в стельку бандиты затихли, он перегрыз зубами свои путы, выполз из хижины, добрался до оружейного склада, оставленного на атолле желтолицыми моряками, и стал забрасывать свою хижину гранатами и обстреливать ее светящимися пулями из пулемета.

Началась великая паника. Бандиты оказались трусами. Они не приняли боя и, кое-как отстреливаясь, ринулись к своему вертолету.

Фогель не успел подстрелить вертолет, бандиты скрылись.

Что делать? Как сообщить в Ленинград о грозящей опасности? Что там в этом сундучке — материальные или культурные ценности? Это неважно. Важно, что он стал целью мафии, а это повлечет за собой цепь преступлений.

Герман Фогель развернул свои таблицы. В них значились имена и позывные сотен радиолюбителей, с которыми он собирался установить контакт, пока аккумуляторы его станции не выдохлись. Вскоре он нашел в таблицах несколько ленинградцев и среди них ленинградского коротковолновика Геннадия Стратофонтова.

Стратофонтов! Это имя вспыхнуло, как молния, в ожившем от спячки мозгу островитянина. Да ведь это же потомок командира моего предка капитана первого ранга Стратофонтова, человека широких, прогрессивных взглядов! Он вспомнил даже эпизоды своего петербургского детства и вспомнил, с каким уважением, если не благоговением, произносилась за семейным столом фамилия Стратофонтовых.

Герман Николаевич составил тогда радиограмму следующего содержания.

Стратофонтову Санкт-Петербург Ма-  
фия ищет сундучок котором что-то  
стучит находится единственного потом-  
ка мичмана Фогель-Кукушкина если  
память не изменяет Екатерининский  
канал где львы золотыми крыльями  
бесконечно надеюсь спасите от мафии  
ценности кунста меншен лебен динст  
унд честь ГФ-39

Он посылал эту радиограмму в эфир,  
пока не погасли последние огоньки в его  
рации...

Члены экипажа зурбаганского лайнера  
и два молодых леопарда с удивлением сле-  
дили за действиями юного мальчика, кото-  
рого они уже успели узнать и полюбить.

Геннадий Стратофонтов, весь во власти  
своей интуиции, стоял, прижавшись ухом  
к теплому, чуть ли не горячему боку дере-  
ва Сульп, а пальцами правой руки держал  
свою левую руку за пульс. Губы его слег-  
ка шевелились — он явно считал. Пульс-  
сульп, пульс-сульп:..

Эврика! Счет пульса и счет ударов в  
глубине таинственного дерева совпадали!

Это таинственное дерево обладало таинственным свойством — это было дерево-резонатор! Так вот, значит, что стучит в глубине легендарного сундучка — собственный пульс персоны, которая прислоняет к нему свое ухо. Пульс, усиленный особыми резонаторными свойствами деревянной ткани!

Гена обошел дерево вокруг. Пожалуй, прогулка вокруг основания Останкинской телевизионной башни заняла бы ненамного больше времени. Он еще раз посмотрел вверх. Дерево было прямым и каким-то устремленным в небо. Могучие ветви и кора показались вдруг мальчику чем-то посторонним. Невероятная мысль мелькнула в его голове: а вдруг это дерево суть та самая ракета кассиопейцев, превратившаяся за бесчисленные века в легендарное дерево Сульп? Гена улыбнулся и отбросил эту невероятную идею. Какие только невероятные идеи не приходят в голову в период переходного возраста!

В одном лишь Гена был уверен: дерево это помнило стародавние времена, может быть, даже времена прародителя Йона с его сыновьями Мисом, Маком и Тефя. Думая об этом, Гена вдруг обнаружил, что идет вверх по дереву. Именно идет — не лезет, не карабкается, а идет, потому что

под его ногами не что иное, как ступени, выдолбленные в могучей коре. Когда? Когда были выдолблены эти ступени? Они напоминали ступени в пещерах кроманьонского человека.

Он поднялся по этим ступеням до третьего яруса ветвей и здесь увидел небольшую площадку, вроде бы балкон. Он вздрогнул: над балконом слабо вырисовывалась та самая монограмма, которая, по описаниям Юрия Игнатьевича, украшала таинственный сундучок. Это было утро молниеносных догадок. Очередная пронзила Геннадия: он разгадал монограмму! Читаем слева направо или справа налево: первая «М» — это Мис; далее идет ствол буквы «Т» и одновременно I — это означает Йон и его третий сын Тефя; и, наконец, последнее «М» — Мак. Ура!

Сундучок — изделие прародителя Йона, и уж не из этой ли выемки в коре Сульпа вырезал старый катамаранщик материал для своего изделия?

Гена чувствовал какой-то необычный даже для него подъем интуиции и вдохновения. Итак, теперь уже ясно окончательно: сундучок с заключенными в нем ценностями — культурными или материальными — принадлежит архипелагу, а следовательно,

и народу Больших Эмпиреев. И он будет возвращен народу, где бы ни забыл или ни припрятал его хитрюга или растяпа Сиракузерс!

Однако, подумал мальчик и тут же вспомнил о «флейточке». Как подсказывает ему его интуиция, без «флейточки» из дерева Сульп не откроется сундучок из дерева Сульп, а «флейточка»... Гена непроизвольно крикнул и потрогал не вполне еще рассосавшуюся гематому на подбородке. «Флейточка» в руках мадам Н-Б...

— Эврика! — вскричал он, в который уже раз за это утро.

Смешно грустить о «флейточке» из дерева Сульп, стоя на самом дереве Сульп! Гена побежал по одной из ветвей третьего яруса, словно по корабельной рее, и добежал до самого ее конца, где имелись нежные отростки. Вынуть верный складной нож, срезать нежный отросток, выбить из него сердцевину и сделать в коре три дырочки — все это было для мальчика делом десяти минут. Через десять минут в руках у него была «флейточка». Он дунул, и... странный, протяжный, вроде бы не очень и земной звук вылетел из «флейточки». Гигантское монументальное дерево ответило на этот звук каким-то чрезвычайно стран-

ным рокотом, трепетом, подергиванием всей коры от макушки до корней, словно живое существо. Гена был теперь уверен, что у него есть ключ к сундучку. Он сунул «флейточку» за пазуху и потуже затянул пояс джинсов.

Он чувствовал, что чудеса сегодняшнего дня еще не кончились, что основные события впереди. Спрыгнув прямо с третьего яруса в пружинистый дерн, он взобрался на скалу и вгляделся в морскую даль, сверкающую уже под молодым оранжевым солнцем. Внизу, на страшной глубине, под обрывом он увидел, что поверхность моря пересекают шесть пенных бурунчиков, словно идут ромбом шесть торпедных катеров. Дельфины? Метрах в двухстах под ногами Геннадия плавала в воздухе крупная чайка. Что-то знакомое сквозило в манере полета этой птицы, что-то родное, домашнее... Так летают крупные чайки-самцы в дельте любимой Невы. Ей-ей, парящая внизу чайка чем-то напоминала дружницу Виссариона.

— Виссарион! — крикнул вниз Геннадий шутки ради.

Прошло несколько секунд, прежде чем голос его долетел до чайки. И тут же птица взметнулась и, стремительно набрав вы-

соту, опустилась на скалу рядом с Геннадием. Это и в самом деле был Виссарион.

«Что? Как? Каким образом? Дружище Виссарион, вы ли это? И если это вы, а не ваш океанский двойник, то как вам удалось за столь короткий срок покрыть столь гигантское расстояние? И какова цель вашего прилета на остров Фео?»

Все эти вопросы готовы были сорваться с языка Геннадия, но не успели сорваться, потому что Виссарион предварил все эти вопросы одним лишь поворотом головы. Он повернул голову влево и чуть вверх, и Геннадий увидел на шее у сильной птицы кожаное кольцо с кнопкой. Виссарион со спокойным дружелюбием приглашал своего старого приятеля (если птица может так сказать о тринадцатилетнем мальчике) расстегнуть эту кнопку. Геннадий последовал за этим приглашением и извлек из кожаного кольца письмо, адресованное ему. Письмо было от Питирима Кукк-Ушкина. Оно гласило:

*«Привет из Ленинграда!*

Многоуважаемый товарищ Геннадий Эдуардович!

Во имя всего, что дорого человеку, во имя высоких, благородных принципов на-

шей цивилизации сообщаю Вам срочные новости. На следующий день после отбытия вашего многоуважаемого семейства на праздник дружественной нам малой нации мне позвонили из «Интуриста» и сообщили, что во время санитарной обработки в номере отбывшего ранее по собственному желанию иностранного подданного Сиракузерса А. С. найден искомый Вами и ранее принадлежавший мне, а ныне братскому эмпирейскому народу предмет.

В присутствии участкового уполномоченного был составлен акт и предмет был передан мне для дальнейшего пользования. Счастлив Вам сообщить, что сундучок пребывает в неповрежденном состоянии и в нем по-прежнему что-то стучит. Прошу передать эту новость всему миловидному народу Больших Эмпиреев, за свободу которого бились наши предки под одними парусами. Кстати, не прорастает ли на их территории растение «гумчванс»? Вы знаете, зачем оно мне...

Геннадий Эдуардович, до Вашего возвращения, во избежание каких-либо повторных эксцессов, я укрыл сундучок в очень надежном месте. На всякий случай, если я вдруг забуду (чего не может быть),

запомните четыре цифры, дату Грюнвальдской битвы...»

Из-за плеча Геннадия на письмо опустилась рука в черной кожаной перчатке. Вторая точно такая же рука каким-то дьявольским стальным зажимом сдавила его горло.

— Какая приятная встреча, Джин Стрейтфонд, сэръ! — Владелица этих двух рук, мадам Накамура-Бранчковска, издевательски засмеялась.

Гена почувствовал себя беспомощным: при малейшем движении стальной зажим сильнее сдавливал его горло.

Между тем мадам Н-Б, спрятав письмо в укромном месте своего костюма, с силой, удивительной для женщины, повлекла тело Геннадия в расселину между скал.

Товарищи Геннадия — Фил, Эсп, Зит, Га-ла и Акси — не видели происходящего, занятые наблюдением за единственной стороной склона, по которой бандиты могли бы предпринять штурм вершины. Чайка Виссарион бесстрашно, не соразмеряя сил, бросилась на защиту своего друга, но силы были явно неравны — мадам увлекала мальчика в расселину. Однако в самый решающий момент в бой неожиданно всту-

пил один из молодых красивых леопардов. Он прыгнул на спину хищнице рода человеческого и спас таким образом Гену Стратофонтова, то бишь Джина Стрейтфонда, от увлечения в расселину, где его, конечно, ждали серьезные неприятности.

Освободившись от стального зажима. Гена отпрыгнул в сторону и увидел перед собой запоминающуюся картину: на ярко-зеленом ковре мха катались, сплетаясь, женщина в черной коже и пушистый леопард. Женщина была страшнее. Каким-то неженским усилием она отшвырнула леопарда, вскочила на ноги, дважды выстрелила в Гену и скрылась в темной расселине.

Пули прошли мимо, но, словно в ответ на эти выстрелы, заговорили внизу автоматы гангстеров.

Гена бросился к своим. Все три летчика и две стюардессы заняли боевые позиции в скалах. Они ждали команды своего юного командира. Гена выглянул из-за скалы и увидел, как по желтому крутому склону лезут вверх Грумло и Пабст, Мизераблес и Латтифудо, Буллит и Тиу-Чан и еще не менее двух десятков мерзавцев. Эта атака напомнила ему эпизод из любимой когда-то, в детсадовский период, книги «Остров со-

кровищ»: атака пиратов на крепость капитана Смолетта. Вспомнив этот эпизод, он подумал, что их положение гораздо серьезнее, чем у героев Стивенсона, — их окружает целый взвод суперсолдат, вооруженных современным оружием и умеющих им пользоваться.

Помощи ждать неоткуда, помощь не предвидится. Кроме чайки Виссариона, у них здесь только два союзника — два молодых неопытных леопарда. Кстати, где же эти леопарды? Он оглянулся и ахнул.

По стволу гигантского дерева на лужайку спускались молодые леопарды, но не два, а шесть! Шесть грациозных и сильных зверей с умными и какими-то очень знакомыми глазами. Очередная догадка молнией промелькнула в голове мальчика. Он посмотрел внимательно на столь знакомую ему важно-благожелательную осанку, на расцветку шерсти не очень-то леопардью, а скорее просто кошачью, на пушистые хвосты этих животных и понял, что это — дети Пуши Шуткина, достославного боевого кота, которому он в течение последнего года имел честь предоставлять стол и кров.

— Уж не детей ли своего друга Шуткина я вижу перед собой?! — воскликнул Ге-

на, и молодые леопарды тут же подтвердили его догадку.

При имени своего достославного родителя они радостно замыкали, запрыгали, и каждый из шести счел своим долгом дружески потереться головой о Генин бок, отчего бок стало немного саднить. Затем леопарды выгнули спины, подняли трубами свои пушистые хвосты (ну, вылитый папа!) и всем своим видом показали, что они готовы принять участие в битве.

— Друзья, — сказал Геннадий летчикам. — Эти молодые животные — наши союзники! Кроме того, в нашем распоряжении чайка-связной. — Он повернулся к Виссариону и обратился к нему с просьбой: — Дружище Виссарион, сможете ли вы имитировать человеческую фразу «Чаби Чаккерс, на помощь!»?

— Чаби Чаккерс, на помощь! — проорал Виссарион довольно похоже.

— Bravo, дружище! В таком случае летите к морю и кричите эту фразу без остановки. А мы попробуем прорваться. — Он посмотрел на часы: — У нас в запасе ноль часов пять минут.

— Ах, Гена, — проговорили Гала и Акси, внимательно глядя на него своими большими зурбаганскими глазами. — Ка-

кой вы удивительный, удивительный, просто удивительный мальчик!

Гена собрал все силы, чтобы не побагроветь под этими взглядами, но все-таки побагровел.

— Мисс Гала и мисс Акси, — сказал он учтиво, но все-таки звенящим от волнения голосом, — я самый обыкновенный, самый обыкновенный, обыкновеннейший подросток.

Ну, вот вам, дорогой читатель, дополнительный штрих к портрету нашего героя. Каково? По излюбленному выражению Валентина Брюквина, как говорится, «ноу комментс».

Справившись с волнением. Гена сделал знак леопардам, и они все семеро (молодые Шуткины плюс Стратофонтов) собрались в кружок, голова к голове, как это делают шведские хоккеисты перед началом игры.

Гена что-то шепнул леопардам, и те мгновенно исчезли. Оставшиеся секунды Гена потратил на совещание с летчиками.

Мерзавцы, надо и им отдать должное, умели брать штурмом вершины гор и даже укрепленные замки. Они очень даже замечательно умели применяться к местности, маскироваться, ползти по-пластунски, при-

крывать огнем перебежки и перебегать открытые для обстрела пространства. Они знали, что самую большую опасность для них представляет крутой и открытый склон, поросший желтыми цветами. Им необходимо было пересечь этот склон для того, чтобы скрыться затем в узком ущелье между скал и оттуда уже сделать решающий бросок. Они рассчитывали на неопытность своих противников и решили ошеломить их массивным огнем, как только выйдут на желтый склон. Кроме того, они знали, что их страшный вождь, мадам Н-Б, каким-то дьявольским, доступным только ей одной путем проберется в тыл к окруженным. Не знали мерзавцы, что мадам-вождь, стеной от боли, висит сейчас, зацепившись за корни дерева Сульп над живописной, но ужасной пропастью.

Итак, они быстро шли вверх по желтому склону и вели страшный огонь по вершине, то и дело вставляя новые кассеты в свои автоматы. Странное дело: им не отвечали. Они прошли уже половину склона — ни одного выстрела сверху. Наконец они ринулись вперед и добрались до спасительных скал. Быть может, у беглецов уже нечем стрелять?

— Сейчас, ребята, мы их возьмем теп-

THE  
MOUNTAIN  
MEN  
WENT  
TO  
THE  
MOUNTAIN  
TO  
CUT  
THE  
WOOD



ленькими, — прохрипел Пабст. — Бифштекс, три картошки и два помидорчика...

Он захохотал, похлопывая себя по ляжкам, и вдруг завопил от ужаса. На него со скалы, растопырив страшные лапы и жутко шипя клыкастой пастью, падал леопард. Спасительные скалы оказались западней для гангстеров. Шесть леопардов бросились на них и взялись терзать мерзавцев без всякого разбора. В тесноте скального убежища пустить в ход огне-стрельное оружие было невозможно. Один за другим вылетали растерзанные, обезумевшие от боли и страха мерзавцы назад на желтый склон, и здесь они попадали под огонь отступающего маленького отряда смельчаков. Маленький отряд благополучно пересек желтый склон и углубился в джунгли. Они бежали что есть силы к морю. Море, превращавшее остров в естественный капкан, могло стать и дорогой к спасению.

...Прошло немало времени, прежде чем они увидели бухту. Там был длинный дощатый пирс и возле него несколько лодок и большой мореходный катер, на котором, вероятно, и прибыла вчера на остров атаманша. Несколько парней в плавках беспечно валялись на пирсе в окружении множества жестянок из-под пива.

Застать их врасплох? Попытаться захватить катер? Опасно. Кто знает, сколько охраны внутри катера и на берегу? Шансов на успех очень мало, однако и других вариантов не видно...

Как вдруг Геннадий схватил за руку командира экипажа:

— Стоп, Фил! Не стреляй! Взгляни-ка!

В северной части бухты, затененной прибрежными скалами, бороздили воду шесть дельфиновых плавников, а над ними кружил не кто иной, как Виссарион, не кто иной, как чайка-посыльный Виссарион. Он кружил и кричал, и кричал, и кричал, но за шумом палм его не было слышно. Что касается дельфинов, то они явно плавали не просто так, они плавали отчетливыми кругами, и в конце круга каждый из них высоко выпрыгивал из воды, явно показываясь.

Геннадий внимательно вглядывался в крутые лбы и лукавые клювы этих морских человеков. Он заметил, что они очень молоды, хоть и огромны. Что-то чрезвычайно знакомое и милое почудилось ему в манере их прыжков, и вдруг очередная молниеносная догадка (какая уже по счету за этот день!) пронзила его.

— Друзья мои, мы спасены! Перед вами

дети моего старого друга Чаби Чаккерса!  
Они посланы нам на помощь!

— Сколько же вам теперь лет, Герман Николаевич? — спросила Даша Вертопрахова одинокого гиганта островитянина, который, несмотря на свою чрезмерно длинную растительность, от общения с людьми приобрел уже человеческий облик, более того — облик русского человека.

— Не знаю, малютка, — вздохнул гигант и погладил девочку бронзовой рукой по золотистой голове.

— Могу сказать лишь, что чувствую себя сейчас значительно лучше, чем на купании в Баден-Бадене, малютка.

Они вдвоем, бронзовотелый старый гигант и стройная девочка переходного возраста, прогуливались, беседуя, по восточному берегу ГФ-39, по маленькой плантации каких-то странных кактусообразных растений, от коих исходил весьма приятный аромат.

— Любопытно было бы узнать, что за растения вы выращиваете в своем уединении, любезный Герман Николаевич? — поинтересовалась Даша.

— О, это чрезвычайно редкие растения, малютка, — сказал Фогель, — и выращи-

ваю я их не из плотоядных побуждений, а лишь ради их запаха и дивной смолы, так напоминающей родную Прибалтику. Это растения «гумчванс», малютка. Я привез их семена еще из Перу в 1917 году...

— Как! — вскричала Даша. — Да, знаете ли вы, любезный Герман Николаевич...

И она рассказала одинокому островитянину об изысканиях его ленинградского родственника Питирима в области идеальной еды. Сообщение это очень взволновало Фогеля. Как?! Его трудолюбивый двоюродный племянник нуждается лишь в каких-нибудь нескольких граммах смолы «гумчванс» для завершения своих гениальных опытов, а у него здесь этой смолы в избытке?.. Даше даже показалось, что одинокого островитянина потянуло куда-то вдаль, может быть, даже в родной город, на канал Грибоедова... Вдруг!

— Пароход! — закричала, едва ли не завизжала Даша. — Герман Николаевич, взгляните — на горизонте пароход!

Штормило. Косматые волны шли чередой с юго-востока и разбивались о коралловые рифы в километре от острова, но тем не менее на горизонте действительно было отчетливо видно белое пятнышко — пароход!

— Удивительно, — сказал Фогель. — Вот уже десять цветений «гумчванс» я не видел на горизонте ни одного парохода. Мой остров, малютка...

«Малютка» его не слушала. Она неслась со всех ног к штабу экспедиции, где вот уже несколько часов разбирались различные варианты спасения.

Юрий Игнатьевич Четверкин, Г. А. Помпезов, Фуруруа Чуруруа, папа Эдуард, баба Маша и мама Элла вкупе с английским пастором, итальянским коммивояжером и отцом семейства хиппи совещались, потягивая напиток, настоенный на смоле «гумчванс». Обстановка была идиллическая, а положение между тем вполне серьезное. Пищевых ресурсов атолла ГФ-39 хватило бы всем пассажирам «ЯКа-40» на 3-4 полновесных обеда и на столько же завтраков. Разумеется, рядом был океан с его неисчислимыми ресурсами, но для того, чтобы обеспечить всех рыбой или моллюсками, нужна была бы целая артель рыбаков такого класса, как Фуруруа Чуруруа. Кроме этого вопроса первичной важности, всех, разумеется, беспокоили и другие важные вопросы. Ведь не моллюсками же одними, не кокосами, не рыбой же жив человек. В частности, необходимо было дове-

сти до сведения человечества весть о преступлении международной мафии, о захвате бандитами национального достояния Больших Эмпиреев. Короче говоря, надо было выбраться. Каким образом? Разбирались два основных варианта. Первый заключался в том, что вождь Фуруруа Чуруруа на своем стремительном каноэ скользит к ближайшим центрам цивилизации и вызывает помощь. Второй состоял в строительстве на атолле собственного плавсредства, способного вместить всех пострадавших. Надо ли говорить о том, сколько минусов было у этих двух вариантов? И, между прочим, главный минус был у всех перед глазами — лохматые валы, свирепеющий с каждым часом океан.

И вдруг прибежала Даша Вертопрахова с криком: «Пароход, пароход!» Все вскочили, взбежали на малый холм ГФ-39 и впрямь увидели среди волн какое-то белое судно.

Увы, оно было слишком далеко и по всем признакам не собиралось подходить ближе. Сигнализировать выстрелами? Бесмысленно. В шуме океана моряки не слышали бы даже голоса солидной пушки. Ракетами? Но ракет не было. Дымом, как в старину? Что ж, можно и попробовать,

но увидят ли? И, наконец, плыть к этому далекому белому пароходу, который по неизвестной причине дрейфует на траверзе ГФ-39... Такая задача была по плечу лишь одному человеку, и все молча повернулись к интеллигентному вождю Фуруруа Чуруруа.

Но даже этот незаурядный человек, в мужестве которого нам не приходится сомневаться, усомнился в своих возможностях.

— Медам и мсье, я могу попытаться счастья на своем стремительном каноэ, но, увы, я не уверен, удастся ли мне преодолеть рифовое кольцо, а оставлять вас одних...

Все обратили теперь взоры к кипящему в белой пене рифовому кольцу и ахнули: в этих ужасающих водоворотах мелькала темноволосая голова и оранжевый спасательный жилет одинокого пловца.

— Кто этот удивительный смельчак? — вскричали все присутствующие.

— Это Валентин Брюквин, наш одноклассник, — тихо сказала Даша Вертопрахова. Лицо ее было чрезвычайно бледным, но круглый, как солнечный зайчик, румянец гордости за свой класс прыгал с одной бледной щеки на другую и освещал ее синие глаза.

...Это был «звездный час» Валентина

Брюквина. Фыркая и отплевываясь, он плыл вольным стилем, уже за страшным рифовым кольцом, но все еще не видя за водными валами своей цели — белого парохода. «Доплыву или не доплыву, но подвиг уже налицо, — думал Брюквин и фыркал в наветренную сторону. — Ноу комментс!»

Между прочим, он был не лишен самоиронии — ведь плыл-то все-таки он не за подвигом, а для того, чтобы помочь товарищам по несчастью. Он плыл среди страшной стихии, этот скромный и смелый мальчик, и проявлял к себе самоиронию, то качество, без которого ни один человек не может называть себя джентльменом.

Временно исполняющий обязанности капитана научно-экспедиционного судна Академии наук «Алеша Попович» Олег Олегович Копецкий стоял в рубке, глядел на пенные гребни волн застывшим взглядом и бормотал себе под нос:

...Там Зевс, как бык, в  
бурунах пенных вод  
Уносит в сумрак нежную  
Европу...

Качка была основательная. «Попович» шел малым ходом, таща за собой трал по гребню подводной коралловой гряды.

— Олег Олегович, — всунулся в рубку радист. — Капитан из Ленинграда спрашивает: вираем уже трал или еще не вираем?

— Отвечай капитану, — сухо сказал Копецкий. — «Там Зевс, как бык, в бурунах пенных вод уносит в сумрак...»

— Человек за бортом! — закричал, не веря своим глазам, рулевой.

— Олег Олегович, человек за бортом!

С большой зеленой волны скатывался, словно животом на санках, человек в оранжевом жилете.

— Аврал, — коротко сказал и. о. капитана и забыл про стихи.





## ГЛАВА X,

*в которой идут в ход мокрые деньги*

Смешно сказать, но первое, что увидел Гена на набережной Оук-порта, был его собственный памятник. Он помнил о пристрастии эмпирейцев к скульптурному искусству, о бесчисленных мраморных, бронзовых, чугунных и гранитных конях, львах, дельфинах, наядах, не говоря уже о величественном памятнике его собственному предку, но предположить, что островитяне успели за истекший год свалить памятник его

собственной, еще не вполне сформировавшейся персоне, он не мог.

И вот, подплывая верхом на Бинго Старе, первом сыне Чаби Чаккерса, к набережной волшебного Оук-порта, он вдруг увидел свою собственную бронзовую фигуру. Поистине это был первый в мире памятник юному существу в расклешенных джинсах. Даже музыканты ансамбля «Битлз» еще не удостоились такой чести.

Признаться, Гена рассердился. С раннего детства он не уставал повторять, что ему «наплевать на бронзы многопудье», и вот на тебе — собственный памятник. Он даже слегка похолодел, вообразив реакцию сестер Вертопраховых на этот монумент.

«Заберу его с собой и спрячу в ванной», — решил он и оглянулся. Все его спутники торжественной кильватерной колонной вплывали в бухту. Гала верхом на Элле, Акси верхом на Арете, Фил на Хиле, Эсп на Коубзоне, Зит на Дилане. Чайка Виссарион прикрывал караван с воздуха.

Вдруг какое-то мощное, как торпеда, тело описало стремительную окружность и затормозило рядом с Бинго Старом. Вскрикнув от радости, Гена соскользнул в воду, чтобы заключить в объятия своего верного

Чаби Чаккерса, отца этих шестерых красавцев.

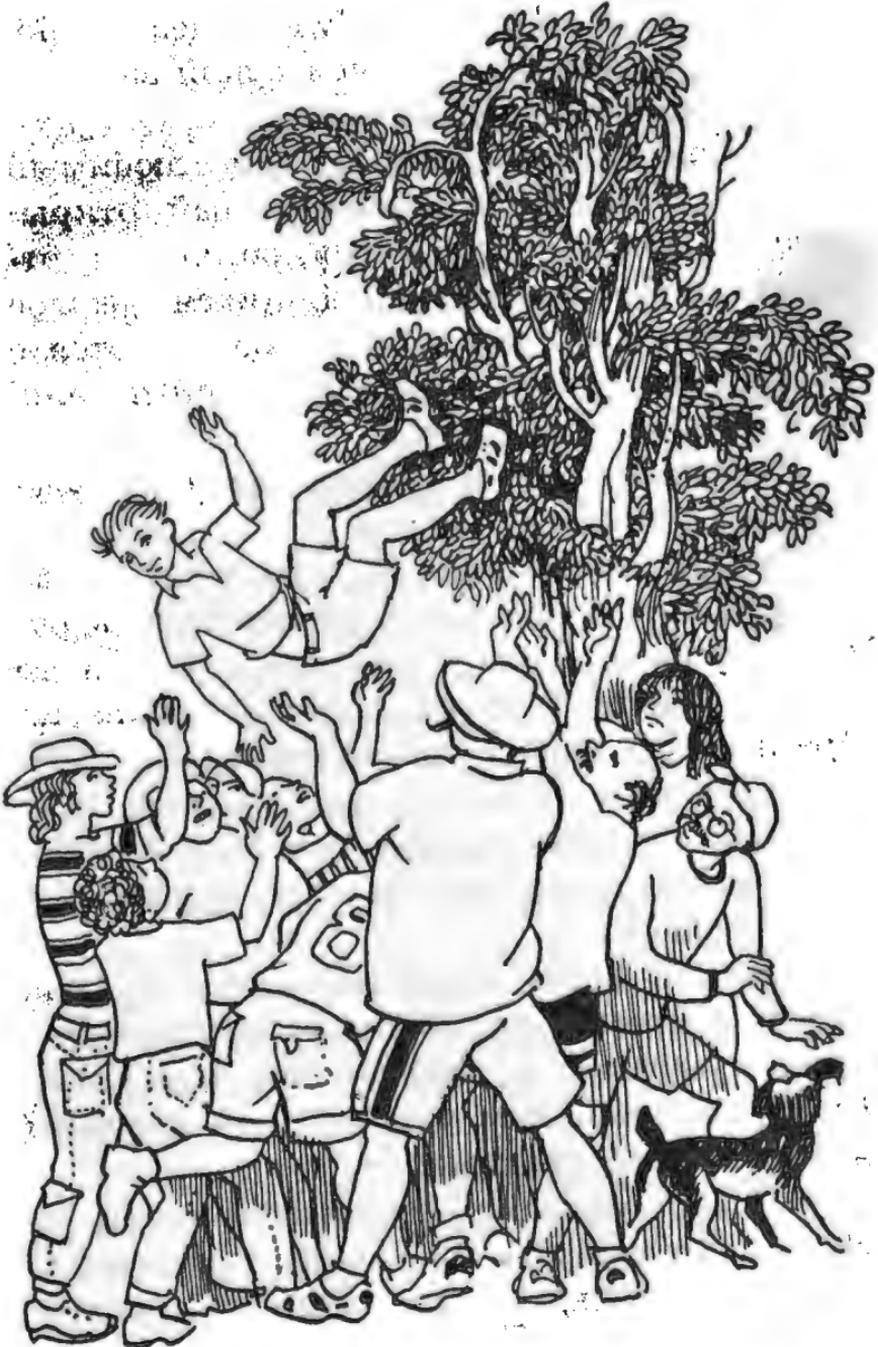
— Привет, Генок, — смущенно зафыркал Чаби. Он всегда старался смущенным пофыркиванием прикрыть переполнявшие его добрую душу чувства. — Дико рад тебя видеть, кореш. Я послал своих ребят с этой птичкой на поиски, и вот ты здесь. О. К.!

— Чаби, дорогой, твои ребята явились как раз вовремя! Как я рад снова увидеть тебя и милый моему сердцу Оук-порт! — Гена не мог скрыть своих чувств ничем. — Однако, Чаби, знаешь ли ты, что все наши улетели с острова Фео в неизвестном направлении? Я очень волнуюсь...

— Не волнуйся, старина, — сказал Чаби Чаккерс. — Там все в ажуре. Их подобрал всех до единого корабль науки «Алеша Попович». Сейчас сюда топают. Смотри, тебя здесь ждут.

По мраморной лестнице к морю с распростертыми объятиями бежала живописная толпа эмпирейцев, в которой Гена увидел множество знакомых лиц — и Рикко Силлу, и Нуфнути Куче, и Токтомурана Джечкина, и Фирцига, и Градуса, и др., и др.

Грянул оркестр. Мокрый мальчик взле-



тел в воздух. Нуфнути Куче залез на постамент и, держась могучей рукой за бронзового мальчика, закричал:

— Ура! К нам прибыл наш любимый Джинадо! Праздник, посвященный открытию национального музея, объявляю открытым! По просьбе трудящихся четыре выходных дня этой недели соединяются с тремя выходными днями будущей недели! Открыть все фонтаны!

Ликующая толпа подхватила и его, увесистого премьера, качать!

Качали долго. Гена и Нуфнути иногда встречались в воздухе и обменивались рукопожатиями. Гена изловчился и как-то раз на высшей точке подброса обхватил премьера за шею и шепнул ему:

— Дорогой Нуфнути, распорядись прекратить качание наших тел! Мне необходимо немедленно связаться по телефону с Ленинградом.

Качание было приостановлено, и Гена вместе с премьером, похожим на пушечное ядро, румяным и энергичным, пустились бегом по площадям и переулкам столицы к телефонной станции.

— Увы, господин премьер-министр, — сказала со вздохом красавица телефонистка, — я вынуждена вас огорчить. Респуб-

лика превысила свой лимит по телефонным разговорам в сто семьдесят семь раз. Долг республики по телефону составляет восемьсот тысяч велюров, что в перерасчете на доллары...

— Не надо! Не надо! — замахал руками Нуфнути Куче. — Не надо перерасчетов! Слышать не могу всей этой финансовой мороки! Научились считать, ишь ты! Велюр — самая красивая валюта в мире! Его нельзя ни на что пересчитать!

— Увы, — вздохнула красавица телефонистка. — После праздников телефонная станция конфискует государственный бланк. Увы, господин премьер-министр. Увы! — Она пленительно улыбнулась Геннадию: — Увы и вам, наш юный кумир Джинадо Стратофудо.

— Мокрые деньги вас устроят? — спросил Геннадий и извлек из своих джинсов рубль, франк и несколько зурбаганских зуров.

— Подходяще! — повеселела красавица телефонистка и взялась за соединение с Ленинградом.

Дело это было нелегкое — весь мир пересчитывал свои деньги, и поэтому шум по всем каналам стоял страшный.

Геннадий тем временем рассказывал

своему высокопоставленному другу всю историю сундучка, в котором что-то стучит.

— ...И вот, ты понимаешь, Нуф, письмо Питирима Кукк-Ушкина находится сейчас в опасных руках Накамура-Бранчковской. От этой особы можно ждать всего. Я не удивлюсь, если она завтра же окажется в Ленинграде. Что такое дата Грюнвальдской битвы?

— Быть может, это шифр? — предположил премьер-министр. — Может быть, шифр какого-нибудь сейфа?

— Да-да, вполне возможно... — задумчиво проговорил Гена. — Питирим Кукк-Ушкин мог специально для этого дела сконструировать какой-нибудь особенный сейф.

— Товарищ Стратофудо, поговорите с Ленинградом, — вдруг равнодушным голосом сказала телефонистка-красавица, как будто ей ничего не стоило пробраться сквозь хаос мировой валютной системы.

Гена бросился, схватил трубку, заорал «алло-алло» и вдруг очень близко услышал спокойный мужской голос:

— Кандидат технических наук Рикосетников Николай Николаевич слушает вас.

— Николай, вы знаете дату Грюнвальдской битвы? — срывающимся голосом спросил Гена.

— Как всякий культурный человек, — сказал капитан Рикошетников. — Знаю. Одна тысяча четыреста десять.

Вечером Геннадий ужинал в кругу своих близких эмпирейских друзей в ресторане на крутом бастионе крепости Оукпорта.

В связи с финансовыми трудностями республики на столе не было никаких деликатесов, только скромная местная пища: устрицы, лангусты, крабы, белая икра доисторической рыбы целаканта, эскарго, авокадо, грейпфруты, цитронеллы и лайм-тоник. — Конечно, было бы недурно, если бы в сундучке оказались кое-какие материальные ценности, — сказал «лучший футболист вселенной» Рикко Силла. — Мы бы построили на них огромный футбольный стадион. Больше, чем «Маракана» в Рио-де-Жанейро. Вся республика поместится и еще пригласим зурбаганцев.

— Да-да, стадион! — поддержал его пылко бывший президент и вратарь национальной команды, а ныне парикмахер Токтомуран Джечкин. — Только не такой уж

большой. Надо оставить средств для огромной, самой большой в мире парикмахерской. Чтобы весь мир ездил к нам стричься!

Гена вдруг заметил, что Рикко Силла помрачнел и посмотрел на Джечкина с не свойственной ему агрессией.

— Стадион стадионом, парикмахерская парикмахерской, а построить надо огромную телефонную станцию, — веско заметил премьер-министр.

— Никаких парикмахерских и никаких телефонов! — Рикко Силла брякнул по столу своим самым красивым в мире кулаком.

— Никаких стадионов и никаких телефонов! — выдал свои истинные намерения Токтомуран Джечкин. — Детский период истории кончился! Хватит играть, пора стричься!

— Никаких стадионов и никаких парикмахерских! — Премьер-министр ладонями выбил дробь, не хуже джазового барабанщика. — Нам нужна связь! Огромный телефон решит все проблемы!

Все трое мрачно посмотрели друг на друга. Ой, как Гене это не понравилось! Год назад такая сцена между тремя закадычными друзьями была бы просто немыслима.

— Друзья, не ссорьтесь! — сказал он им, умудрившись положить две свои руки сразу на три плеча. — Иной раз культурные ценности бывают гораздо важнее материальных.

Все трое посмотрели на Гену, и их взаимная неприязнь тут же рассеялась.

— Устами мальчика-героя подчас вещает Истина, — произнесли они все трое старинную эмпирейскую народную поговорку и улыбнулись, и искорки из восьми дружеских глаз, не разделенных даже на пары, а соединенных в одно красивое загадочное созвездие, поднялись над ночным Оук-портом, чтобы присоединиться к бесчисленным звездам мироздания, и на этом наша повесть закончилось, оставив место лишь для трех небольших эпилогов.



## ЭПИЛОГ I

Каковы, однако, законы приключенческого жанра! Да и можно ли вообще называть их законами, если мы на одной странице повести можем скакнуть с бастиона крепости в Оук-порте в камеру хранения Витебского вокзала, что на Загородном проспекте Ленинграда (следующая остановка «Технологический институт»)? Из такой невероятной романтики — сразу в обыкновенную прозу, на Витебский вокзал.

А ведь слово «Витебск», между прочим, не такая уж и проза. Великий художник Марк Шагал, например, показал нам такой фантастический Витебск, что ни один писатель-приключенец за ним не угонится.

Ну, впрочем, это к слову, мы и гнаться за Шагалом не собираемся. Мы входим в зал камеры хранения вслед за сутулым старичком-дачником. Знаете, бывают такие старички-дачники в побелевших от старости по швам прорезиненных плащах, в обвисших шляпах из рисовой соломки, с двумя-тремя саженцами в руке и с ведерочком чернозема. Таков и наш старичок, эдакий отставной Букашкин, приятель поэта Андрея Вознесенского.

Он направился в серые коридоры авто-

матических камер, смиренно поставил свое ведерочко на кафельный пол возле одной из них, засунул пальчик в вязаной перчатке в диск и тихо набрал дату Грюнвальдской битвы — тысяча четыреста десятый год. Дверь камеры открылась, и старичок достал оттуда сундучок. Извините, любезный читатель, за неуместную рифму.

Тут нервы старичка малость сдали, и он, воскликнув что-то на неизвестном языке, мягко опустился на пол, откуда и был поднят железной рукой капитана Рикошетникова. Рядом с Рикошетниковым находился его новый друг, участковый уполномоченный милиции Бородкин В. П.

«Вот ведь какая штука, — думал Бородкин, — передо мной обыкновенный старичок, никакой не чудак, не фантазия. Ни малейших поползновений к проверке не вызывает. А ведь не подошли бы, не проверили, и улетела бы птичка».

Капитан Рикошетников между тем деликатно и осторожно снял с лица «старичка» тончайший пластиковый грим и обнажил сатанински красивое лицо Накамура-Бранчковской.

— Bravo, мадам! Ко всем вашим прочим талантам прибавился талант трансформации.

— Я протестую! — слабо сказала уставшая от борьбы за власть женщина. — Протестую против насилия над пенсионером.

— Пройдемте, товарищ, — мягко сказал Бородкин. — Сорри, дорогой товарищ, сюжет не терпит задержек.

Он увел «пенсионера» в соответствующие глубины Витебского вокзала, а капитан Рикошетников с заветным сундучком под мышкой вышел на Загородный и кликнул такси.

Случилось так, что я как раз ехал мимо на своем «Жигуленке» и, пользуясь правом старого знакомства, пригласил капитана Рикошетникова в машину.

— Вот, — сказал он, похлопывая по сундучку. — Скоро увидим, что там такое.

— Сегодня же и увидим, — сказал я. — Вас давно уже все ждут на улице Рубинштейна.

— Кто это все? — удивился капитан.

— Все герои нашей повести, начиная с Гены Стратофонтова.

— Позвольте, но я только несколько часов назад говорил с ним по телефону. Он еще не мог прилететь с Больших Эмпиреев! Не говоря уже о других, которые плывут на «Алеше Поповиче»...

— Простите, но это небольшой автор-

ский произвол, — смущенно сказал я. — Мы сейчас переждем с вами из Первого Эпилога во Второй. Садитесь!



## ЭПИЛОГ II

Под медной лампой, сделанной из кормового корабельного фонаря, всем нашлось место: и детям переходного возраста, и их сорокалетним родителям, и старшему поколению. Был здесь даже вновь обретший родину и вторую часть своей фамилии Герман Николаевич Фогель-Кукушкин, одетый во вполне приличную серую пару из магазина «Великан».

— Я волнуюсь, малютка, — шептал он Даше Вертопраховой.

Все немного волновались, несмотря на свои стальные нервы. Даже автор малость суетился. Итак, Гена вынул из-за пазухи свою заветную трубочку, сделанную из нежного отростка дерева Сульп и подул!

Раздались эти странные звуки, уже дважды описанные в повести, и сундучок спокойно и непринужденно раскрылся. Древними, пустынными временами дохнуло изнутри. Все смолкло.

— Гена, доставайте ценности. Это ваше право, — дрожа от волнения, сказал автор.

Ценности оказались культурными!!! Это было письмо Йона трем его сыновьям: Мису, Маку и Тефя, — написанное на клочке древней кожи.

## Письмо Йона

О сыновья благородные, милые дети!  
К вам обращается Йон-прародитель,  
душою смущенный.  
Пойман был нами сегодня  
в капкан хитроумный.  
Мамонт ужасный, приплывший сюда  
издалека.  
Дети родные, мы вместе сражались  
с жестоким пришельцем.  
Мы не дрожали пред пастью его,  
что дышала вулканом.  
Мис-весельчак, ты всадил ему дротик  
под ребра!  
Доблестный Мак укротил его рык  
преотличнейшей глыбой!  
Ловкий Тефя, подобравшийся сзади,  
пришпилил  
Острым ножом его ухо к подножию  
Сульпа.  
Мне, смельчаки, вы оставили  
дело пустое —  
Просто добить исполина  
любимой мотыгой.  
Ныне победу великую  
праздновать мы собралися...  
Что ж я ловлю в ваших взглядах  
раздора летучие тени?



Если поссоритесь вы меж собою,  
будете втрое слабее.

Будущий мамонт,  
приплыв из косматых пространств  
на любимый наш остров,  
По одному вас пожрет без труда  
и за милую душу.

Вот мой завет, прародителя Йона.

Ребята!

Вместе сражайтесь  
и в мире делите победную шкуру!  
Если же схватитесь вы меж собою  
в постыднейшей склоке.

Вам не видать ни сирен, ни макак,  
ни дюгоней прелестных!

Сами себя вы погубите  
в мрачных сраженьях,  
Радостей жизни и юных утех  
не изведав.

Мир и согласие! — зывают к вам  
звезды.

Мир и согласие! — вам волны гремят.

Мир и согласие! — это ваш воздух.

Мир и согласие между тремя!

После ознакомления с древнейшим человеческим документом за столом Стратофоновых воцарилось неопределенное мол-

чание. Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что на какую-то долю минуты к этому молчанию присоединились и вы, многоуважаемый читатель. Дружище читатель, уж не испытали ли вы легкого разочарования? Уж не хочется ли вам вместе с сестрами Вертопраховыми еще раз заглянуть в глубь сундучка: нет ли там чего-нибудь кроме?

Я переглянулся с капитаном Рикошетниковым, и кандидат технических наук встал с легкой, но умной улыбкой.

— Друзья мои, — сказал он, — мне показалось, что вы испытали сейчас мимолетное разочарование. Друзья, не закралось ли в ваши сердца легкое сомнение: дескать, стоило ли тонуть в океане и подвергаться смертельным опасностям ради небольшого клочка мамонтовой шкуры? Друзья мои, как опытнейший из вас путешественник и приключенец, я торжественно заявляю: стоило!

Во-первых, друзья, культурную и гуманистическую ценность этого письма из глубины веков трудно преувеличить. Никакие «атомные бриллианты», никакие самые невероятные материальные сокровища не стоят даже двух слов призыва к миру, а здесь перед нами целый монолог,

и чей — прародителя Йона, древнейший и мудрый, несмотря на свою простоту, призыв: живите в мире, люди планеты!

Во-вторых, не показалось ли вам невероятным то, что эта темная клинопись на мамонтовой шкуре понятна нам всем от слова до слова, что она как бы ЗВУЧИТ внутри нас? Друзья, поверьте мне, что и материальная ценность этого загадочного письма из глубины веков превышает стоимость десятка, а то и сотни британских музеев.

И в-третьих... — капитан Рикошетников затянулся из своей трубки, окутался запахом гремучей смеси своих табаков, выпустил дым, похожий на султан Ключевской сопки, и сквозь этот дым улыбнулся Гене Стратофонтову таинственно и дружелюбно. — А в-третьих, Гена, надеюсь, вы не забыли, какие необычайные чувства, какой странный подъем интуиции охватили вас у подножия дерева Сульп? Вы не забыли, какая НЕВЕРОЯТНАЯ идея пришла вам тогда в голову? А не кажется ли вам всем, друзья, что в тот миг Гена Стратофонов, а вместе с ним и все мы стояли на пороге следующего и, может быть, самого фантастического приключения?

Спасибо, уважаемые друзья. Я кончил.

За столом, среди персонажей, воцарилось

ликование. Нет, не зря тонули в океане и подвергались смертельным опасностям — маленькому народу Больших Эмпиреев этот сундучок явно не повредит! Нет, не зря, не зря, не зря произошло все, что произошло. А что будет дальше? Что будет дальше?

Ликование еще более усилилось, когда узнали, что Питирим Филимонович вместе со своим ближайшим другом, продавщицей молочного магазина Дорой Семеновной Клобс, принесли к пиршеству целую огромную кастрюлю с первой порцией только что синтезированной и уже облагороженной смолой «гумчванс» универсальной еды. Все персонажи весьма оживились, а особенно животные, среди которых был и ирландский сеттер Флайинг Ноуз, который не играл в нашей повести никакой роли, а только лишь иногда оживлял картину. Все получили по несколько кругляшков, все попробовали, и всем очень понравилось. Мало того, все нашли, что эта универсальная еда чрезвычайно напоминает какую-то вкусную обыкновенную еду. Тут Питирим Филимонович слегка заволновался. И помрачнел.

— Скажите, а сколько будет стоить ваш продукт? — поинтересовались некоторые из присутствующих.

— Десять копеек килограмм, — ответил Питирим. — Не дороже картошки.

— Эврика! — воскликнули тут дети. — Да ведь это же печеная картошка!

Взрослые смущенно переглянулись; дети были правы — синтезированная за сорок лет универсальная еда в точности напоминала очень вкусную, но обыкновенную печеную картошку.

Дора Семеновна Клобс хлопотливо бросилась к Питириму Филимоновичу.

— Оставьте меня! — рявкнул тот. Он сидел неподвижно, белый как мел.

— Дружище Питирим! — обратился к нему Юрий Игнатьевич Четверкин от лица всех присутствующих, включая автора. — Ты сделал большое дело! В конце концов, мир только выиграет от того, что в нем будет больше печеной картошки!

Улыбка старого авиатора была так простодушна и заразительна, что и Питирим Филимонович невольно улыбнулся. Ликование в квартире Стратофонтовых разгорелось с новой силой.

...Мы завершаем наш Второй Эпилог маленьким эпизодом.

В разгаре ликования наш главный герой Геннадий тихонько проследовал в ванную комнату. Он хотел убедиться, доста-

точно ли надежно укрыта вафельными полотенцами его бронзовая копия. Ведь если ее ненароком увидят сестры Вертопраховы, особенно Наташка, не оберешься тогда издевательств.

Он тихо открыл дверь и увидел Наташу, а перед ней самого себя в бронзовом варианте. Все полотенца были удалены и валялись на полу. Наташа что-то сердито говорила скульптуре, как будто отчитывала его самого, Гену Стратофонтова, предупреждала ее поднятым пальцем и даже топала ножкой, а потом приблизилась и поцеловала ее в бронзовую щеку.

Гена неслышно прикрыл дверь, прошел по полутемному коридору, подпрыгнул к потолку и повис, ухватившись за крылышко маленького купидона. Там уже висел его сверстник, одноклассник и наперсник детских игр Валентин Брюквин.

— Давно висишь? — спросил его Гена.

— Минут пять, — ответил Валентин.

— Ох, ломает, ломает нас переходный возраст, — проговорил Гена.

— Ноу комментс, — заключил Брюквин.

## ЭПИЛОГ III

Теперь, когда все так благополучно разрешилось, нас могут спросить: все ли персонажи пристроены и не брошен ли нами на произвол судьбы злополучный Сиракузерс?

Ну, акула мясного бизнеса, ну, воротила фондовой биржи, но ведь оставили-то мы его привязанным к пальме крепкими бандитскими ремнями, а это все-таки не совсем гуманно.

Любезный гуманный читатель, успокойтесь — воротила отвязан. На острове Фео давно уже создан филиал фирмы «Интермиллионер-сервис», который приглядывает за акулой.

Акула же все забыл, ничего не помнит, никакого острова вокруг не осознает, весь день он бродит среди своих «реликтов памяти», плачет и смеется, вспоминая бандитскую юность и коммерческую зрелость, а вечером просит привязать его к полюбившейся пальме, что охотно выполняют мирные служащие ИМС Пабст и Грумло.

Словом — идиллия.

1975 г.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ПРОЛОГ</i> .....	3
<i>ГЛАВА I</i> , в которой зарождается новая повесть со старыми героями.....	5
<i>ГЛАВА II</i> , в которой Гена рассказывает о начале всей истории и через которую наискосок пробегает ирландский сеттер Флайинг Ноуз.....	40
<i>ГЛАВА III</i> , в которой автор пытается прервать повествование, но ему советуют запастись терпением и в которой звенит радиальная пружина «зан-тар» .....	71
<i>ГЛАВА IV</i> , в которой Гена продолжает свой рассказ, но где уже требуется вмешательство автора и где скрипят чугунные ворота Экономического института .....	82
<i>ГЛАВА V</i> , в которой Питирим Кукк-Ушкин впервые в жизни прислушался к своему «внутреннему голосу», но было уже поздно .....	97
<i>ГЛАВА VI</i> , в которой пищит морзянка, а ирландский сеттер Флайинг Ноуз косо пересекает пространство.....	115

<i>ГЛАВА VII</i> , в которой происходят такие обычные вещи, что опытные люди пред- почитают спать, закрыв лицо газетой «Ежедневное зеркало» .....	144
<i>ГЛАВА VIII</i> , в которой приносится жертва океанскому богу Де-Винду .....	187
<i>ГЛАВА IX</i> , в которой говорится о том, как не вредно иметь многолетних друзей .....	213
<i>ГЛАВА X</i> , в которой идут в ход мокрые деньги .....	260
<i>ЭПИЛОГ I</i> .....	270
<i>ЭПИЛОГ II</i> .....	274
<i>ЭПИЛОГ III</i> .....	283

*Серия «Любимое чтение»*

*Для среднего школьного возраста*

**Василий Павлович Аксенов**

## **СУНДУЧОК, В КОТОРОМ ЧТО-ТО СТУЧИТ**

*Приключенческий роман*

**Художник Г. Мазурин**

Редактор *Т. Тумурова*. Художественный редактор *Н. Федорова*  
Технический редактор *Т. Тимошина*. Корректор *И. Мокина*  
Компьютерная верстка *Н. Жиркова*

Санитарно-эпидемиологическое заключение  
№ 77.99.02.953. Д.004829.06.06 от 07.06.2006 г.

ООО «Издательство Астрель»  
129085, г. Москва, проезд Ольминского, За

ООО «Издательство АСТ»  
170002, г. Тверь, пр-т Чайковского, д. 27/32

Наши электронные адреса: [www.ast.ru](http://www.ast.ru)  
E-mail: [astpub@aha.ru](mailto:astpub@aha.ru)

Общероссийский классификатор продукции  
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Издано при участии ООО «Харвест».  
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.  
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,  
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

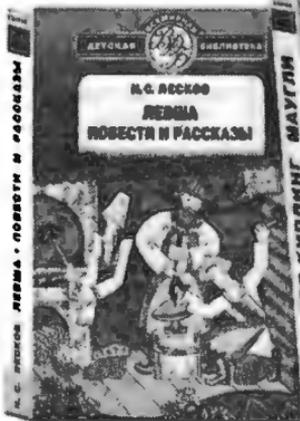
Открытое акционерное общество  
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».  
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.



Издательство «АСТ»,  
Издательство «Астрель»  
представляют серию  
**«ВСЕМИРНАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА»**

Книги этой серии любимы многими поколениями читателей в разных странах мира.

Среди авторов А. С. Пушкин, А. П. Чехов, Марк Твен, Гектор Мало, Борис Заходер, К. Чуковский, Редьярд Киплинг, А. Барто, С. Михалков, Кир Булычѳв, Лев Кассиль, Е. Велтистов, Э. Успенский, В. Коржилов, В. Берестов, В. Железников, С. Маршак и многие-многие другие.





**Издательство «АСТ»,  
Издательство «Астрель»  
представляют серию  
«ВСЕМИРНАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА»**

Серия выдержана в лучших академических традициях отечественного книгоиздания. В каждом томе читатель найдет наиболее яркие произведения, отражающие творческую индивидуальность автора. Авторские тексты сопровождаются вступительными статьями и комментариями литературоведов.

Эта серия книг бесценна для читателей, их родителей, библиотекарей, учителей и всех-всех, кто любит литературу.





*Дорогие читатели!*

*Перед вами новая повесть со старыми героями. На самом деле главный герой Геннадий Стратофонов — подросток на грани юношества. Если вы его увидите где-нибудь на улице, то, несмотря на его обычный вид, вы сразу поймёте: перед вами герой приключенческой книги, той самой, «Мой дедушка — памятник». И в этой повести Геннадий опять оказывается в стране Большие Эмпирей и с ним происходят невероятные события. Но Гена не теряет в трудных обстоятельствах и побеждает международную мафию!*

ISBN 978-5-17-042779-6



9 785170 427796